

В.П. Пачулиа

**ПАДЕНИЕ
АНАКОПИИ**

*Легенды
Кавказского
Причерноморья*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1986

В.П. Пачулиа

**ПАДЕНИЕ
АНАКОПИИ**

*Легенды
Кавказского
Причерноморья*

ББК 82.3(2)

П21

Ответственный редактор
и автор послесловия
академик Ю. В. БРОМЛЕЙ

Пачулиа В. П.

П21 Падение Анакопии (Легенды Кавказского Причерноморья). Послесл. акад. Ю. В. Бромлея. М.: Главная редакция восточной литературы, 1986.

240 с. с ил.

В сборник вошли собранные и обработанные автором легенды абхазов, западных грузин, адыгов, убыхов — жителей Кавказского Причерноморья. Тексты снабжены авторскими комментариями, дающими представление об элементах историзма и степени исторической достоверности легендарных сюжетов, событий и явлений.

П $\frac{4703020000-010}{013(02)-86}$ 178-85

ББК 82.3(2)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА

Кавказское Причерноморье, его юго-восточная часть (в древности Колхида, известная древним грекам как область расселения племени колхов) — свидетель многих исторических событий. Предки аборигенов этой земли — грузин, абхазов, адыгов — с незапамятных времен вели здесь упорную борьбу за свое историческое существование — сначала с дикой природой, а затем с нашествиями врагов. Лишь ценой огромных усилий удалось им выстоять в неравной борьбе. И не только выстоять, но и сохранить свой язык и обычаи, создать богатую духовную культуру, памятники которой до сих пор поражают самобытностью, силой эмоционального воздействия и разнообразием форм. Значительную часть этого наследия составляют замечательные произведения фольклора: исторические сказания, сказки, легенды, предания, притчи, песни, пословицы и поговорки.

Если у грузинского народа письменная культура возникла еще в глубокой древности, то абхазы до сравнительно недавнего времени не имели своей письменности. Поэтому устное народное творчество было для них единственной возможностью выразить свое отношение к явлениям и событиям действительности, чаяния и надежды, безграничную любовь к жизни и свободе, жгучую ненависть к врагам.

Каждое новое поколение обогащало сокровищницу фольклора. В свою очередь, оно черпало оттуда щедрые россыпи народной мудрости, коллективного опыта, извлекало правила нравственности и морали, пользовалось примерами героического прошлого своего народа. Фольклор донес до нас в той или иной мере и черты исторической действительности даже в наиболее древних пластах устного народного творчества; несмотря на мифологическую оболочку, своеобразную символику и прие-

мы типизации, можно отыскать определенные исторические корни, установить связи с многими событиями и явлениями истории. Как справедливо отмечает советский ученый В. В. Пименов, «любое фольклорное произведение содержит в себе отражение исторической действительности... Весь вопрос в том, какова степень этой историчности, зависящая, в свою очередь, от того, с каким фольклорным жанром мы имеем дело; мера историзма, присущая волшебной сказке, несомненно, неодинакова со степенью его, свойственной былинам, рунам или историческим преданиям»¹.

Конечно, даже в исторических сказаниях, легендах и преданиях меру достоверности не следует преувеличивать, но нет сомнения в том, что содержащиеся в них исторические элементы могут быть использованы в качестве вспомогательного источника. В одном случае это сведения об определенной исторической личности, в другом — указание на историческое событие, в третьем — место, где оно происходило, и т. д. Немаловажную роль играет здесь и время создания фольклорного произведения, так как в глубокой древности исторические события, как правило, в гораздо большей степени растворяются в фантастической стихии, чем, допустим, в памятниках средневековья. Из дошедших до нас образцов устного народного творчества западных грузин, абхазов и причерноморских адыгов героические сказания, предания и легенды составляют наиболее значительную часть фольклорного фонда.

Особое место в фольклорном наследии абхазов и адыгов занимают так называемые сказания о нартах. Этот эпос широко бытовал и у осетин, в разной степени имел распространение среди карачаевцев, балкарцев и других народов Кавказа. В своих наиболее древних пластах абхазский вариант эпоса хронологически восходит еще к VIII—VII вв. до н. э., а формирование его в основном закончилось в период средневековья (XIII—XIV вв.)².

«Нартовский эпос,— отмечал известный советский кавказовед В. И. Абаев,— это поэтизированная и фантастическая автобиография народа в древнейший, овеянный мифами и легендами

¹ В. В. Пименов. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.—Л., 1965, с. 129—130.

² См. об этом: Ш. Д. Инал-ипа. Слово о нартах (Предисловие). Приключение нарта Сасрыквы и его девяти братьев. М., 1962, с. 5—12; его же. Абхазы. Сухуми, 1965, с. 595—605; Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963, с. 156—247; В. И. Абаев. Нартовский эпос.— «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института». Т. X. Вып. I, 1945.

период его жизни. В нем отразилась история народа, история древнего быта и мировоззрения, народных доблестей и идеалов»³.

Формирование нартского эпоса началось в период поздней бронзы, когда на территории Абхазии, как и во всей Западной Грузии, получила развитие так называемая колхидская культура. В погребениях этого времени археологи находят бронзовые топоры, покрытые гравированными орнаментами, бронзовые наконечники копий, разнообразные украшения, уникальную керамику. Поселения древних абхазов располагались на берегу моря, где местные жители занимались соляным промыслом, на пологих склонах холмов или даже на их вершинах. Там возводились небольшие, главным образом деревянные укрепления. Этот период характеризуется ожесточенными междоусобицами среди родов и межплеменной борьбой, которая нашла яркое отражение и в сказаниях о нартах.

Главный герой эпоса — Сасрыква (абхазы называют его «афырцаха» — «мужчина, подобный молнии»). Он совершает множество подвигов: укрощает диких коней, сражается с драконами, со страшными великанами. Величайший его подвиг — овладение огнем, который он затем приносит народу. Наиболее яркий образ Великой Матери нарт — Сатаней Гуаши. Это воплощение разума и совести народа. Она — родоначальница и хранительница семейного очага, прорицательница рода и его волшебница. В эпосе наряду с культом Великой Матери отразился также культ кузницы, возникший в период освоения железа. Значительный след оставили представления о всеобъемлющем и всепроникающем духовном начале, правящем миром, о божествах-покровителях лесов и дичи (древний охотничий культ «ажвейпшаа»). Исторически нартские сказания «в значительной степени отразили процесс перехода от матриархата к патриархату, зарождение военной демократии в условиях сильных матриархальных пережитков»⁴.

С нартами по одной из легенд связана огромная крепость Нарчхоу (к югу от Ткварчели), мощные стены которой протянулись над скалистым обрывом, а также крепость Гуитвинт на западе Абхазии. Нарт Сасрыква, по преданию, был похоронен возле села Цмур, в верховьях реки Гумисты.

Конец того периода ознаменован частыми военными столкновениями с проникавшими с Северного Кавказа кочевыми племенами.

³ В. И. Абаев. Нартский эпос, с. 94.

⁴ Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса, с. 162.

Одним из наиболее крупных нашествий на Абхазию было вторжение киммерийцев в конце VIII в. до н. э. Как полагают исследователи, именно события киммерийского и последовавшего за ним скифского нашествия легли в основу другого замечательного памятника абхазского фольклора — героического эпоса об Абрскиле.

Один из современных исследователей абхазского эпоса, Ш. Х. Салакая, писал, что это сказание «выступает как бы связующим звеном между двумя разновидностями эпического творчества кавказских народов: с одной стороны, всем своим внутренним строем, идейным содержанием оно предстает перед нами как дальнейшее развитие нартского эпоса, с другой — оно неразрывно связано с циклом кавказских преданий о великанах, прикованных к горам или заточенных в пещеры, о героях типа греческого Прометея»⁵.

В ряде вариантов сказания подчеркнуты богоборческие действия героя. Поскольку древнейшие из них хронологически можно датировать переходным периодом от первобытнообщинного строя к классовому обществу, то в этих действиях Абрскила, по-видимому, нашел отражение процесс самоутверждения человеческой личности, впервые противопоставившей себя сверхъестественным силам.

Дальнейшее углубление и переосмысление этого образа мы находим в значительно более поздних версиях, где Абрскил символизирует борьбу народа за свободу и социальную справедливость.

Во всех вариантах сказания об Абрскиле герой борется с дикой природой (символизированной папоротниками и виноградными лозами, в иных случаях — лианами), с некими рыжими, голубоглазыми людьми и, наконец, с двумя местными родами — Кацба и Эшба. Первый сюжет представляет собой наиболее древний пласт эпоса и отражает период зарождения и развития земледелия.

Наиболее интересен своим историческим содержанием второй пласт — борьба героя против «рыжих, голубоглазых людей». Еще в 20-х годах нашего столетия известный советский кавказовед Г. Ф. Чурсин указывал, что в ней, вероятно, следует видеть «отдаленное воспоминание об упорной борьбе абхазского народа с каким-то чуждым народом — голубоглазыми блондинами... Борьба эта кончилась не в пользу абхазов, так как в

⁵ Ш. Х. С а л а к а я. Абхазский народный героический эпос. Тб., 1966, с. 114.

конце концов Абрскил был заточен в пещеру, а „рыжие и голубоглазые“ по-прежнему продолжали жить в Абхазии»⁶.

Описание внешнего облика этих неведомых врагов заставляет вспомнить свидетельство Гиппократов, относящееся к V—IV вв. до н. э. «...Все скифское племя,— пишет он,— рыжее вследствие холодного климата, так как солнце не действует с достаточной силой, и белый цвет как бы выжигается от холода и переходит в рыжий»⁷.

Археологические исследования и другие источники говорят, что скифы, продвигаясь по территории Колхиды, частично на ней оседали. Это дает основание считать, что «в борьбе Абрскила против рыжих и голубоглазых как раз и отражена борьба аборигенов с пришельцами, то есть киммерийцами-скифами»⁸.

Много сказаний и легенд связано со временем греческой, а затем римской колонизации Северо-Восточного Причерноморья — территории исторической Колхиды.

Колхида, издавна населенная предками грузин и абхазов, породила один из замечательных греческих мифов — об аргонавтах. Не исключено, что это предание было известно в Абхазии. Однако оно распространилось здесь уже во второй половине XIX — начале XX в. Рассказы первых путешественников о плодородной земле и благодатном климате восточного побережья Черного моря древние греки слышали задолго до начала колонизации ими этих мест. Сюда устремлялись греческие моряки и купцы, подогреваемые слухами о том, что в Колхиде дворцы строятся из меди, а в местных реках много золота, которое жители меняют на бараньи шкуры. 2500 лет назад греки на Черноморском побережье Кавказа основали вблизи бухт, удобных для стоянки судов, в местах, уже обжитых местным населением или поблизости от них, свои города-колонии: Диоскурию (современный Сухуми), Поэнос (Очамчири), Питиус (Пицунда), Триглит (Гагра), Бату (Новороссийск), Горгипию (Анапа), Фазис (Поти), Батус (Батуми) и др.

Греческие города-колонии превратились в важнейшие культурные и экономические пункты Черноморского побережья. Греческие купцы привозили сюда соль, оружие, украшения и

⁶ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 244.

⁷ См.: В. В. Латышев. Сведения древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе.— «Вестник древней истории». М., 1947, № 2.

⁸ Г. В. Цулая. Мифологические тайны пещеры Абрскила.— «Труды Абхазского института языка, литературы и истории». Т. XXXIII. Сухуми, 1963, с. 327.

обменивали эти товары у местных племен на кожи, воск, мед и древесину. Экономическое и культурное влияние греков в Северном Причерноморье продолжалось около 500 лет и заметно сказалось на культуре местных племен. Оно проявилось, в частности, в усовершенствовании домашней утвари, в обряде погребения, в чеканке местной монеты и т. д.

В первой половине I в. до н. э. территория Черноморского побережья Кавказа входила в состав Понтийского царства, воевавшего с Римом. Понтийский царь Митридат VI Евпатор провел зиму 66/65 г. до н. э. в Диоскурии. Город переживал тогда свой расцвет. В сравнительно недавнее время зафиксирована любопытная легенда о последних днях Митридата, в частности о пребывании его в Диоскурии⁹.

На рубеже нашей эры вся территория Абхазии была охвачена межплеменной борьбой. Некогда процветавшие города Питиус и Диоскурия были опустошены и разрушены местными племенами гениохов. Гибель Диоскурии нашла отражение в смутных, отрывочных преданиях о какой-то катастрофе, постигшей город чужестранных купцов¹⁰.

⁹ Легенда впервые опубликована Ф. Д. Картвиним под названием «Смерть царя Митридата Евпатора» в «Черноморском альманахе» за 1914 г. Как и другое сказание на ту же тему, приведенное в альманахе под названием «Гнев Диоскуров», она, вероятно, представляет собой литературно обработанный фольклорный мотив.

¹⁰ Относительно гибели Диоскурии в разное время было высказано несколько предположений. В 1876 г. краевед В. И. Чернявский пытался обследовать остатки древних сооружений на дне Сухумской бухты, но из-за примитивного технического оснащения экспедиции ему не удалось осуществить свой замысел. Затем возникла гипотеза, что Диоскурия оказалась на дне моря в результате опускания берега или грандиозного оползня. Систематические исследования затонувшего города начались с 1951 г., когда экспедицией Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Грузинской Академии наук под руководством М. М. Трапша было установлено, что Диоскурия находилась на месте современного Сухуми и что значительная часть города покоится на дне Сухумской бухты. Об этом свидетельствовали обнаруженные остатки зданий, старинная утварь и т. д. и особенно мраморный барельеф второй половины V в. до н. э. с фигурками двух женщин и мальчика, некогда украшавший некрополь Диоскурии. В 1957 г. ученому и аквалангисту Л. А. Шервашидзе удалось составить гидроархеологическую карту памятников древности, находящихся на дне Сухумской бухты. С лета 1962 г. были предприняты новые гидроархеологические исследования под руководством автора этих строк. Обследование привело к ряду подводных находок — остатков круглой башни, фрагментов затонувших стен, обломков амфор, пифосов

В начале нашей эры сначала в Севастополе, возникшем на месте погибшей Диоскурии, а затем и в нескольких других пунктах побережья разместились римские гарнизоны.

Римляне, утвердившиеся на Черноморском побережье Кавказа, придавали исключительно большое значение этим местам, образовав здесь барьер от нападений северных кочевников. Они сооружали укрепления и в то же время старались поддерживать мирные отношения с местными племенами, на помощь которых рассчитывали.

В этот период на территории Абхазии проживали древние племена санигов, абазгов и апсиров. Часть последних, разместившихся в горных долинах Цебельды, образовала так называемую цебельдинскую позднеантичную культуру, характеризующуюся разнообразными памятниками — крепостями, поселениями и могильниками. Исследование могильников дало богатейший материал для выявления исторической картины жизни местных племен в I—VI вв. н. э.¹¹

Питиус в это время служил местом ссылки христиан. Так, согласно легенде, один из семи братьев — антиохийских христиан был сослан сюда при Диоклетиане, но по пути скончался. Похоронили его в Питиусе.

С IV до середины VI в. значительная часть территории Черноморского побережья Кавказа подчинялась Лазскому царству, зависимому от Византии, выросшей на развалинах Восточной Римской империи.

Тогда же через византийских миссионеров (об одном из них — евнухе Ефрате, по происхождению абхазцу, — сохранилось несколько легенд) начинается распространение христианства в Причерноморье. Являясь одним из средств колонизации

и т. д. Резкое увеличение глубины бухты и наличие огромных трещин на дне наводят на мысль, что гибель Диоскурии могла произойти в результате катастрофы, вызванной тектоническими причинами. Окончательное заключение о времени и причинах гибели древнего города — задача последующих экспедиций (подробнее об этом см.: М. М. Трапш. Мраморный барельеф из Сухуми. — «Вестник древней истории». М., 1954, № 1; Л. Н. Соловьев. Диоскурия — Севастополь — Цхум. — «Труды Абхазского государственного музея». Вып. I. Сухуми, 1947; А. М. Апкидзе, О. Д. Лордкипанидзе. Новые материалы археологии Диоскурии — Севастополя. — «Труды Абхазского института языка, литературы и истории». Т. XXXIII—XXXIV. Сухуми, 1963; В. П. Пачулия. По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми, 1969, с. 29—34).

¹¹ М. М. Трапш. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг. — «Труды Абхазского института языка, литературы и истории». Т. XXXIII—XXXIV. Сухуми, 1963, с. 262—272.

края Византией, оно встречало упорное сопротивление языческого населения. Попыткой отпора колонизаторам были, в частности, знаменитая Трахейская битва у Гагр и битва у Тцахара — столицы мисимиян, одного из абхазских племен. Эти события подробно описаны в VI в. византийскими историками Прокопием Кесарийским и Агафием¹².

Принятие в 527 г. христианства привело к развитию в Абхазии местной церковной архитектуры. В VI—VII вв. были построены Цандрипшский и Гагрский храмы, два храма в Пицунде, Драндский собор и другие культовые сооружения.

В 736 г. Абхазия перенесла разрушительное нашествие арабов во главе с полководцем Мерван-Кру (Глухим) ибн Мухаммедом. Были уничтожены многие крепости, в том числе частично Келасурская стена и город Цхум (Сухуми). Но у Анакопии (Новый Афон), ставшей к тому времени столицей абазгов, которую обороняло вместе с абхазами и грузинское войско, арабы были вынуждены остановиться. После долгой осады, истощенные эпидемией (согласно грузинским источникам X в., от чумы в лагере погибло 35 тысяч человек), арабы потерпели поражение и более уже никогда не решались ступить на Черноморское побережье Кавказа.

В конце VIII в. на территории Абхазии, успешно отразившей натиск врагов, сложилось Абхазское царство, распространившееся затем на все Западное Закавказье. Население его состояло из грузинских, абхазских и адыгских племен.

На Кавказском Причерноморье расцветают культура и экономика, строятся дворцы, храмы, целые архитектурные ансамбли. К этому времени относится сооружение Бзыбского архитектурного комплекса (включавшего два храма и крепость), Лыхненского храма, Хашурской крепости, Моквского собора. Тогда же были сооружены некоторые объекты Анакопии и крепостные укрепления в Аджарии и в Анапе.

С архитектурными памятниками Черноморского побережья Кавказа связана большая группа легенд и преданий. Это «Предание о великом зодчем», рассказывающее о том, как жестокосердный царь Леон, чтобы не платить зодчему и сохранить неповторимость Моквского собора, погубил его создателя; «Легенда о Пицундском храме», повествующая о двух зодчих, соревновавшихся за скорейшее завершение своей части работы; «Легенда о закладке Лыхненского дворца» с традиционным сю-

¹² См.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 403 и сл.; Агафий. О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953.

жетом о том, как в стену дворца замуровывают юношу и девушку; «Легенда о строительстве башни в Батуме» воинами грузинской царицы Тамар и др. Наиболее устойчивые варианты этих легенд публикуются в настоящей книге.

Интересна и красочная легенда об ацанах-карликах, якобы живших некогда в горах Абхазии и оставивших здесь свои жилища — *ацангуары*. Ее относят к эпохе становления абхазской государственности. Именно на это время падает интенсивное развитие яйлажного скотоводства, когда пастухи с семьями по долгу вынуждены были жить в горах. Позже по каким-то причинам ацангуары были покинуты, а спустя несколько веков заново «открыты» следующими поколениями пастухов. Уместно отметить, что легенды об ацанах типологически схожи с мифами о карликах (пигмеях).

В конце XI в., после смерти последнего абхазского царя Феодосия Слепого, почти все Черноморское побережье Кавказа входит в состав объединенного Грузинского государства.

Из легенд и преданий, создание которых можно приурочить к тому времени, большинство связано с постройкой культовых, оборонительных, гражданских и иных сооружений, таких, как Пицундский храм, Беслетский мост и т. д. Доля достоверности в этих легендах, как правило, незначительна. Тем не менее сюжеты легенд не лишены внешнего правдоподобия и не обременены фантастическими элементами. Дошли они до нашего времени в основном хорошо сохранившимися и в сравнении с другими отличаются разнообразием локальных вариантов.

Значительно богаче и разнообразнее представлены в устном творчестве народов Черноморского побережья Кавказа события, имевшие место в средневековый период, во времена тягчайших испытаний, выпавших на долю абхазского и адыгского народов, оказавшихся под властью иноземцев. В конце XII в. на побережье исторической Колхиды закрепились венецианцы, спустя два века их сменила генуэзская колонизация, а с конца XV в. здесь утвердилось безраздельное господство султанской Турции.

С началом экспансии венецианцев и генуэзцев на Черноморском побережье Кавказа развилась работоторговля.

Во многих прибрежных пунктах Кавказского Причерноморья возникли генуэзские фактории: Хоста, Хакара (Гагра), Санта София (район Пицунды), Пецонда (Пицунда), Севастополис (Сухуми), Санта Анджела (устье реки Ингур, на территории современной Анаклии) и др. Наибольшее значение имел Севастополис, где находилась резиденция протектора всех генуэзских колоний на побережье Кавказа. Кроме того, Севасто-

полис стал одним из важнейших генуэзских невольничьих рынков.

Вовлекая Черноморское побережье Кавказа в сферу европейской культуры и торговли, генуэзская экспансия в какой-то степени стала положительным фактором, но в общем она отрицательно сказалась на судьбах местных народов, поскольку политика Генуи, как и Венеции, была связана с грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний.

Венецианско-генуэзская колонизация сменилась еще более тяжким турецким игом. В 1475 г. турки опустошили Кафу, а затем и другие центры генуэзцев на Черном море. Вплоть до последней четверти XIX в. территория Черноморского побережья Кавказа (за исключением Абхазии и Мингрелии) находилась под властью турецких султанов. Турецкое господство, сопровождавшееся жестоким угнетением, грабежом и насилием над коренным населением, нанесло стране огромный урон. некогда процветавшие города превратились в невольничьи рынки. По данным французского путешественника Шардена, посетившего Черноморское побережье Кавказа в XVII в., турецкие купцы ежегодно вывозили отсюда в Малую Азию, Египет и другие районы обширной Турецкой империи до 12 тысяч рабов. Султанские власти насильственно насаждали ислам, грабили и уничтожали созданные трудом многих поколений храмы, дворцы, города и селения.

Об этом мрачном времени, о страданиях народа рассказывается в многочисленных произведениях грузинского, абхазского и адыгского фольклора. Особенно ярко этот период истории отражен в некоторых абхазских легендах.

Благородными идеями борьбы с поработителями за единство народа перед угрозой турецкого завоевания проникнуты, например, легенды «Как были спасены жители Пицунды» и «О Пицундской стене». Нарочитая «приземленность» действия и подчеркнутое сюжетное правдоподобие придают последней легенде черты исторической достоверности. В несколько ином, героико-романтическом плане эта тема борьбы с иноземными поработителями отражена в легенде «Пшкяч-ипа Манча и красавица Мадина».

Происхождение песен, легенд и рассказов о народном герое Пшкяч-ипа Манче может быть отнесено к более раннему периоду абхазской истории, но варианты, несомненно, относятся и ко времени турецкого нашествия.

Об этом свидетельствуют упоминание о семи пулях, изрешетивших грудь Манчи (использование в бою огнестрельного оружия), и свойственное более позднему времени усложнение

структуры произведения, наметки портретной характеристики героини в заключительном эпизоде. Образ женщины-воительницы Мадины дается здесь более развернуто, чем ее предшественницы из нартовского эпоса — Гунды.

Вообще сюжеты средневековых абхазских легенд и преданий отличаются большим разнообразием. Это и рассказ о Келасурском пещерном замке, в котором были спрятаны монастырские ценности от завоевателей-турок («Тайна пещерного замка»), и о кознях врагов, стремившихся посеять вражду между дружественными родами («О Бзыбской и Калдахварской крепостях»), и трогательная история любви двух молодых людей («Откуда пошло название Гудаута»), и тесно примыкающее к последней предание о том, как возникло древнее поселение Гагра, и легенда, связанная с замечательным сооружением древности («Легенды о Великой Абхазской стене»).

В ряде легенд отражены древние культовые верования, сохранившиеся среди местного населения и в позднее средневековье («Сказание о возвращении огня»), многие из них посвящены различным сторонам народного быта, а некоторые носят явно антирелигиозный характер («Лашкендар — Собачий храм»).

Любопытна легенда о священном быке, дошедшая до нашего времени в нескольких вариантах. Она связана с Илорским храмом св. Георгия (XII в.) и отразила существовавший синкретизм языческого культа с христианским обрядом. Согласно поверью, святой Георгий в канун храмового праздника приводит быка во двор Илорской церкви. После прикосновения святого бык становился «священным», и мясо его приобретало способность исцелять любые недуги¹³.

Интересен цикл легенд, относящихся к средневековью, а частично, может быть, и к более раннему времени, о возникновении самых больших озер Черноморского побережья Кавказа: Палеостоми, Рицы, Амткела, Инкита, Абралы Турсо — и водопада «Девичьи слезы». В этих легендах дается своеобразное толкование природных явлений. Много общего они обнаруживают с произведениями фольклора других народов Кавказа.

Начиная с XV в. на Черноморское побережье Кавказа проникает еще одна мировая религия — ислам. Значительное число абхазов, убыхи, адыгские народы при турецком господстве становятся мусульманами. Вместе с тем под оболочкой хри-

¹³ Подробнее об этом см.: С. Т. З в а н б а. Обряд жертвоприношения святому победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазами. — «Этнографические этюды». Сухуми, 1955.

стианства и ислама долгое время продолжает существовать комплекс древних верований и культов, присущих населению этого края. О жизни жителей Колхиды в период турецкого владычества известно мало, хотя многими данными об этом периоде мы обязаны турецкому путешественнику Эвлии Челеби.

Владычество турок на Черноморском побережье Кавказа закончилось в Мингрелии в 1804 г., в Абхазии в 1810 г., на Западном Кавказе в 1864 г., в Аджарии в 1878 г. В результате русско-турецкой войны (1877—1878) турки окончательно были изгнаны с территории Черноморского побережья Кавказа.

Этот исторический акт стал поворотным пунктом в жизни народов Черноморского побережья Кавказа. Несмотря на тяжелый гнет царизма и его жестокую колонизаторскую политику, он имел большое прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития местных народов. Постепенно стали возрождаться опустошенные турками земли, строиться порты, расширились связи с внешним миром. Особенно плодотворным было приобщение грузинского, абхазского и адыгского народов к русской культуре, отличавшейся большими демократическими и гуманистическими традициями. Черноморское побережье Кавказа посещали многие видные деятели русской и западноевропейской науки и культуры. Интересные сведения по абхазской и адыгской истории и варианты некоторых легенд встречаем мы у известного французского путешественника и ученого Ф. Дюбуа де Монперэ и Поля Гибеля, посетивших побережье в первой половине XIX в.

В середине прошлого века заметно повышается интерес к истории и этнографии края со стороны русской, грузинской и зарождающейся абхазской и адыгской интеллигенции. В тот же период начинается сбор абхазских легенд и преданий. Несомненная заслуга в этом принадлежит первому абхазскому ученому-этнографу С. Т. Званбе, записавшему много произведений устного народного творчества, в том числе и легенду, связанную с Илорским храмом XII в. Чуть позже несколько вариантов легенд об озере Попанцкур, пещере Абрскила и Ача-Тызго записал от сказителя Хагупирия Тужбы учитель очамчирской школы В. Гарцкия. В конце XIX в. начались работы по собиранию фольклора основоположником абхазской литературы Дмитрием Гулиа.

Народному творчеству абхазов, адыгов и убыхов был нанесен огромный урон в результате махаджирства — массового переселения в Турцию значительной части абхазского, адыгского и убыхского населения в 60—70-х годах XIX в. Маха-

джирство привело к уничтожению и забвению большого числа памятников духовной культуры. Многие из того, что хранила память абхазских, адыгских и других народных певцов и сказителей, навсегда унесенных с родины волной переселения, не было записано.

Во второй половине XIX в. на Черноморском побережье Кавказа, в частности в Абхазии, широко развернулось монастырское строительство (монастыри возникают в Пицунде, Новом Афоне, Камане, Келасури, Драндах, Мокве, Бедии и в других местах). Не без влияния священнослужителей распространяются различные предания и легенды на религиозные темы — о Симоне Каноните, Иоанне Златоусте и др. Иногда эти предания переосмыслились и приобретали антирелигиозный характер.

В начале нашего века вышла первая книга стихов на абхазском языке Дмитрия Гулиа (1912). Легенды и сказки абхазов, записанные им, вошли в его «Историю Абхазии», опубликованную в 1925 г. В культурно-просветительной работе и в сохранении наследия духовной культуры народа большую роль сыграли С. П. Басария, А. М. Чочуа, А. Н. Джанашиа, К. Д. Мачавариани, В. Х. Гарцкия и И. И. Гулиа.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, знаменовала коренной поворот и в жизни народов Черноморского побережья Кавказа. В 1920—1921 гг. здесь окончательно была установлена Советская власть. Впервые за всю историю народы Черноморского побережья Кавказа получили свободу, условия для осуществления своих вековых чаяний и огромные возможности для развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

События революции и гражданской войны широко отразились в устном народном творчестве западных грузин, абхазов и адыгов. Многие сюжеты приобрели легендарную окраску, в них подчеркивались героизм, отвага, мужество борцов за свободу народа.

В 1922 г. в Сухуми было создано Абхазское научное общество. В те же годы основывается Аджарское научное общество. Главная задача этих обществ — изучение и сбор произведений фольклора.

Большое значение для этой работы имело письмо великого пролетарского писателя А. М. Горького, адресованное творческим работникам Адыгеи и Абхазии.

В 30-х годах основную роль по сбору фольклорного материала взял на себя Абхазский научно-исследовательский инсти-

тут краеведения, созданный на базе Абхазского научного общества. Значительные заслуги в сборе абхазского фольклора в советский период имеют Д. И. Гулиа, Г. Ф. Чурсин, А. М. Чочуа, И. Е. Адзинба, К. С. Шакрыл, Х. С. Бгажба, Ш. Д. Инал-ипа, Ц. Н. Бжания, Ш. К. Салакая, С. Л. Зухба, А. А. Аншба и др. Особо нужно отметить большой вклад в дело сбора и публикации фольклора, сделанный народным поэтом Абхазии Б. В. Шинкубой.

После Великой Отечественной войны такую же работу стали проводить Абхазский институт языка, литературы и истории, Батумский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории АН ГрузССР и Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории в городе Майкопе. Собирают фольклорный материал также музейные работники Абхазии, Аджарии, Сочи, Геленджика, Анапы и других городов Кавказского Причерноморья.

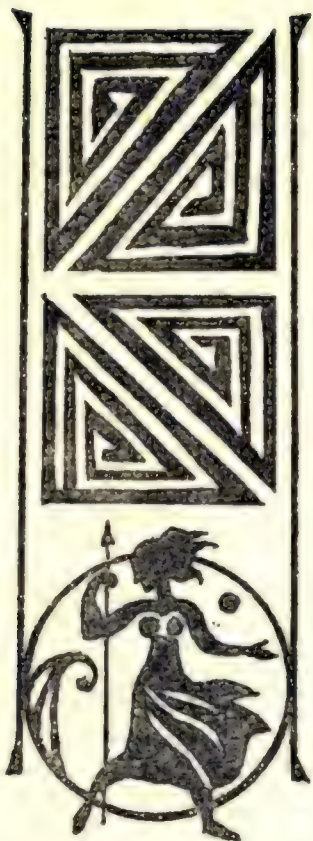
Много легенд и преданий, связанных с теми или иными историческими памятниками, древними городами, в последние двадцать лет записано сотрудниками Абхазского и Аджарского советов грузинского Общества охраны памятников культуры. Найдены также легенды о безымянных зодчих, оставивших великолепные архитектурные сооружения. Работа ведется целенаправленно и с каждым годом расширяется. Фольклорное наследие коренных жителей Черноморского побережья Кавказа, а также русских, украинцев, болгар и эстонцев, поселившихся в этих местах, должно быть сохранено.

В настоящем сборнике представлены сохранившиеся в памяти народа исторические предания и легенды, связанные с Черноморским побережьем Кавказа. Значительная часть их была записана и переведена на русский язык автором этих строк. Сбор проводился в течение последних двадцати лет в различных местностях Черноморского побережья Кавказа — от Батуми до Таманского полуострова. Определенное количество текстов взято из письменных источников.

Приведенные легенды и предания в нашей обработке далеко не полно представляют богатое фольклорное наследие народов Черноморского побережья Кавказа, однако затрагивают основные аспекты жизни, культуры, быта и нравов этих народов.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАРОДОВ
ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА,
ИХ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

АБРСКИЛ — ПРОМЕТЕЙ АПСНЫ¹

Неподалеку от селения Члоу лежит громадный черный камень, рассеченный на две равные части. Старики рассказывают, что его в гневе разрубил богатырь Абрскил. Давно, очень давно это случилось.

Однажды Абрскил поднял этот камень и понес его на вершину горы, но случайно поскользнулся и выпустил из рук. Покатился камень вниз, ломая на своем пути леса, меняя русла горных рек. Рассердился Абрскил, выхватил из ножен свой обоюдоострый меч. Вот и лежит с тех пор камень, разрубленный богатырем пополам.

В те далекие времена напали на священную землю АПСНЫ коварные и жестокие чужеземцы-завоеватели. Земля стонала под игом пришельцев, люди молили богов о спасении. Смилостивились боги, послали на землю богатыря невиданной силы и смелости. Его матерью была девица, не познавшая мужчины. Боги наградили богатыря Абрскила крылатым конем-арашем, и стал он неуязвим.словно снежная лавина с гор, рушил и уничтожал врагов на своем пути Абрскил, словно страшная буря, проносящаяся над морем, метался он из края в край по земле АПСНЫ. Без счета разил он людей из родов Асубов и Кацубов, предавших чужеземцам родную землю, а их бездыханные тела сбрасывал в волны.

Тогда на отлогий берег моря вышли двенадцать прекрасных дочерей богини моря Кодош и, приблизившись к Абрскилу, отдохавшему после боя, сказали:

— Витязь, не гордись: удача послана тебе богами! Ты оскверняешь дом нашего отца, бросая трупы своих врагов в море. Остерегись! Страшен в гневе наш могучий отец.

¹ А П С Н Ы — так называют свою родину абхазы.— *Здесь и далее примеч. авт.*

Но не послушал их гордый богатырь.

— Дочери моря, ветер — владыка вашего ума, буря — госпожа вашего рассудка. Я пришел сюда, чтобы освободить свою родную землю от непрошенных гостей. Полной чашей я пью вино битвы! Я опьянен победами, и ничто и никто не остановит меня! — отвечал им Абрскил.

Опечаленные, дочери царя морского вернулись в свои чертоги и все рассказали своему отцу. Разгневался царь, закипела морская гладь, белоглавые волны с шумом разбивались о скалы.

А тем временем Абрскил мчался с запада на восток, чтобы освободить родной край от врагов. Ринулся он к вершинам Панау и, словно буря, сметал врагов. Их кости хрустели под копытами коня — крылатого араша. Непрошенные пришельцы убегали в дальние земли, а роды Асубов и Кацубов стали скрываться в лесных дебрях.

Тогда златокудрая дочь царицы Земли Даль вышла из бездны и предстала перед Абрскилом. Вид у нее был грозный, чело чернее тучи, глаза метали молнии.

— Непогребенными телами вскормил ты семиглавого змея-дракона, Абрскил. Гнется под тяжестью его грудь Матери-Земли, дрожат, рушатся горы, качаясь, поднимаются долины. Зыблется твердь земная, когда ползет семиглавый змей. Сполз проклятый с гор на родную землю Абрскила и грозит опустошением и гибелью Апсны.

Призадумался Абрскил. Легко расправился он с чужеземцами, но как спасти родину от страшного змея?

— Вот тебе, Абрскил, трехструнная шедегекау². Хочу сладким медом небесных пчел увлажнить твои уста. Да снизойдет на тебя способность усыплять песней, навевать сладкий сон! Стоит тебе дотронуться до волшебных струн шедегекау и запеть, как дракон забудется глубоким сном. Ободришь, Абрскил! Вспомни, что меч твой рубит даже сталь! — с такими словами обратилась колдунья Хирпсе к Абрскилу с вершины одной из Кавказских гор.

Если запеть те песни, что пел Абрскил, то слова их начнут таять на устах ваших; как талая вода, разольется ваша речь, сбегая с языка; словно капли о ка-

² Шедегекау — народный абхазский инструмент.

мень, разобьется она о зубы... Я знал много песен, их, бывало, пел отец мой под свист сабли, что точил он о камень, пела и мать под жужжание прялки. Падали песни с росой на меня, когда я бродил по лесу, они чудились мне и в крике диких зверей, и в шелесте листвы, и в шуме прибоя, и в свисте ветра в ущелье. Но не спеть ни мне, ни вам песен тех, что певал Абрскил!

С силой ударив по струнам, Абрскил громко запел. И всколыхнулось глубокое море, дрогнули горы, в песок рассыпались неприступные скалы, словно трава стали пригибаться к земле столетние дубы...

Веселую, звучную песню запел Абрскил — песню жизни:

На скалу медведь влезает,
Чтобы песней насладиться,
Волк бежит, проснувшись,
Из-за туч орел спустился,
Из воды поднялись рыбы.
Все ликует, в счастье жизни
Все трепещет...

Снова зазвучала песня, только на сей раз она была тихой и немного грустной. Сладко лилась музыка, и звуки ее напоминали журчание прохладного родника среди знойной пустыни. Вот уже месяц скрылся за горной вершиной, вот уже ясное солнце склонилось на грудь румяной зари. Барс, припав к ногам Абрскила, тихо мурлыкал, погружаясь в сон. Спрятав головы под крылья, крепко спали птицы на плече у Абрскила. Ни один лист на деревьях не шелохнулся.

Серой тучей сполз чудище-змей с горного склона к морю. Сладкую песню Абрскила слышал семиглавый в тот момент, когда пламя, вырывавшееся из его огромной, словно пещера, пасти (люди прозвали ее Ачквы-Тызго), уже обжигало рощи побережья. Грузное тело чудовища опиралось на откосы гор, чешуйчатый хвост лежал на ледяных вершинах, а шеи были вытянуты. В таком положении и застигла змея песня. Семиглавый крепко уснул. Навалившись всем туловищем на горы, чудище раздавило их. Образовались две горы, а посреди — глубокое ущелье. Большая долина изогнулась на склоне горы семью теснинами, и текут из нее ручьи в море.

Мечом, наследием древних богатырей, сразил Абрскил чудище. Он разрубил змея на куски и предал их

огню на кострах из столетних деревьев. Семь ночей и семь дней горели костры — сгорел наконец семиглавый, а ветер подхватил и развеял пепел.

В глубине горы Псху, там, где между скалами течет в море быстрая речка Мчиха, в подземных пещерах, собрались родичи Асубов и Кацубов, избежавшие гибели от руки Абрскила. Сошлись на совет чужеземцы, спасшиеся от мести героя. Думали, как им избежать грозной беды. Говорили мудрейшие, но не видели они спасения в мудрости людской.

Тогда из вод быстрой Мчихи поднялись дочери морской богини, оскорбленные Абрскилом. Появилась из тьмы таинственных пещер Даль. И сказали они:

— Великой гордыней своей оскорбил Абрскил море и землю. Просите их, люди, покарать злодея, принесите им щедрые жертвы.

Множество тучных быков и круторогих баранов закололи изменники; усердно просили они богиню моря и владычицу Земли спасти их. И ответили людям боги:

— Неудобна нам и несносна гордость Абрскила. Но волею богов силен он. Крылатый араш не даст ему погибнуть, если не станет союзником нашим, врагом Абрскила, бог Джуар-Мызирь, прячущий бури в кожаном мехе и повелевающий ветрами. Его молитесь и склоняйте жертвами.

Гордостью несказанной вознесся Абрскил — так думали боги. А сам он, родины заступник, не склонялся теперь перед богом богов, высоко поднял свою голову перед теми, кто не сумел защитить родную землю, как сделал это он, Абрскил...

И сказал однажды Абрскилу владыка ветров буйный Джуар-Мызирь:

— Враги твои приносят мне щедрые жертвы, умоляя стать их союзником на погибель твою. Я силен, очень силен. Семь ветров с семи сторон света — мои послушные рабы. По слову моему вырывают они вековые дубы, а велю я — будет дыхание их трепетом крыльев пестрых бабочек. Холод, леденящий кровь, в моей власти. По воле моей движутся тучи. Повелю я — они оросят землю благодатным дождем или отдадут в жертву жгучему солнцу. Покорись, Абрскил, сын неведомого, поклонись мне и принеси дар свой. Под охраной моей не будут тебе страшны никакие враги.

Но гордо отвечал богатырь владыке ветров:

— Не хвались силой: моя не меньше твоей. Я землю родную от врага и нечисти освободил. А ты? Спроси своих слуг, спроси у ветров, всюду летающих, если сам ты не слышал моих песен. Я пел — море вздымалось, горы сотрясались, леса к земле приклонялись. Это под силу и тебе. Я же могу больше: под песню мою, под рокот струн моей шедегекау жизнь расцветает. Нет, Джуар-Мызирь, подчинись лучше ты мне, человеку. Я не стану врагом твоим, а ты не стань моим.

Тогда отвратил от Абрскила лицо свое владыка ветров. И молвили боги:

— Теперь в нашей власти гордец Абрскил и кары ему не избежать!

...Бушует, пенится море. Белоглавые волны, как горы огромные, мчатся на берег. И выходят из волн бессмертные слуги богини моря. Страшной, сверкающей ратью идут они на Абрскила. И дрогнуло сердце героя: не гнет он уздою голову коня в сторону вражеской рати. Быстрым фазаном взвился араш, орлом вознесся он, стал на горе Эрцаху, на дикой скалистой вершине.

Из недр Матери-Земли поднимаются ее слуги, из бездонных пропастей, из таинственных пещер выходят они, как рати муравьев черных. И растут, растут... Словно мрачная туча, несется их войско на Абрскила.

Стать силой против бессмертных он не решился и повернул голову коня к морю. На дальний морской берег перелетел крылатый араш, здесь отдыхал он до тех пор, пока стекались туда морские рати, а потом, вновь поднявшись, умчался на другую горную вершину.

Роды Асубов и Кацубов собрались на совет: как захватить Абрскила. Силен герой — не поддается он руке смертного, неутомим крылатый араш — словно птица, перелетает к горам и с гор на берег морской. И сказал старый Адзюбжа, хитрый знахарь из рода Кацубов:

— Пойдем на высокую гору Эрцаху, чтобы встретить там Абрскила, когда бог ветров подхватит в полете крылатого араша и принесет его с всадником к нашей засаде. Свежие кожи быков, мягкую глину и воды возьмите с собой. Старый мой разум окрылен мудростью самого бога подземного царства Джуар-Абана Ирчшаа. Он внушил мне этот замысел хитрый.

С берега моря вновь летит Абрскил на крылатом араше к дальней горе Оштену, покрытой снегами вечными. Как чайка распластав белые крылья, несется

араш. Но развязал уже Джуар-Мызирь свой кожаный мех и освободил Северный ветер.

Страшной, холодной бурей взревел тот, почуяв свободу, и ударил в крылья араша, подхватил его и понес, словно оторванный лист серебристого тополя. К вершине Эрцаху мчит Северный крылатого коня. Крылья свои сложил араш на вершине, быстро спустился и упал навзничь. Скользнули его железные ноги по кожах, разостланным на земле, покрытой мокрой глиной. Разбитого, тяжело раненного, хватают враги Абрскила, стальными цепями заковывают, крепкими ремнями стягивают тело. И ликуют быстроногие родичи Асубов, радуются люди из сильного рода Кацубов, торжествуют чужеземцы, стоя над бессильным, беспомощным телом Абрскила.

На склон кремнистого Панау, где глубокие ущелья рассекают горный кряж, везут враги Абрскила, привязав его сырыми ремнями к спине араша. В чаще кустов открывается вход в пещеру, куда и внесли обессиленного героя враги и приковали стальными цепями в самом дальнем ее конце.

Зеленокудрая Даль — ей подвластна была пещера — стерегла Абрскила. Лишь сухим хлебом кормила она его. Так повелели боги, чтобы не наполнилось тело Абрскила мощью, не разбил бы он свои тяжелые оковы и не вышел бы, сильный и гордый, вновь глумиться над властью богов.

В глубине черной пещеры долго томился закованный Абрскил. Болела душа его по родной стране, сохло сердце, как земля без дождей, от тоски. И родная Апсны тосковала о нем.

Тогда пошел Созырко Ачба, верный старый друг Абрскила, с которым они крушили вместе врагов священной земли, искать богатыря. Взял с собой клубок ниток и светильник, а также пищи на семь дней. Но не знал Созырко ходов пещеры Ачквы-Тызго: извилисты были те бесчисленные галереи, как звериные тропы в лесу. В их непроглядную тьму то шел, то полз Созырко при мерцании светильника. Миновал он много бездонных расщелин, скользил вниз по кремнистым осыпям, поднимался по стенам глубоких колодцев. Смело проникал верный друг Абрскила в глубь пещеры, разматывая клубок нити, прикрепленной у входа. Стал гаснуть светильник, последний кусок хлеба остался. Тогда оста-

новился в растерянности Созырко Ачба. И тут вдруг услышал голос, раздававшийся откуда-то издалека:

— Ты ли это, друг мой Ачба? Не меня ли, Абрскила, ищешь?

— Это я, друг Абрскил. Ищу тебя.

— И напрасно. На сколько шагов ты проходишь вперед, на столько уводят меня дальше в глубь пещеры, а ей нет конца. Скажи: все еще живут на родной земле роды Асубов и Кацубов, предавшие ее чужеземцам? Есть ли еще непрошеные гости — враги земли нашей?

— Живут еще и Кацубы и Асубы. И много разных врагов топчет родную землю, — отвечал Абрскилу Созырко Ачба.

Громко застонал богатырь — словно гром прокатился по переходам пещеры. Затем все стихло. Сколько ни звал Созырко, не откликнулся больше Абрскил. Видно, далеко увели его.

Лишь на четвертый день, едва живой от холода и голода, вышел из пещеры Ачба, держась за нить. С тех пор забыта дорога туда...

Так рассказывают старики.

Говорят еще, что остался с Абрскилом верный друг его — крылатый араш. Не отходит он от богатыря: неустанно грызет цепь, которой прикован Абрскил к каменному столбу в пещере. Как только цепь становится тонкой, как нитка, и богатырь хочет разорвать ее, она вновь превращается в толстую.

Но не теряет надежды Абрскил, ведь с ним его преданный крылатый араш и его вера в народ.

А певец поет:

Молвят, будто и поныне Абрскил, по воле рока
Околдованный в пещере, ждет назначенного срока.
Обойдет потом всю землю, от заката до востока,
Добрый друг, защитник слабых, победитель без упрека³.

* * *

Карстовая пещера Абрскила расположена у села Отап (ныне территория Члоуского сельсовета), возле подошвы южного предгорья Панавского (Кодорского) хребта. Она образовалась в третичный период и состоит из ряда залов, украшенных сталактитами и сталагмитами.

³ Д. Н. Гулиа. Избранные произведения. М., 1958, с. 12—13.

Легенда об Абрскиле публикуется по книге: В. Га-
цук. Абрскил (абхазское предание). — «Юная Россия».
1907, № 2.

Эта легенда настолько прочно вошла в быт народа,
что окрестные жители долгое время не осмеливались
входить в пещеру, чтобы не прогневить бога. Только в
1820 г. пещеру Абрскила впервые посетил любознатель-
ный житель села Члоу Даур Ачба, который, согласно
преданию, в течение года собирал в селе воск и с по-
мощью односельчан изготовлял из него свечи «высотой
с аршин». Затем свечи погрузили в мешки и навьючили
на двенадцать ослов. Лишь два жителя Члоу, абхазские
негры (потомки негритянских невольников, завозивших-
ся в Абхазию турецкими феодалами), согласились по-
мочь Ачбе и стали погонщиками ослов. Двенадцать
дней Даур смело пробирался по пещерным лабиринтам
Абрскила и лишь с большим трудом нашел выход. В мае
1875 г. его внук Хабуг Ачба также побывал в пещере и
осмотрел ее большую часть. В дальнейшем пещеру ис-
следовали специалисты-спелеологи.

За Залом *ашашалра* (драпировок) идет Зал *меанд-
ра*; подземная река Ача-Тызго, окаймляющая его, дела-
ет здесь крутой поворот. Следующий, Купольный зал на-
зван так потому, что сохранил форму купола. Высота
его достигает 10 м. Впрочем, это не самый высокий зал:
еще выше Зал гигантов — около 40 м.

На расстоянии 900 м от входа расположен Зал *аб-
гарра* (баррикад). Громадные глыбы, оторвавшиеся ког-
да-то в результате обвала от стен и потолка, хаотиче-
ски разбросаны по этому огромному залу.

В 1963 г. абхазские спелеологи открыли в пещере
Абрскила новый зал с изумительными кальцитовыми
натёками, сталагмитовыми и сталактитовыми образова-
ниями. От главного тоннеля отходит несколько боковых
коридоров, еще недостаточно исследованных. Теперь
пещеру Абрскила решено благоустроить и сделать до-
ступной для туристов. Вблизи нее выстроена туристская
кожно-спортивная база.

В центре села Члоу новый сельский Дворец куль-
туры украшен панно. Оно изображает подвиги Абрски-
ла. Создал его известный абхазский художник В. Гам-
гия.

Считается, что с незапамятных времен в одной из расщелин пещеры, в отвесной скале, возле истока реки Мчишта, будто бы спрятано золотое седло Абрскила, которое делало неуязвимым араша Абрскила. Это седло служило Абрскилу в дальних и опасных походах.

В мирное время Абрскил скакал на неоседланном коне. Седло же тщательно оберегал от злых глаз и скрывал его в расщелинах мчиштинских скал. Когда же опасность угрожала Апсны, Абрскил извлекал золотое седло из тайника, купал коня араша в студеных мчиштинских водах, подкармливал целебными травами, седлал золотым седлом, восклицал «Чоу!», да так, что горы вторили ему эхом. После этого он отправлялся в поход.

Шли тысячелетия. Народ и страна были защищены от недругов. Но однажды предатели все же сумели выследить, где находится тайник. И вот когда над страной снова сгустились тучи, бесстрашный Абрскил бросился к тайнику. Но седло уже было перепрятано в другое место. В отчаянии Абрскил принялся разламывать расщелины скалы, но, увы, седла так и не нашел. Вскоре убитый горем Абрскил был пленен врагами и прикован к гигантскому столбу, почти подпирающему свод пещеры, что у подошвы Панавского хребта, в Южной Абхазии. Люди называли эту пещеру именем героя-мученика, заточенного на века за любовь к своему народу.

* * *

Согласно легенде, на разломы мчиштинских скал, хранящих память об Абрскиле, стали приходить люди и молиться о спасении героя. В пещерах основали монастырь, получивший в народе название «Мчиштинский пещерный замок».

Действительно, на большой высоте в отвесной скале зияют несколько ярусов как бы искусственно вырубленных окон и проходов. Проникнуть туда без специального верхолазного снаряжения в настоящее время невозможно. Согласно одному преданию, еще в средние века в этом замке жили монахи-затворники, а позднее в нем поселились разбойники. Местные жители давно

стремились разгадать тайну замка, но не решались подняться на скалу.

Лишь в конце XIX столетия житель села Атхара Мажара Чачба сумел подняться до нижних помещений пещеры. Там он нашел серебряные предметы. В 1958 г. группа научных работников из Тбилиси с помощью альпинистов проникла в замок, обследовала его жилые помещения и извлекла оттуда ряд предметов бытового назначения. Вот уже много лет это сооружение привлекает внимание туристов и посетителей Чернореченского форелевого хозяйства, расположенного в долине реки Мчишта.

В связи с тем что уникальный объект вызывает повышенный интерес у туристов и посетителей форелевого хозяйства, Абхазский отдел Главного научно-производственного управления по охране и использованию памятников истории, культуры и природы при Совете Министров ГрузССР планирует создать смотровую площадку с аудиоскопом и передвижными стендами, иллюстрирующими жизнь дворца и монастыря и их обитателей в эпоху средневековья.

Впервые легенда опубликована в сокращенном виде в журнале «Русский турист», № 7 за 1902 г. Здесь мы приводим более полный ее вариант, записанный автором со слов охотника М. Барциц.

ОТКУДА ПОШЕЛ НАРОД АПСНЫ

Откуда пришли они, никто уже не помнит, разве что самые древние старики...

Давным-давно, в незапамятные времена, жили абхазы в далеком краю Мысыр — теперь его называют Египет. Там жили люди белые, а рядом, в Абассии, — черные. Были у них свои цари, и долгое время пребывали они в мире. А чтобы мир тот был прочен и нерушим, отдавали они своих сыновей на воспитание друг другу. У белых людей во дворце рос наследник черного царя, а у черных — наследник царя абхазского.

Однажды отлучился абхазский царь из своей столицы: призвали его дела на самый край царства, к горькому морю. И случилась без него беда. Черный царевич играл в саду со своими сверстниками. Ненароком толкнули его, упал он в куст роз на острые шипы и выколол себе глаза. Ослеп черный царевич!

В страхе собрался народ, стали думать, судить да рядить. Как сказать своему царю о беде, когда он вернется? Что будет, когда черный царь узнает о страшном несчастье, постигшем сына? Страшились абхазы за свою судьбу, ибо знали: жесток у черных людей закон — око за око, зуб за зуб. И боялись они не зря.

Узнал черный царь, что сын его ослеп, и повелел ослепить абхазского царевича. И началась война. Черных воинов было что саранчи в пустыне, абхазских же совсем мало. Храбро бились они, лучших бойцов теряли, но не могли остановить врага. Вот уже царь и все люди царского рода погибли. Вот уже совсем не осталось абхазов. И тогда обратился к народу мудрый столетний старик.

— Люди! — сказал он. — Приснился мне вещий сон. Будто стоим мы все тут и ждем чего-то. А с юга, с высокой горы, низвергается черный потоп. Многих большая вода захлестнула, многие утонули. Тогда вдруг явилась мне покойная бабушка Хапашава. Протянула нам свой платок и повела за собой на север. Кто пошел за ней — спасся, кто остался — погиб. Слушайте, люди! Надо бежать на север!

Собрались абхазы и пошли на север — через пустыни безводные и горы бесплодные. Шли день и ночь, устали, проголодались, истомились от жажды. И вот остановились они у подножия гор, сплошь покрытых лесами.

Ночью разбудил абхазов далекий грохот. Заволновались люди. Начали спрашивать друг друга: «Кто это гонится за нами с юга? Какой еще ждать беды?»

И тогда неведомо откуда из ночной темноты вышла дряхлая, седая старушка, точь-в-точь покойная бабушка Хапашава. Вздохнула она тяжело и промолвила:

— Гонится за вами пророк черных людей Хазаратаалы. Мчится он на колеснице, запряженной арашем Дулдулом. А видом этот араш подобен жирафу, но голова у него ослиная, а копыта железные. Скоро он бу-

дет здесь, и вам от него не уйти. Всех потопчет свирепый араш Дулдул!

Заплакали люди, заметались от горя. И тогда сказала им старушка:

— Утрите слезы, есть еще надежда. Дайте мне сито, муки самой белой и соли!

Принесли ей все, что она просила. Просеяла старушка муку и соль, замесила круто и испекла на углях большой плоский хлеб.

Заклубилась пыль с юга, налетел из пустыни пророк Хазаратаалы на своей колеснице. Страшен был его конь-араш Дулдул! Искры летели из-под его железных копыт.

Но тут вышла вперед старушка и положила перед Дулдулом абхазский хлеб с солью — апсуа рчен-жика. И остановился перед ним араш Дулдул как вкопанный.

Не мог понять Хазаратаалы, почему не скачет Дулдул на врагов, почему не топчет их железными копытами. Замахал мечом, закричал, начал понукать араша. А Дулдул ни с места. Тогда соскочил пророк Хазаратаалы с колесницы и увидел перед собой апсуа рчен-жика. По законам предков не мог он переступить через хлеб-соль и вложил меч в ножны.

Долго уговаривал Хазаратаалы абхазов покориться и вернуться в Мысыр, обещал им пощаду, если заплатят выкуп за кровь.

Но ответили ему абхазы:

— Мы выкуп свой кровью уже заплатили и назад не вернемся.

Повернулся тогда Хазаратаалы к беглецам спиной и ускакал на своем араше в пустыню.

А люди пошли дальше на север. Добрались они до высоких гор, дошли до большой Лыхненской поляны⁴, окруженной дремучим лесом. И тут остановились.

От этих людей и ведут счет своим поколениям нынешние абхазы.

Но не все беглецы остались здесь, другие двинулись дальше и осели на реке Кубани.

От них пошли абазины⁵.

⁴ Лыхненская поляна — Лыхнашта, находится в селении Лыхны Гудаутского района, древней резиденции абхазских владетельных князей.

⁵ А б а з и н ы — родственный абхазам кавказский народ.

Так ли это было или не так — никто не знает. Но только до сих пор чтут люди Апсны священный закон хлеба-соли. И не преступают его никогда.

* * *

Об этногенезе абхазов существовало много разнообразных версий. Одни из них навеяны народной фантазией, другие основывались на научных гипотезах. Наиболее известны — эфиопо-египетская, северокавказская и малоазиатская. В публикуемой легенде нашла отражение эфиопо-египетская версия этногенеза, согласно которой предки абхазов якобы переселились «из страны Египет». Наиболее вероятной версией, которая нашла признание у большинства советских ученых, является теория этнической автохтонности: абхазы не были пришельцами, а составляли коренное население исторической Колхиды.

ОТКУДА ПОШЛИ КИУТЫ

Было время, гласит легенда, когда Абхазское царство простиралось далеко за Анапу, до самой Тьмутаракани. Называли тогда Анапу по-адыгейски — Анэпэ, — что значит «Край стола».

Здесь жили абхазские поселенцы из рода Демуров. Называли их анапы — по-абхазски «концы пальцев». Вот эти «концы пальцев» и защищали абхазский «Край стола» от набегов кочевников из Приазовья и Крыма.

Тяжела была жизнь этих храбрых людей. То и дело приходилось им отбиваться от орд кочевников, защищая земли абхазов. В каждой схватке теряли они самых лучших воинов.

Особенно трудно стало абхазам из рода Демуров, когда ослабело Абхазское царство и кочевники со всех сторон набросились на них. Погибал род Демуров, но держался из последних сил. А когда и этих сил уже не стало, отправили посланцев к абхазскому царю.

— Мало нас осталось, Демуров, — сказали царю посланцы. — Не дай погибнуть славному роду! Пришли войско на смену, а нам дозвошь переселиться туда, где поспокойнее.

Согласился царь и сказал посланцам:

— Вы верно служили на страже границ. Разрешаю вам теперь поселиться близ Акуа⁶, за рекой Кодор. Сколько пройдете от Кодора за день, столько и будет вашей земли на вечные времена!

Довольные, вернулись домой посланцы, и решил переселиться род Демуров.

Перешли они реку Кодор, начали пробиваться сквозь леса и болота, через заросли непроходимые. С рассвета до ночи шли. А к ночи обозначили границу своих новых владений. И стали обживать.

Прошел год, прошел второй. А на третий сам абхазский царь пожаловал к Демурам посмотреть, как живут они на новом месте. В честь приезда царя устроили пир. Пили, ели, плясали и пели до глубокой ночи, а потом проводили с почетом царя в самый лучший дом.

Остался царь с приближенными в опочивальне. И вдруг услышал из темноты крик неведомой птицы.

— Кто это так кричит? — спросил царь. — Узнайте у старцев-Демуров.

Призвали старейшин рода. И они ответили:

— Это птицы киу кричат. Их множество водится здесь на болотах близ моря.

Рассмеялся абхазский царь и сказал:

— Имя вашего рода, Демуры, непривычно для здешних мест. Отныне будете вы называться Киутами, а место это назовем Кындыг, или «Обиталище киу».

Так с тех пор и повелось.

* * *

Род Киутов до сих пор населяет село Кындыг (или Кинги) в Абжуйской Абхазии.

Один представитель этого рода — Хапара Киут прожил 154 года. В свое время Хапара считался неутомимым ходоком. А другой киутовец, по имени Мамсыр, дом которого сохранился и поныне, тоже приблизился к возрасту Хапары. Среди киутовцев в прошлом особенно славился не только своим почтенным возрастом, но и мудростью Осман Киут, знаток абхазских легенд, сказок и поговорок. Осман пользовался непререкаемым авторитетом у крестьян Абжуйской Абхазии.

Легенда записана со слов заслуженного работника культуры Грузинской ССР и Абхазской АССР Н. Б. Киута.

⁶ Акуа (абхаз.) — современный Сухуми.

Давным-давно, когда не знала еще прекрасная земля Ацсны ни ветра, ни дождя, ни снега, ни града, а в горах был сущий рай, жили здесь люди, каких теперь не увидишь. Ростом они были очень малы: заросли папоротника казались им лесом. Но проворны были они и сметливы. Могли незаметно подоить оленя и перелететь с места на место на горном орле. Озера для них были морями, а ручьи казались реками, бурными, без берегов. Ацаны — так называлось племя карликов. Жили они богато и счастливо; много было солнца, и много воды, и много пищи всякой, и не тревожили эту землю враги.

Однажды, когда жили ацаны обычной жизнью: обрабатывали землю и пасли свои стада, наслаждаясь теплом и покоем, спустилась с неба в их дом-крепость *ацангуара* — золотая люлька, а в ней лежал прекрасный младенец.

Обрадовались ацаны, так как не ведали они богов и не знали знамений. Воспитали ацаны мальчика, а когда малыш подрос и научился их языку, спросил воспитателей своих:

— Неужто вы так ничего и не боитесь и никто победить вас не может?

Простодушны были ацаны, доверчивы, ибо не ведали они зла и зла никому не творили. И открыли они юноше тайну своей извечной боязни:

— Ничто в мире нам не страшно. Лишь бы не пошел вдруг с неба снег ватный и не загорелся бы.

Не успели они промолвить это, как вдруг прекрасный юноша исчез невесть куда. И заметил тогда старейший из ацанов — Большой Отец, что у одного козла из их общего стада зашевелилась борода. А ведь не знала до этого страна ацанов, что такое ветер.

— Горе нам, — сказал Большой Отец. — Воспитали мы младенца, спустившегося с неба, себе на беду. Смотрите, ветер все крепчает.

И увидели ацаны, как длинная борода козла затрепетала под порывами ветра, а потом сделалось темно, и выпал ватный снег — случилось то, чего больше всего боялись ацаны. И вспыхнула вдруг вата, загорелось

все, чем владели ацаны. Вскоре и они сами сгорели дотла.

Что осталось от них в наши дни? Только каменные изгороди и развалины *ацангуара*, которые можно увидеть, стоит лишь подняться невысоко в горы...

* * *

Своеобразные каменные ацангуара разбросаны повсюду в альпийской зоне и на перевальных дорогах горной Абхазии. Эти ограды сложены из ломаного камня без раствора и достигают высоты около 1,5 м. Отдельные каменные глыбы весят 15—20 пудов. Площадь некоторых ацангуара достигает 40 кв. м, а площадь комплексов — до 300 кв. м. Относительно назначения этих своеобразных построек древности имеется несколько точек зрения. Одни ученые полагают, что ограды являлись снегозадержателями на древних перевальных путях и служили пунктами укрытия в непогоду. Абхазский этнограф Ц. Н. Бжания, подробно изучивший ацангуара, пришел к выводу, что в раннее средневековье эти ограды служили загонами для мелкого рогатого скота ⁷.

Легенда об ацанах распространена во всех районах Абхазии. Публикуемый вариант записан в 1959 г. в селе Отап от сказителя Мачкука Адлейбы.

ТОМИРАНДА

Почти все мужское население Черноморского побережья Кавказа ушло на войну. В селении остались лишь старики, малые дети и женщины. Пусто было в деревне, и жизнь ее обитателей не ладилась. Сначала несколько мужчин приняли на себя весь тяжелый труд, все лишения, с которыми сопряжены набеги соседей, но война требовала все новых сил. Прошло немного времени, и остальные мужчины ушли на войну, покинув своих жен, матерей

⁷ Ц. Н. Б ж а н и я. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. Сухуми, 1962, с. 199.

и сестер. Теперь женщинам приходилось делать все то, что раньше исполняли мужчины: добывать средства к жизни, совершать походы на соседние племена и нередко в кровопролитной битве отвоевывать стада и необходимые для обихода вещи. Нужно было исполнять и всякую другую работу. Начались голод и болезни. Женщины стали умирать одна за другой. Некоторые из них пробовали смастерить себе оружие, чтобы обороняться и в случае надобности нападать, но приготовить лук и стрелы было не так легко, как это им казалось, когда они, бывало, смотрели на работу своих мужей. В полном отчаянии предавались они горю в ожидании возвращения мужчин из похода. Но время шло, и никаких утешительных вестей не приходило.

В это тяжелое время у молодой Асатры родился сын. Уверенная в том, что этот мальчик, когда вырастет, покинет свою мать и будущую жену на произвол судьбы, как поступил с ней его отец, снесла она ребенка на скалу и бросила в бушующее море. Это увидели другие женщины и последовали ее примеру. Голод мучил их все сильнее. Однажды женщины вывели стариков и детей к морю, и всех их постигла та же участь...

Поздней ночью в бурю пришла на берег моря Томиранда, жена ушедшего на войну предводителя. Эта мужественная женщина не любила мирной и тихой жизни, не терпела ясной погоды. Ей нравились бури и гром сражений. Только тогда она оживала и жизнь для нее играла всеми красками. Давно мечтала она испробовать свои силы в каком-нибудь героическом набеге, подвиге или походе. Но муж постоянно осыпал ее упреками, жестоко с ней обращался и в конце концов покинул. Глубоко в сердце затаила она на него обиду. Детей у нее не было — она не познала материнской любви, а когда мужа не стало, забыла и чувства жены. Родные ее умерли. Еще девочкой ее похитил из соседнего племени муж. Одно осталось у нее в жизни — непримиримая ненависть к нему и жгучее желание отомстить.

Томиранда поднялась на прибрежные скалы, чтобы еще раз собраться с мыслями и все хорошенько взвесить.

Задумала она большое дело. Решила, что женщины легко могут обойтись без мужчин. На что им мужчины? Ходить в походы могут и женщины, для этого нуж-

но только уметь управлять лошадью и обращаться с луком. Она решила обучить своих подруг этому нехитрому делу. Томиранда решила создать женское царство. И ждать было нельзя. Когда вернутся из похода мужья, будет поздно: женщины снова попадут под их власть, и снова они станут их рабынями. Она готова была скорее броситься в грозные волны, чем подчиниться мужчине!.. Медленно шла она к дому. Решение ее созрело, и Томиранда решила привести его в исполнение.

Дома она взяла один из луков, оставленных мужем, и принялась его натягивать. Это ей легко удалось. Томиранда стала пускать стрелу за стрелой. Однако женщина чувствовала какую-то неловкость и вскоре догадалась, что стрелы летят неправильно потому, что ей мешает грудь. Тогда она вынула два кремня, высекла из них огонь и зажгла костер. Когда дрова обгорели, Томиранда выхватила из пылающего костра большую головешку и, не долго думая, приложила ее к правой груди. Жгучая боль пронзила ее тело, но ни единого крика, ни единого стога не вырвалось из ее груди. Перевязав зияющую рану, она вскочила на дикого коня и умчалась к морю.

Буря мало-помалу утихла; море успокоилось, и небо прояснилось. Занималась заря, когда Томиранда на успокоенной и усмирённой лошади возвращалась домой. Подъезжая к селению, она услышала шум, плач и стоны своих голодных подруг, собравшихся на площади у высоких скал, чтобы решить, кого послать к мужьям.

— Мы умираем от болезней и голода и не можем больше жить без поддержки мужей, — говорили они со слезами на глазах.

И тут на вершине скалы, за которой сверкало тысячью огней море, озаренное восходящим солнцем, показалась верхом на лошади Томиранда. Ее прекрасные черные волосы развевались, как плащ по ветру, глаза сверкали. Грудь ее была перевязана, а поверх повязки чернел ремень, который поддерживал за спиной лук. Это невиданное явление — женщина на коне при полном вооружении — было до того поразительно, что жители селения не могли опомниться. Между тем раздался голос мужественной всадницы:

— Томиранда никогда не пойдет искать тех, кто угнетал ее... Но она может спасти вас. Встаньте, робкие

женщины, слабые девы! Взгляните на меня и не бойтесь: я спасу вас...

— Ты... ты... спасешь нас?..— воскликнула Асатра, с благоговением и обожанием глядя на Томиранду.

— И я снова увижу и обниму своего мужа? — радостно проговорила Фема.

Негодование блеснуло во взоре Томиранды.

— Ты ошибаешься, Фема,— грозно воскликнула она.— Я могу спасти вас при условии, что никто никогда не вспомнит о мужьях. Мало они тиранили и мучили вас? Неужели лучше быть рабынями? И если вы хотите жить без горя и печалей, придется обойтись без мужчин.

— А если они вернутся? — спросила одна женщина.

— Мы их прогоним. Заведем коней, сделаем луки и стрелы; сами будем добывать пропитание, совершать набеги. Я вас выучу ездить на лошади и метать стрелы. Смотрите, это вовсе не так трудно...

И Томиранда, выхватив стрелу из колчана, натянула тетиву. Стрела со свистом и жужжанием пронеслась над толпой. Крики восторга огласили скалы.

— Томиранда, управляй нами, мы будем покорны тебе! — закричала толпа.

— Поклянитесь! Поклянитесь беспрекословно исполнять мои повеления. Обещайте стать послушным орудием в моих руках. Знайте: каждое мое слово должно быть священно для вас...

— Клянемся! — закричали женщины.

— У вас я тоже выжгу грудь, как выжгла себе,— сказала Томиранда.— Это необходимо, чтобы стрелять из лука, и вместе с тем будет знаком покорности с вашей стороны. Отныне вы будете называться амазонками (безгрудыми). Вы согласны?

— Согласны, согласны! — кричали женщины.— Только спаси нас от неминуемой смерти.

Томиранда выбрала шесть наиболее сильных и красивых женщин в свою свиту. Тотчас же отправилась она с ними в окрестности селения и отбила у пастухов целое стадо баранов. Вернувшись, она устроила пир и накормила голодных женщин. Велико было их ликование.

На следующее утро Томиранда назначила обряд обращения в амазонок. Всем женщинам она выжгла грудь, затем велела снять одежды и не носить их впредь,

чтобы тело привыкло к резким переменам погоды. После этого она приступила к обучению верховой езде и стрельбе из лука.

Так возникло на Черноморском побережье Кавказа женское царство.

Всех своих подданных Томиранда разделила на отряды: пока одни обучались, другие, наиболее отважные и сильные женщины, быстро усвоившие науку воинов, совершали набеги на соседние племена, добывали съестные припасы; третьи на окраине селения строили высокую стену, чтобы оградить царство амазонок от набегов; четвертые занимались домашними работами, изготавливали луки, стрелы, ремонтировали жилища... Все беспрекословно слушались Томиранду. Малейшее неповиновение строго наказывалось. Мало-помалу ее воля подчинила себе всех остальных женщин, которые прониклись убеждением, что нечего бояться нападений извне: Томиранда защитит их. Скоро они поняли, что легко могут обходиться без помощи мужчин. Томиранда сумела обеспечить достаточный запас продуктов, и население перестало терпеть голод и нужду. Она совершала набеги только на близкие расстояния, отлично сознавая, что они удавались ей лишь благодаря самообладанию и храбрости и, главное, тому суеверному ужасу, который внушал соседним племенам необыкновенный вид этих обнаженных и сильных женщин с развевающимися по ветру волосами, на диких, необузданных конях.

Однако малочисленность войска волновала предводительницу. Она знала, что в скором времени число обученных амазонок увеличится, но не знала, откуда достать коней. Как обычно, она отправилась ночью на прибрежные скалы, чтобы обдумать в тишине новый поход в отдаленную местность, где, как когда-то рассказывал ей муж, паслись огромные табуны лошадей. Вдруг она услышала странный звук. Она оглянулась, но ничего подозрительного не заметила. Странный звук повторился. Она посмотрела вниз, на море, и увидела какую-то черную точку. Глубоко внизу, под скалами, качалась на волнах утлая ладья с человеком на борту. Он пытался войти в маленькую, скрытую в скалах бухточку, откуда извилистая тропинка вела к селению амазонок. Томиранда направилась к бухте. Довольно долго скакала она по тропинке, пока не столк-

нулась с идущим ей навстречу человеком. Томиранда окликнула его.

— Подожди странник, — сказала она, — остановись, не бойся меня, объясни, откуда ты и куда держишь путь.

— Скажи сначала, кто ты, — ответил путник.

— Я — повелительница здешних мест, царица амазонок, — сказала Томиранда.

— Видно, я ошибся, — сказал человек, — пристал не к тому берегу. Обманул меня вид этих диких скал. Теперь вижу, что ошибся. Давно, очень давно покинул я родные берега; нас было много, и мы, бросив свои очаги, отправились в дальнее странствие. Мы, оставив дома жен и детей, долго сражались на чужбине. Многих из нас уже нет в живых. Остальные мои товарищи скоро вернутся домой. Я отправился вперед, чтобы подготовить им встречу. Не успеет луна три раза взойти на высоком небе, как они придут сюда. А теперь отпусти меня, царица. Я ничего не слышал о существовании твоего племени. Я вновь отправлюсь искать родные берега.

Бешеная радость охватила Томиранду, когда она услышала речи пришельца. Ведь они везут с собой золото, ткани, драгоценные меха, лошадей и оружие! Это все, о чем она так мечтала!

— Как зовут твою жену, странник? — поинтересовалась Томиранда.

— Асатра, и у нее есть мой ребенок, — проговорил незнакомец.

— Ребенок твой давно погиб, а Асатра жива и ждет твоего возвращения, — сказала царица амазонок.

— Как, разве ты знаешь ее? — удивился он.

— Конечно, да и меня ты тоже знаешь. Я — Томиранда.

Эти слова глубоко поразили его.

— Как? Ты — Томиранда, жена нашего предводителя?

— Да, это так.

— Но про какое же царство амазонок ты говорила и чья ты царица?

— Я основала это царство. Брошенные вами на волю злых божеств, жены, сестры и матери решили сами кормить себя, защищать и обходиться без вашей помощи.

Собеседник громко расхохотался и стал грубо издеваться над Томирандой.

— И Асатра тоже состоит в этом лихом и доблестном войске? — усмехнувшись, спросил он. — Так вот кого ты называешь амазонками? Забавно, очень забавно! Уж не придется ли нам после долгих походов и сражений усмирять еще и вас? Может, придется приступом брать наше селение? Не заберете ли вы нас в плен и не сделаете ли вашими рабами?..

Нахмурилась Томиранда. Ее глаза метали молнии, губы были плотно сжаты.

— Еще увидим, кто над кем посмеется. Не советую тебе шутить со мной, дерзкий и жалкий воин! — воскликнула она.

В бешенстве путник схватил секиру и яростно кинулся на Томиранду. Лошадь ее, поднявшись на дыбы, отпрянула, а амазонка, выхватив из колчана стрелу, быстро и ловко вложила ее в лук, натянула тетиву. Стрела зазвенела и впилась прямо в тело врага. Брызнула алая кровь, и как подкошенный свалился воин к ногам амазонки.

...Томиранда собрала свое войско.

— Я хочу сказать вам, что убила мужа Асатры, — заявила она, — и та же участь через несколько дней ждет остальных. Все они придут сюда. Скоро мы станем сильными и богатыми. Наши мужья везут нам много добра, но мы перебьем их всех. Ступайте...

Три дня и три ночи готовились амазонки к встрече с мужьями. Селение превратилось в укрепленный город. Амазонки спешно достраивали небольшой участок стены, собирались на площади для военных упражнений: на полном скаку стреляли из луков в цель.

К концу третьего дня, когда наступили сумерки, Томиранда приказала своему войску подойти к устью реки Фермадон и там ждать ее. Амазонки, привыкшие к железной дисциплине, безоговорочно последовали приказу своей повелительницы. Вскоре на фоне быстро темневшего неба появилась фигура царицы. Взгляд ее выражал торжество и необычайное воодушевление. Ее войско стояло перед ней в смущении, даже кони дрожали. Она, лихо осадив коня, сказала:

— Слушайте все! Здесь, перед грозными водами Понта, на священной для нас реке Фермадон, питающей наш город, я объявляю вам свою волю. Завтра

сюда вернутся наши братья и мужья. Мы выйдем им навстречу, произойдет это далеко от города. Мы возьмем с собой дары, стада и пиво. Мы тепло встретим их: устроим пир, сделаем вид, что обрадовались. Вы можете ласкать своих мужей, можете обольщать их, но — главное — помните: так или иначе, вы должны напоить их крепким вином. И как только они, утомленные зноем и дальней дорогой, упоенные ласками и крепким питьем, уснут, некоторые из вас пойдут назад в город и осторожно проведут сюда по горной тропинке коней, нагруженных стрелами и луками. После того как вы вооружитесь, надо будет обезоружить спящих и крепко связать их. Все, что они привезли с собой, будет наше, а как поступить с ними самими, я скажу вам, когда исполните мое повеление. Горе слабым! — грозно вскричала Томиранда. — Горе тем, кто забыл обиды, притеснения и издевательства, которым подвергали нас мужья!

Амазонки кинулись целовать ноги Томиранды и в знак верности произносили клятвы. Затем все вернулись в город, чтобы приготовиться к завтрашнему дню.

Уже несколько раз отряд, спрятанный в скалах у устья Фермадона, подавал знаки, что вдали, там, где море сливалось с небом, показались суда с возвращающимися мужьями на борту.

Солнце уже стало садиться, когда первое судно причалило к берегу. Из него вышли воины. Они были изумлены, увидев довольно странного вида обнаженных женщин с почти мужским, загрубелым телом и с длинными волосами.

Первой подошла к ним Томиранда и преподнесла дары. Она объяснила, что груди их жен изуродованы страшной болезнью. Она рассказала, как, покинутые, они предавались отчаянию, как тосковали по своим мужьям, как обрадовались, когда узнали об их возвращении. Прежде чем отправиться в город, женщины решили устроить им настоящий пир на берегу моря.

Мужчины, сняв с себя боевые доспехи, расположились в тени нависших скал в ожидании трапезы.

Показались звезды; в стане загорелись огни костров. Вскоре вновь прибывшие опьянели от вина, сытной пищи и ласк амазонок.

Тихо брела Томиранда по стану и зорко всматривалась в лица опьяневших воинов. Спустившись к устью

Фермадона, она увидела там своих преданных союзниц, с беспокойством поджидавших ее. Коней уже привели из города и спрятали в скалах. Амазонки быстро надели доспехи. А те, чьи мужья еще не совсем захмелели, безумно их ласкали и в то же время обезоруживали.

Вскоре началось поголовное избиение сонных и безоружных воинов. С особым ожесточением действовала Томиранда. Облитая горячей кровью раненых, она ловко орудовала копьем. Амазонки повсюду оставляли после себя смерть и разрушение. Но спящих с их мужьями невольниц они не трогали.

Томиранда с гордостью взирала на дело рук своих.

Наутро собрала она амазонок, повелела им следовать за ней. Молча они обошли поле битвы. Костры еще дымились. Повсюду валялись трупы. Амазонки подтаскивали мертвецов к берегу и бросали их в волны. Отправляясь в город, они прихватили с собой лошадей, верблюдов, баранов, ковры, золото, ткани, слоновую кость, ожерелья, драгоценные камни и шатры.

Прошло несколько дней. В городе кипела работа, а у его широких ворот, запиравшихся на ночь, постоянно стояла стража.

Амазонки украшали свои жилища награбленными сокровищами, расставляли шатры. Теперь в их распоряжении оказались и верблюды, и лошади, и инструменты; из каменоломен в город везли камень, и он мало-помалу приобретал иной вид.

Город, названный по приказанию Томиранды Телескирой и объявленный столицей царства амазонок, продолжал строиться и украшаться. Невольницы, которых привезли с собой мужья амазонок, поступили в полное распоряжение Томиранды. Все они стали ее почетной стражей, и в военачальники она назначила им Ахлу, которую прозвала «Вихрем» за стремительность и свирепость. Теперь во власти Томиранды были хорошо дисциплинированное войско, стража из невольниц и флот — суда, на которых прибыли воины. Бóльшая часть богатств перешла в ее собственность.

В центре города, на огромной площади, возвышалось теперь красивое высокое здание из белого мрамора — дворец царицы. Томиранда поселилась в нем, украсив его коврами, тканями и драгоценностями. Теперь она была занята упорядочением и благоустройством своей страны. Томиранда решила жить по твердым законам:

она пожизненно признавалась царицей амазонок, которые должны были ей беспрекословно подчиняться.

Томиранда имела право казнить и миловать. Никакими данями и податями своих подданных она не облагала, но они обязаны были содержать ее двор, доставлять все необходимое и служить в войске. Томиранда окружила себя свитой из нескольких приближенных к ней амазонок, которых избавила от службы в строю, они лишь прислуживали ей. При встрече с царицей амазонки были обязаны падать перед ней ниц, а тем, кому она хотела выразить особую милость, Томиранда позволяла лобызать свои ноги. Амазонка, удостоенная такой чести, приобретала право носить ожерелье, и все должны были при ее появлении вставать и уступать ей место.

Асатра высекла из мрамора статую Томиранды и установила ее на площади перед дворцом, а рядом поставила жертвенник и воскурила перед статуей благоволия. Томиранда приказала соорудить над статуей крытое капище, в котором ежедневно производилось богослужение, курился фимиам, делались подношения. Амазонки приходили сюда и, распростершись ниц перед статуей, возносили свои мольбы к Томиранде. Верховной хранительницей капища царица назначила Асатру, а верховным судьей — амазонку Палу, которая лично судила провинившихся. Войсками ведала Протоя, а порядками во дворце, личными делами Томиранды и уходом за ее лошадью — Меланиппа, которая считалась правой рукой царицы и ее наместницей. В обязанность Меланиппы также входило укладывать царицу спать, в торжественных случаях облачать в воздушные ткани, прислуживать за столом и стоять перед ней на коленях, не покидая опочивальни до тех пор, пока царица не заснет.

За связь с мужчинами соседних племен, свободными или взятыми в плен, грозила смертная казнь. Провинившуюся должны были привязывать к хвосту дикого вола и пускать его, разъяренного, в прибрежные скалы. За непочтение к царице-богине определялась смерть еще более мучительная: несчастной выкалывали глаза и закидывали в каменное подземелье. За измену своей стране виновную следовало сбрасывать со скалы в море. Но ни одно из этих наказаний не было применено: амазонки вели себя образцово, они боялись гнева свое-

го верховного судьи — Палы, которая славилась жестокостью. Они беспрекословно подчинялись воле Томиранды, признавая ее величие и опасаясь ее жестокого сердца.

Однажды среди амазонок разнеслась необыкновенная весть: из соседней страны прибыли в Телескиру послы. Рано утром, еще на рассвете, за городской стеной раздались звуки какого-то никогда не слыханного в столице музыкального инструмента. Это послы играли на своих причудливых рожках, приделанных к мешку из воловьего пузыря, который то раздувался, то сжимался. Послы желали этими звуками возвестить о своем прибытии и произвели немалый переполох.

Стража у главных ворот задержала двух мужчин, осмелившихся приблизиться к городу. Начальница стражи послала амазонку в город. Через некоторое время та вернулась с пропуском. Пришельцы вступили в город: за ними шло целое стадо баранов, лошадей, волов и других животных, нагруженных какой-то кладью. Путешественников отвели к Пале. Она приняла их сурово и пытливо оглядела с головы до ног.

— Кто вы и зачем пришли в Телескиру? — спросила она, предварительно потребовав, чтобы они отдали ей свои короткие кривые мечи.

— Мы послы соседнего вам племени, — отвечал старший. — Пришли, чтобы предстать пред светлые очи вашей великой и могущественной царицы.

— Что вам от нее нужно? — пытала их Пала.

— Мы хотим преподнести ей дары и просить милости, — был ответ.

Пала еще раз пристально оглядела их и, приставив к ним стражу, отправилась во дворец. Могущественная царица согласилась допустить послов. Она приказала Меланиппе облачить себя в легкие ткани, сквозь которые блестел драгоценный пояс, надетый прямо на тело. Затем села на высокий каменный трон, украшенный драгоценностями, и разрешила впустить странников. Они вошли и робко оглянулись. Их поразило роскошное внутреннее убранство дворца, а мраморные стены с игравшими на них лучами солнца слепили глаза. Послы пали ниц перед царицей и лежали до тех пор, пока не услышали ее повелительный голос:

— Спроси их, Меланиппа, зачем они сюда явились.

Путники объяснили, что они — представители боль-

ного, но мирного пастушеского племени; их земли находятся в ближайшем соседстве с землей амазонок. Много лет они мирно жили, пася свои стада на лугах, но последнее время их тревожат набеги амазонок. Они несут им смерть, разрушение и насилие: уводят стада, убивают мужчин и угоняют в полон женщин. Последние набеги амазонок под предводительством беспощадной Протои совсем разорили их. Поэтому послы пришли к царице с дарами и с мольбой оставить их в покое...

— Повели, царица, вернуть наших женщин, угнанных в плен; мы готовы доставлять твоему племени все для него необходимое: и меха, и стада, и драгоценности. Прекрати лишь набеги и разрушения...

Воцарилось продолжительное молчание. Томиранда словно и не слушала пастухов. Все благоговейно молчали, стоя перед ней на коленях. Наконец с торжествующей усмешкой она сказала, обращаясь к Меланиппе:

— Передай послам, что скоро они узнают мое решение, а пока примите их хорошо, а дары унесите.

Послов увели. Пока Меланиппа раздевала царицу, разные мысли теснились в голове Томиранды. Значит, велико ее могущество, если соседи посылают к ней послов и словно милости просят обложить их данью.

На следующий день послы отправились к своему племени, которому они должны были объявить, что могущественная и великая Томиранда вняла их мольбам, обложила данью и сказала, что не будет больше тревожить набегами, если они станут исправно поставлять ей баранов, лошадей, золото, меха и прочие драгоценности. Она повелела возвратить им также полоненных женщин.

В глухой северо-восточной части Телескиры был расположен тенистый сад, и принадлежал он престарелой амазонке Амале. Все очень любили эту женщину: она отличалась веселым и беззаботным характером, никогда не зазнавалась и не падала духом. С легким сердцем исполняла она самые тяжелые работы, пока позволяли ей силы, а когда их не стало, так же весело взялась за другое дело, более легкое и более прибыльное: принялась варить пиво. В ее телистом и уютном

саду в часы досуга собирались амазонки после трудового дня и с удовольствием, громко болтая, распивали пиво.

Стоило амазонкам переступить порог сада, как они попадали в обстановку всеобщего веселья: все пели, плясали, шутили, критиковали некоторые действия царицы. Доставалось и ее приближенным: женщины зло издевались над Меланиппой, Палой, Протоей и другими, хотя и побаивались их.

В саду уже собралось много амазонок, когда там появились два чужестранца. Это были красивые мужчины: один — среднего роста брюнет, уже с проседью; другой — высокий, еще совсем юный, голубоглазый блондин.

Амала подошла к гостям и предложила им пива. Амазонки обступили мужчин и стали расспрашивать о нравах и обычаях их страны. Они были удивлены, узнав, что у пастухов нет царя, живут они свободно, никому не подчиняясь, а серьезные вопросы решают сообща. Все это было совершенно непонятно для амазонок, привыкших сначала к рабскому подчинению своим мужьям, а затем Томиранде.

Пиво лилось рекой, речи становились все громче, бессвязнее и смелее. Красавица-амазонка Клитевра села за столик с мужчинами. Очарованный ею белокурый пастух смотрел на нее и нежно гладил ее дивные рыжие волосы. Пастух был сильно разгорячен пивом. Незаметно он увлек Клитевру в отдаленный грот тенистого сада. Клитевра вся отдалась страсти, она совсем потеряла голову, она видела перед собой лишь красавца-пастуха и любила его. Луна на минуту выглянула из-за туч — и из-за ствола арбутуса показалась торжествующая, бдительная Пала. Увидев Клитевру, она немедленно отправилась с докладом во дворец.

...В нижней комнате дворца на высоких ступенях восседала Пала, а несколько ниже — ареопаг судей. Клитевра в сопровождении стражи предстала перед судьями. Воцарилась тишина, которую разорвал резкий голос Палы:

— Перед вами, судьи, стоит Клитевра, первая из амазонок нарушившая самый важный закон страны, данный нам нашей великой богиней Томирандой. Клитевра вступила в близкие отношения с врагом нашего народа — мужчиной...

Ропот негодования прошел по судилищу. Пала жестом заставила замолчать всех.

— Как накажем преступницу? — спросила она.

— Смерть, смерть, жестокая смерть по законам великой Томиранды!

Все пали ниц.

— Я доложу о вашем решении сегодня же, — пообещала Пала.

Суд удалился. Пала отправилась во дворец. Вскоре туда привели и Клитевру. Взор ее горел мужеством, которое зажгла в ней любовь. Она предстала перед царицей с гордо поднятой головой.

— Знаешь ли ты, в чем тебя обвиняют? — спросила ее Томиранда.

— Знаю, царица.

— Скажи нам, что все это неправда.

— Это правда. Я полюбила его.

Невозможно описать гнев, охвативший Томиранду. Задыхаясь от злобы, она закричала:

— Немедленно умертвить ее!

На улице слышались звуки хвалебных гимнов в честь Томиранды и ее справедливого суда.

Через час бык, разъяренный всажеными в него стрелами, с налитыми кровью глазами мчался к скалам, волоча по острым камням привязанную к его хвосту за ноги несчастную Клитевру.

Несколько дней просидела Томиранда, запершись во дворце. Она никого не желала видеть, даже самых приближенных к ней людей, в том числе и Меланиппу. Томиранда запретила пение и богослужение в своем храме, обучение войск и не разрешила больше амазонкам веселиться у Амалы.

Томиранда решила казнить Амалу за то, что именно в ее саду совершилось преступление. Она приказала скрыть сад и запретить всякие увеселительные сборища. Однако этого ей показалось мало: душа царицы жаждала мести.

— Отныне, — сказала Томиранда Меланиппе, — я буду жестоко карать, беспощадно казнить за всякое преступление. Вы не умели жить под моим мудрым и кротким правлением: теперь вы узнаете цену гнева Томиранды!

Однако Пала объявила, что исполнить приказ Томиранды невозможно, так как Амала скончалась.

Это известие не очень рассердило царицу. Она вообразила, что стоит ей очень чего-нибудь захотеть, как ее желания тут же исполнятся. Природный ум Томиранды взял верх над ее необузданными страстями. Она поняла, что если и дальше так пойдет дело, то через несколько лет царство ее ослабнет и рухнет. Смерть Амалы озадачила царицу. Что, если амазонки начнут умирать одна за другой или страну посетит эпидемия? В ее женском царстве, из которого изгнаны мужчины, не может быть увеличения населения, следовательно, и его конец через какой-то промежуток времени неизбежен. И сама она умрет. Не может же она допустить, чтобы ее преемницей стала какая-нибудь амазонка, ее теперешняя рабыня. Уж если ей суждено умереть, то страной должна править женщина, в жилах которой течет царская кровь. Поэтому ей и ее подданным следует родить, чтобы иметь потомство, которое сумеет удержать на высоте могущество и силу грозного царства амазонок. Но как это сделать? Вновь впустить в город мужчин? Конечно, такое делать нельзя, ведь тогда может погибнуть все царство.

И тут прекрасная идея пришла ей в голову. Она издаст новый закон: повелит отобрать лучших, молодых и сильных амазонок и разрешит им раз в год весной на два месяца отправляться в долину возле города для «брачных ночей»... Затем беременные женщины будут освобождаться от службы в войске. Родившихся девочек они будут воспитывать, а сыновей умерщвлять, за исключением небольшого количества для продолжения рода. И она сама решила обзавестись мужем, которого сделает своим рабом и от которого родит наследницу-амазонку... Скоро наступит весна, и закон через месяц вступит в силу.

Она призвала к себе Меланиппу и поведала ей свой план.

Весть о новом законе быстрее молнии разнеслась по Телескире. Амазонки приняли это известие с радостью. Томиранда распорядилась отправить в соседнюю страну своих послов с предложением выслать в долину требуемое количество пастухов. Вассальное племя, боявшееся грозных амазонок, с готовностью согласилось исполнить ее волю. Царица сама выбрала амазонок, которые должны были стать продолжательницами рода.

Давно уже в городе назревал глухой протест против действий Томиранды. Суровая дисциплина, полный отказ от личной жизни, жестокие наказания, деспотизм и интриги — все это нагнетало и без того мрачную обстановку в городе. Теперь же, после того как вошел в силу новый закон, популярность царицы среди ее подданных снова возросла. Толпы осаждали храм Томиранды, женщины горячо молились за здоровье своей повелительницы и совершали жертвоприношения.

Солнце взошло над долиной Фермадона и осветило живописную картину — амазонок, спящих в объятиях пастухов. Одна черноволосая амазонка лежала, заложив руки за голову, едва прикрытая рыбацьей сетью. В ногах у нее дремал красивый пастух. Другая спала возле смуглого и загорелого пастуха с бронзовой кожей. Невдалеке на скале дремала красавица с пепельными волосами. Ее стан и голову украшали венки из душистых полевых цветов. Томиранда спала в своем роскошном шатре, на мягкой львиной шкуре, а у ног ее лежал белокурый красавец-пастух, бывший любовник Клитевры. Видно, царица избрала его в память о погибшей.

Быстро бежали дни за днями, а брачные ночи за брачными ночами — еще стремительнее. Амазонки полностью подчинили себе мужчин вассального племени, сделав их своими слугами, своими рабами. Но не успели они оглянуться, как шестьдесят брачных ночей прошло...

Накануне выступления в город Томиранда объявила своему мужу, что не отпустит его домой, а возьмет с собой во дворец, так как не чувствует еще в себе биения новой жизни. Втайне она ощущала привязанность к этому светлокудрому красавцу. Всегда решительная, она теперь не находила в себе былой твердости.

И она объявила народу свое решение — дать ему царя, с которым она обвенчается в храме, чтобы родить от него наследницу престола, будущую царицу, такую же храбрую, такую же сильную, как она сама, потому что в жилах новой царицы будет течь ее кровь. Молча выслушали ее амазонки и с завистью смотрели на нее и молодого красавца. Меланиппа с затаенной злобой приняла приказ приготовить все к брачному торжеству и повеление предупредить верховную жрицу Асатру о предстоящей церемонии.

Теперь она была убеждена, что близость ее к Томиранде кончилась, влияние ее во дворце упадет и она останется в нем не более как в качестве простой рабыни и слуги не только царицы, но и ненавистного ей мужчины, который станет помыкать ею и, пожалуй, издеваться над ней.

И она, изошренная в придворных интригах, приняла решение, осуществить которое намеревалась в ближайшее время. В божественность Томиранды Меланиппа уже не верила. Мысль ее была проста. Томиранда немолода и притом чересчур мужественна. Златокудрый же пастух молод и пылок... Стоит показать ему другую женщину, хотя бы Фему, не уступающую в красоте Клитевре, как он забудет о царице. Затем следует уговорить Асатру не венчать царицу Томиранду под предлогом, будто жрица вопрошала священную статую богини Томиранды и получила отрицательный ответ. Этим она возбудит гнев царицы, которая устранил жрицу, а та примкнет к стану недовольных. Они, в свою очередь, подговорят народ. Верующих в Томиранду амазонок можно разочаровать, рассказав им о ее подчинении воле мужа, о ее слабостях и ошибках. Да амазонки и сами будут недовольны царицей: ведь она на их глазах делает, что хочет, а они должны работать и терпеть ее суровый нрав и власть царя-мужа. Томиранда допустила большую ошибку, учредив брачные ночи. Теперь, когда женщины вновь познали любовь, удерживать их в своей власти будет не так-то легко.

Расчеты Меланиппы оправдались.

Опала сразу же постигла Асатру, отказавшуюся скрепить брак царицы с чужеземцем. Тогда Томиранда лишила ее звания главной жрицы, объявила сама себя жрицей и, совершив обряд венчания перед своей же статуей, наградила своего мужа известными правами и преимуществами: надела на него пояс, хотя менее роскошный, чем свой, и ожерелье на шею. При встрече с ней амазонки по-прежнему должны были падать ниц, а при виде царя — становиться на колени; в присутствии посторонних он был обязан падать ниц перед царицей. Права казнить или миловать ее подданных она ему не дала, но он мог требовать суда над любой из амазонок. Кроме того, по ее поручению он мог производить смотр войскам. Все это крайне не нравилось ее подданным. Число недовольных росло изо дня в день. Тем вре-

менем Меланиппа стала все чаще и чаще навещать Фему. Потихоньку перевела ее в светлую комнату, приносила вкусную и свежую пищу. На щеках у Фемы заиграл свежий румянец, а глаза стали более томными и красивыми.

С каждым днем влияние Томиранды на своих подчиненных становилось все меньше. Годами сдерживаемая страсть с удвоенной силой рвалась наружу и жгла ее. Она стала худой и бледной, в глазах, окаймленных желтыми кругами, появился лихорадочный блеск. Все это придавало ее лицу отталкивающий вид. Ни на шаг не отпускала она от себя мужа и почти совсем забросила государственные дела. Но по мере того как росла ее страсть, Томиранда становилась суровее в обращении с подданными: она не терпела ни малейшего возражения и за любую провинность жестоко карала.

Между тем, вольный житель долин и лугов, златокудрый пастух начал тяготиться этой знойной любовью и, видимо, заскучал в беломраморных стенах дворца. Ему не хватало свободы и вольготной степной жизни. Мучило его и зависимое положение от немолодой уже женщины. Часто вспоминал он красавицу Клитевру. И стал он все пристальнее всматриваться в лица окружающих его амазонок. Однако Томиранда была предусмотрительна: она удалила из дворца молодых и красивых. Тогда царь, заметив благосклонное отношение к себе Меланиппы, обратился к ней за помощью; та, убедившись, что ее час пробил, пообещала содействие.

Однажды утром она сообщила Феме, что девушку ждет большая честь: ее представят «самому царю», и, может быть, ей придется разделить с ним брачное ложе.

В ту ночь Томиранде плохо спалось. Все грезилось ей какие-то мрачные видения, и она, разметавшись на своем ложе, бессвязно что-то бормотала. Наконец она очнулась, сон словно рукой сняло. Тихо позвала она мужа.

Никто не откликнулся. Она позвала его громче, но тихо, очень тихо было во дворце. Тогда она встала и вышла из комнаты.

Страшное подозрение закралось ей в душу. Едва ступая, брела она по каменным плитам и вдруг остановилась словно вкопанная. Откуда-то доносился зна-

комый голос. Она бросилась назад, во дворец, схватила свой колчан и направилась к невысокой стене, отделявшей двор от дворцового сада. За этой стеной кто-то громко шептался, и тут она узнала голос мужа. Задышавшись от гнева, слушала Томиранда его сладкие речи. Она осторожно придвинула большой камень к стене и перепрыгнула на другую сторону. И тут при свете луны она увидела такую картину: красавец-пастух сжимал в своих крепких объятиях прекрасную Фему. Как раненая львица, бросилась Томиранда на молодую женщину и, схватив ее за горло, вонзила в сердце стрелу. Словно подкошенная рухнула Фема на землю, а ее любовник кинулся в ноги Томиранде, прося пощады. Возвратившись во дворец, царица потребовала к себе Меланиппу и объявила ей, что к утру та умрет.

— Я же предупреждала, — бушевала Томиранда, — что буду жестоко карать за всякую провинность. Ты недоглядела за Фемой. Она получила свое, теперь получишь свое ты... Тебя бросят со скалы в морскую пучину.

Появилась начальница стражи, и Меланиппу взяли под арест.

Бывшая начальница дворца покорно склонила перед царицей голову и поцеловала пол, на котором та стояла (с некоторых пор ее лишили милости целовать ноги повелительницы). Нагнувшись, Томиранда сорвала с Меланиппы ожерелье, лишив ее тем самым придворного звания...

— Вели казнить меня, могущественная повелительница, — проговорил пастух, явившись перед ложем, на котором возлежала царица. — Вели казнить!

Томиранда нахмурила брови:

— Казнить? Неужели ты думаешь своей черной кровью расплатиться за гнусную измену? Встань... Ты будешь жить... но жизнь твоя отныне будет хуже, о, в тысячу раз хуже самой лютой смерти! Встань!

Но она еще не придумала ему казни. Страшные мысли бродили у нее в голове, разные чувства боролись в ней: бешеная ненависть, оскорбленное самолюбие, ревность, но в глубине души росло какое-то странное чувство — то ли жалости... нет, пожалуй, даже любви, любви несмотря ни на что!

К утру она уже твердо решила, что пастух будет жить. С восходом солнца перед ее дворцом собралась

толпа народа. Весть о происшествии еще ночью распространилась по городу. Глухой ропот недовольства слышался в толпе. Томиранда показалась у окна. Она очень удивилась, увидев волнующихся женщин.

— Что вам надо, презренные рабыни! — гневно воскликнула она. — Зачем собрались вы сюда, а не идете молиться в капище?

Ответом ей было молчание. Более робкие по привычке при ее появлении пали ниц, но большинство амазонок продолжали стоять неподвижно. И это удивило царицу.

— Вы слышали мое повеление? — спросила она.

Из задних рядов послышался голос:

— Царица, мы просим тебя, чтобы вместе с Меланиппой ты судила и пастуха, осмелившегося жестоко оскорбить тебя. Мы молим тебя повелевать нами по-прежнему, но без него. Мы не желаем власти мужчины. Смерть ему!

Не помня себя от гнева, Томиранда схватила лук и выпустила в толпу несколько стрел. Послышались глухие стоны.

Они словно взорвали толпу. В ответ понеслись проклятия и угрозы в адрес царицы. Злоба, гнев, глухое недовольство, копившиеся годами против Томиранды и ее тяжелого гнета, прорвались наружу. Толпа сначала отпрянула и потом ринулась во дворец.

А тем временем Томиранда пускала в толпу стрелу за стрелой. И падали на землю амазонки одна за другой.

Вдруг в толпе оказались Меланиппа, Ахла, Протоя и Пала. Они что-то громко кричали амазонкам и жестикулировали.

А Томиранда продолжала метать стрелы в толпу.

— Если тебе не жалко нас, — закричали амазонки, — то мы не пожалеем и тебя! Довольно ты издевалась над нами. Смерть Томиранде! Смерть пастуху!

Томиранду обезоружили и бросили на землю. Женщины связали ее и пастуха-царя и выволокли их на площадь.

— Как поступить с царицей, изменившей своему народу? — обратилась Меланиппа к толпе.

— Смерть царице и пастуху! — ответила за всех Пала.

Однако в толпе находилась еще и Асатра. Долгая

служба при алтаре Томиранды наложила свой отпечаток. Женщиной вдруг овладел суеверный страх.

— Вы забыли, что Томиранда — богиня! — в ужасе закричала она.

— Тогда в храм ее, в храм! — шумела толпа. — И если она действительно богиня, то пусть освободит себя из наших рук и улетит на Луну.

Томиранду и ее мужа поволокли в храм. Там заставили перед собственной статуей молить об освобождении. Но статуя оставалась нема к ее мольбам, а цепи лишь сильнее впивались в руки Томиранды. Толпа заволновалась.

— Заточить ее в подземелье вместе с пастухом! — предложила Пала. — Она не пожелала расстаться с ним при жизни и всех нас принесла ему в жертву. Пусть не расстается с ним и после смерти.

Томиранда молчала. Казалось, ее охватило безумие.

— В подземелье, в подземелье! — вопила толпа.

Вместе с пастухом ее повели в подземелье. Узкий вход завалили тяжелым камнем. Статую Томиранды вынесли из храма и бросили со скалы в море.

Какова же дальнейшая судьба царства амазонок? На этот счет существуют различные предания. Говорят, что после смерти Томиранды амазонки решали все вопросы на общем совете по примеру соседнего племени пастухов. В совет вошли все бывшие приближенные Томиранды: и Ахла, и Протоя, и Пала, и Асатра. Возглавляла совет Меланиппа. Но так продолжалось недолго: начались смуты и раздоры. Затем через какое-то время вновь восстановилась монархия. Одна царица сменяла другую, но их правления оказались ничем не примечательными, за исключением славной и могущественной царицы Гипполиты. Правда, ее покорил могучий пришелец из Греции и отнял драгоценный пояс — знак царского достоинства.

Несмотря ни на что, память о Томиранде как о величайшей царице сохранилась в народе навсегда, и в честь ее снова воздвигли храм, поставили статую и по всей стране стали воздавать божественные почести.

Еще долго царство амазонок наводило трепет на соседние страны. Царство разрасталось и впоследствии заняло все пространство между реками Фермадон и Ирис, по побережью Понта Эвксинского.

Как, когда и по каким причинам распалось это славное царство — об этом легенда умалчивает.

* * *

Настоящая легенда записана по источникам, печатавшимся в «Кавказском сборнике» и «Сборнике сведений о кавказских горцах», а также по устным преданиям и рукописным материалам.

ЛЕГЕНДЫ О КОЛХИДСКИХ НЕГРАХ

Нарты у чернолицых людей

Однажды сто братьев-нартов надели доспехи, наполнили добротные мешки медовыми лепешками, оседлали огнеподобных коней и двинулись в путь. Ехали они, ехали. Где ночь застанет, там и ночлег. Раскрывали дорожные мешки, доставали медовые лепешки, утоляли голод и жажду. Потом ложились спать... Поднявшись с утренней зарей, умывшись и подкрепившись пищей, сто братьев снова пускались в путь. Так путешествовали они полтора года. И однажды выехали в полдень на зеленую поляну.

Посреди поляны росло большое, развесистое дерево. Нарты направились к дереву, спешили под его тенистыми ветвями, поставили коней, да не просто поставили, а накинули узду одного коня на лук седла другого. А сами расстелили бурки и устроились в тени. Младшие принялись разжигать костры и готовить пищу. Когда же огнеподобные кони отдохнули немного, нарты, привязав уздечки к стремянам, выпустили их в широкое поле. Дым от костров взметнулся к небу. И заметили этот дым люди, жившие на расстоянии дня пути от дерева, под которым отдыхали нарты. Была у тех людей кожа черная-пречерная, а зубы белые-пребелые...

Снарядили чернолицые своих воинов и наказали им разузнать, что это за дым, и сообщить обо всем увиденном.

Направились воины к дереву и издали увидели нартов. Разве могли они идти дальше? Напуганные их видом, вернулись воины назад и рассказали обо всем.

И вот собрались чернолицы — мужчины и женщины, старые и молодые — одним словом, все, кто только мог ходить. Посоветовались между собой и пришли к выводу: пока живы, будут биться. Решили строить укрепления с той стороны, откуда идут богатыри. Начали они рыть землю и возводить стены.

А нарты и не подозревали, какой из-за них переполох у чернолицых. Сидят себе спокойно, поют и беседуют.

Наступила ночь, а за ней утро. С первыми лучами солнца отправились нарты в путь и к исходу дня заметили чернолицых. Очень обрадовались нарты. Еще бы — неизвестные люди, неизвестная страна!

Чернолицы, завидев нартов, стали готовиться к битве. Решили они подпустить нартов поближе — на расстояние полета стрелы, чтобы вернее поразить врага.

Нарты были смелыми и умными. Отобрали они нескольких воинов и послали их к чернолицым без оружия, чтоб те убедились, что к ним идут не враги, а друзья. Подошли безоружные нарты на близкое расстояние, а чернолицы пустили в них стрелы. Ранили они двух нартов, и пришлось оставшимся вернуться к своим. Что же оставалось им делать?

И вновь послали к чернолицым нарты своих безоружных братьев, но и на этот раз случилось то же. Решили нарты применить силу.

И вот они сели на огнеподобных коней и бросились на чернолицых. Словно разъяренные зубры, разрушили они стены укреплений и порубили пашками самых отчаянных храбрецов, многих потоптали копытами своих коней. Тогда чернолицы попросили мира. Узнав нартов получше, они поняли, что те и не собирались причинять им зла. И помирились с ними нарты.

Прожили братья у чернолицых ровно месяц. А когда собрались в обратный путь, то сказали:

— Пошлите вместе с нами своих людей, пусть они увидят и нашу землю.

Чернолицы устроили на прощание пир, а затем выделили в провожатые сто своих братьев. И подавали нартам много скота.

Вернулись в Апсны сто братьев, а с ними и сто чернолицых из далекой земли. От них и происходят чернолицы, живущие и доныне в селе Адзюбжа.

СКАЗАНИЕ О ЛЕСНЫХ ЛЮДЯХ ОЧОКОЧИ

Лет пятьсот назад в селении Джвари, которое лежит на правом берегу многоводной колхидской реки Ингури, у подошвы горы Охачкуа, жили два брата — Питуруш и Джвиба Пипия.

Питуруш был известен тем, что однажды напал на цебельдинских абхазов и, ограбив их, возвратился с огромной добычей домой. Спустя некоторое время он заболел, и абхазы, воспользовавшись этим, под предводительством цебельдинского князя Хвахва Маршания напали на дом Питуруша. Больной храбро защищал свой очаг, убил Хвахву, но и сам пал от рук врагов.

Джвиба же был хорошим охотником. В народе о нем сохранилось поверье, что он разговаривал с очокочи⁸, лесными людьми.

Раз зимой Джвиба отправился на гору Охачкуа поохотиться за оленями. Застала его на горе ночь. Притащив под сосновое дерево убитого оленя, развел он огонь и приготовился к ужину. Вдруг подходят к нему два огромных чернолицых волосатых человека. Это и были очокочи — мужчина и женщина. Женщина стала просить Джвибу дать ей кусочек оленьего мяса. Но Джвиба знал, что если кто ответит очокочи, то непременно сойдет с ума, и потому не сказал ни слова. Тогда мужчина обратился к женщине:

— Обожди, когда Джвиба уснет, я убью его и съем, а тебе достанется мясо оленя.

Но Джвиба не спал и дождался, пока очокочи заснули. Тогда воткнул он свой кинжал в землю острием вверх и покрыл его буркой, а сам взял ружье и сел за деревом. В полночь, проснувшись, мужчина-очокочи бросился на бурку, рассчитывая задушить Джвибу, и напоролся на кинжал. Разъяренный, стал он искать Джвибу, но тот выстрелил в него и ранил. Тогда женщина стала кричать:

— Разве я не говорила тебе, что Джвиба — храбрый человек, не надо было его трогать!

⁸ В переводе с одного из диалектов грузинского языка очокочи — «черный человек».

Тут стали они просить Джвибу, чтобы тот выстрелил еще раз. Но Джвиба знал, что очокочи после второго выстрела избавится от раны, и не исполнил их желания. Тогда очокочи удалились с плачем и воем. Джвиба же, взяв оленя, сошел вниз.

На другой день, собрав смельчаков, Джвиба пошел искать следы очокочи. Когда они шли по лесу, то слышали страшный вой и плач. Это очокочи оплакивали своего товарища. Все спутники Джвибы разбежались, так что и ему пришлось вернуться.

Как-то раз на охоте встретил Джвиба еще очокочей, только маленького роста. Они попросили у него мяса, но он бросил в них пылающей головней, и очокочи убежали.

Джвиба дожил до глубокой старости и умер, окруженный многочисленным семейством.

* * *

Много исторических загадок таит в себе древний край золотого руна.

Одна из них — «абхазские негры», проживающие здесь с незапамятных времен. Когда и каким образом появились они на берегах Кавказского Причерноморья? На этот вопрос письменные источники не дают ответа. Да их просто и не существует. Ведь письменность у абхазов появилась только в конце прошлого века. Правда, можно привести высказывания Геродота, посетившего Колхиду в V в. до н. э. В них упоминается о каких-то обитателях исторической Колхиды, имевших негроидный облик, и о том, что во время одной из битв несколько отрядов египетского фараона Сесостриса III вынуждены были отойти на север и затем осели в Колхиде. Но эти сообщения ничем не подкреплены и не могут считаться достоверными.

Некоторые более поздние разрозненные сведения о контактах древнего Египта и сопредельных стран Африки с Абхазией находим у греческих, византийских, арабских и других авторов. Предположение о наличии таких контактов вполне допустимо. В то далекое время негры-рабы могли попасть и на Черноморское побережье Кавказа. Можно с уверенностью предположить, что приток чернокожих на кавказское побережье усилился в позднее средневековье. Это было время, когда территория Абхазии находилась под турецким игом и

входила в состав Османской империи. Под турецким владычеством оказался и Египет, ставший одним из крупных центров работорговли. Попадая в разное время на территорию Абхазии в качестве рабов или слуг, негры постепенно ассимилировались, утрачивали родной язык и обычаи, растворяясь в местной этнической среде.

Первое упоминание в русской прессе о колхидских неграх, в частности о неграх, проживающих в Абхазии, обнаружено совсем недавно у известного русского писателя В. А. Соллогуба. В своих путевых очерках о Черноморском побережье Кавказа он писал о встрече с негром в 1853 г. в Абхазии, в селе Адзюбжа, недалеко от моря⁹. В статье В. П. Вradий «Негры Батумской области» приводится любопытное сообщение В. Тьебо: «В 1884 г. я проехал часть Абхазии и встретил там несколько негров. Они говорили мне, что в одной, не помню теперь какой, абхазской деревне живет довольно много негров. Говорили они только по-абхазски и пользовались тогда репутацией честных людей... Тип лица у них, как мне помнится, был абиссинский, но у них самих каких-либо определенных сведений о своем происхождении не было. По религии они мусульмане, но, кажется, они что-то знали и о католичестве. В 1887 г. я взял одного молодого, лет двадцати, негра в прислуги. Это был самый преданный человек, он нигде не соглашался спать, кроме как у дверей моей комнаты. Он был католик».

Упоминание об абхазских неграх мы встречаем также у Е. Л. Маркова: «Проезжая в первый раз абхазскую общину Адзюбжа, я был поражен чисто тропическим ландшафтом: на яркой зелени густых девственных зарослей вырисовывались хижинны и постройки из дерева, крытые тростником, копошились курчавые африканцы, важно проходила с какой-то ношей негритянка. На ослепительном солнце черные люди в белых одеждах представляли характерное зрелище какой-нибудь африканской сценки... Негры эти ничем не отличаются от абхазцев, среди которых живут уже с давних времен, говорят по-абхазски, исповедуя ту же веру. Мне думается, что негры являются в этих местах случайными людьми и привезены сюда не ранее появления на Чер-

⁹ В. А. Соллогуб. Собрание сочинений. Т. V. СПб., 1855.

номорском берегу турок, у которых, как известно, всегда бывало много слуг из африканцев, доставлявшихся из турецких африканских владений. Ничего удивительного нет в том, что часть этих бывших рабов осела кое-где на побережье и во всем, кроме цвета кожи, ассимилировалась с окружающим их населением».

В начале XX в., когда известный русский писатель А. И. Куприн путешествовал вдоль Кавказского Причерноморья, в Батуме он встречался с людьми явно африканского происхождения. Эта встреча получила отражение в его рассказе «Белый пудель», опубликованном в 1902 г., где он писал, что в Батуме один из персонажей много раз видел эфиопов: они «черные, как сапог, и даже блестят».

По воспоминаниям старожил, в начале XX в. родственник царя, принц Ольденбургский, держал при своем дворе по несколько представителей от каждого из народов Кавказа, в том числе двух местных негров.

Упоминание о пребывании негров на Кавказском побережье сохранилось в замечательном памятнике устного народного творчества абхазов — нартовских сказаниях. В приводимой выше легенде о нартах содержится своеобразная версия о приходе негров в Абхазию. Конечно, произведение народного эпоса не может считаться достоверным историческим источником, но, являясь итогом коллективного творчества, создаваемого на протяжении многих столетий, эпос способен отразить в своеобразной символике историческое прошлое народа. «Вернулись в Аpsны сто братьев, а с ними и сто чернолицых из далекой земли». Разве не могло быть такое? Во времена больших миграций случалось неоднократно, что целые народы оказывались за тысячи километров от родины.

Когда в XVI в. Черноморское побережье Кавказа было покорено султанской Турцией и около трех веков находилось под ее владычеством, любой турецкий наместник-паша мог привезти на берега Кавказа чернокожих рабов и продать их грузинским и абхазским князьям.

Нам кажется, что грузинская легенда о диких людях очокочи, записанная учителем И. Петровым из местечка Хони в 1885 г., хотя и носит сказочный характер, но также не лишена в некоторой степени правдоподобия. Упоминаемые в легенде чернолицые огромные

волосатые люди, очевидно, и были негры, которые убежали от своих хозяев и жили в лесах. В подтверждение своих доводов мы приведем предание, рассказанное Лазом, местным рыбаком из Анаклии. По его словам, много столетий назад о скалистый берег во время страшной бури разбился чужеземный корабль, груженный рабами негритянского происхождения. В этой катастрофе погибли все работоторговцы, но осталась в живых значительная часть рабов — мужчин и женщин, хорошо умевших плавать. Они добрались до берегов Колхиды, скрылись в лесных чащобах и частично перешли на оседлый образ жизни.

Еще до революции около двухсот негров проживало в Аджарии — в Кахабери, Орто-Батуме, Минде, Таталоглы и других местах. А согласно данным информатора К. Вильконского, одну негритянскую семью он встретил в Батуме в октябре 1891 г. «Отец Марджан Ага Абас-оглы, — сообщает Вильконский, — служил в отделении Государственного банка рассыльным до конца девяностых годов прошлого столетия. Семья состояла из жены и трех сыновей. Марджан, как мы его называли, был высокого роста, стройный, худощавый, волосы имел курчавые, нос приплюснутый, губы толстые, цвет лица и тела, так как я видел его обнаженным, черный — словом, типичный негр; говорил на нескольких туземных языках и по-русски; характера был очень добродушного, всегда услужливый и исполнительный по службе, но с большим самолюбием, умер лет пятидесяти пяти; жены его я не видел, но с сыновьями часто беседовал и думаю, что метизации они не избежали, но какая кровь примешалась, определить не берусь. У сыновей лица темно-бронзовые, волосы курчавые, но с более длинными завитками, ростом и внешностью похожи на отца. В 1902 г., приобретая участок земли около Батума, в местности Салибаури, я познакомился с другим негром... Саидом, лет пятидесяти: высокий, худой, цвет лица темно-бронзовый, волосы с большими завитками, нос приплюснутый, губы не так толсты, как у первого, одежду носит разную, чаще туземную, аджарскую...»

Долгожительница Фатьма Язычба (она скончалась в 1980 г. в Гагре) рассказала в 1978 г. автору этих строк, что в начале века она видела на своей родине в Батуме нескольких негров, которые были в дружбе с ее

родителями, причем все они свободно говорили на абхазском и грузинском языках.

В Абхазии негры жили группами, в основном в Кодорском уезде (сейчас Очамчирский район), среди них были и общественные деятели. Пелаа Хасан из поселка Лашкендар (Цхенцкар) до революции был старшиной Тамышской общины и пользовался большим уважением среди крестьян. Он защищал бедняков, помогал народному поэту Абхазии Дмитрию Гулиа приобщать сельскую молодежь к культуре. С особым уважением абхазы относились к Шаабану Абашу, крестьянину-бедняку из села Адзюбжа. В составе так называемой туземной дивизии он воевал на фронтах первой мировой войны, был неоднократно ранен. В армии хорошо изучил русский язык. Когда в Абхазии началась борьба за Советскую власть, бывший кавалерист Шаабан Абаш, как и тысячи бедняков из его дивизии и других частей, сражался за нее. За подвиги и преданность Советской власти он был награжден грамотой, подписанной членом Военно-революционного совета Кавказской армии Серго Орджоникидзе. В грамоте сказано: «Революционный Военный Совет Отдельной Кавказской рабоче-крестьянской армии в ознаменование исполнившегося трехлетия героической борьбы за раскрепощение трудящихся и защиту социалистического отечества вручает настоящую грамоту красному воину Абхазского конного полка Шаабану Абашу как символ исполнения долга перед рабоче-крестьянским отечеством».

После установления Советской власти в Абхазии Шаабан Абаш активно служил ей. Он вел большую работу, избирался членом ЦИК Абхазии. Сестра Шаабана Абаша — Кампича была одаренной певицей и виртуозно играла на местных инструментах — *чонгури*, *апхарца*.

Пользовался у адзюбжинцев большим авторитетом и Александр Лепсадзе, тоже негр. Он долгое время руководил Адзюбжинским сельским советом.

Изучение проблемы кавказских негров впервые начал в 1927 г. декан медицинского факультета I Московского государственного университета профессор Бруно Федорович Адлер. Руководимая им антропологическая экспедиция посетила несколько абхазских сел, где проживали негры. Члены экспедиции ознакомились на месте с образом жизни, языком и антропологическими особенностями негров.

Ох, давно это было, давно... Жили среди хегайского народа два брата — Атвонук и Канбулат. Росли они вместе, крепко дружили, но были совсем разные, как солнце и луна. Старший брат Атвонук низкорослый был и неуклюжий, а младший Канбулат — высокий, стройный, горячий и ловкий, сиял красотой. Выросли братья. Женился старший брат Атвонук. Попалась жена ему злая и неверная. Начала она поглядывать на деверя, обхаживать его. Но верен он был брату, честь его берег и отверг соблазнительницу.

Затаила зло на него женщина. Знала она, что ее безобразный муж давно брату завидовал. И решила она погубить своего добродетельного и прекрасного деверя.

Бросилась она к мужу своему и стала громко причитать:

— Славный мой Атвонук, опозорил меня твой младший брат Канбулат! Прельстил меня, одолел, не смогла перед ним устоять. Если хочешь — убей мать своих детей, но его покарай!

Света невзвидел низкорослый джигит Атвонук.

— Брат и жена изменили мне! — закричал он. — Чем утолю жажду мести? Где от бесчестья скроюсь? Неужто стану братоубийцей?

В гневе и отчаянии ушел Атвонук со своими родичами в Крым к татарскому хану.

Приветливо встретил Атвонука татарин, обласкал, приблизил, дал ему под начало войско и послал походом через пролив — завоевывать новые земли за устьем Кубани. Хорошо рассудил татарский хан. Будет там Атвонук, князь хегайский, драться вдвое смелей, потому что на земле абхазов правит брат, оскорбивший его.

И случилось все так, как задумал хан. С войском татарским вошел Атвонук во владения Канбулата. Огню и мечу предал он селения своих прежних родичей. И брату его Канбулату едва удалось бежать со своими сподвижниками. Ночью в ущелье встретились им какие-то всадники. Не разобрались джигиты, схватились грудь с грудью, шашка с шашкой. И зарубил Канбулат юношу в черной бурке и белой папахе. А когда бой ос-

тыл, рассвело и солнце взошло, увидал Канбулат, что убил он старшего сына жанеевского князя.

Что было делать изгнаннику? Свои владения потерял: там старший брат Атвонук с татарами сородичей разоряет. Здесь убит ни за что ни про что сын князя жанеевского. Там смерть, и тут смерть — кровная месть.

И решил тогда Канбулат:

— Пойду припаду к груди его матери, княгини жанеевской. Примет меня — породнюсь, буду ей сыном, все грехи искуплю. Тогда защитит меня князь жанеевский как родича. А не примет — придется умереть от его руки!

Так Канбулат и сделал. Много дней скрывался он в чаще лесной, в горах, а потом решил спуститься в долину один.

Жанеевского князя не было дома, когда взмыленный конь остановился у его ограды. Незнакомый всадник вошел в кунацкую, попросил пристанища. Приказала княгиня растопить пожарче очаг, зарезать барана, приготовить трапезу. И сама взяла полотенце, таз и кувшин с водой, чтобы по древнему обычаю омыть ноги путнику. Почувствовала она, что гость ее — знатного рода.

Но едва вошла княгиня в кунацкую, вскочил Канбулат с тахты и припал губами к груди княгини.

— Будь отныне моей приемной матерью! — сказал он смиренно.

— Да будет так по заветам отцов наших, — ответила княгиня. — Но кто ты, храбрый джигит?

— Я Канбулат хегайский.

В ужасе отшатнулась княгиня, услышав имя того, кто убил ее любимца. Однако опомнилась. Отныне по обычаю предков стал Канбулат ее приемным сыном и должна она была беречь его и защищать, как родного.

Призвала княгиня старейшин рода своего и сказала:

— Как вернется князь, приходите на пир. Постарайтесь развеселить, задобрить моего супруга. А когда отойдет он душой, стану я просить, чтобы он исполнил мою кровную просьбу. Помогите мне!

Согласились старейшины, ибо женщина-мать у этого рода-племени всегда была в почете и чтили ее выше, чем у других горских племен.

— Только помните,— сказала им княгиня,— если не склонится князь на кровную просьбу мою, погибнет честь моя и не будет мне вечного блаженства в загробной жизни.

— Все исполним, как ты хочешь,— сказали старейшины.

И вышло все по их желанию. Приехал жанеевский князь, развеселился на пиру, а когда сказали ему старейшины, что у княгини к нему кровная просьба, повелел призвать ее в кунацкую. Не принято было у жанеевцев, чтобы женщина, пусть даже княгиня, при гостях выходила на пир. Но так повелел жанеевский князь, а слово его — закон.

Вышла княгиня, поклонилась князю и сказала:

— Прошу тебя принять под наш кров моего названного сына. Поклянись, что не откажешь!

— Как же я могу нарушить законы гостеприимства! Но кто он, твой названный сын?

По знаку княгини вошел в кунацкую Канбулат и встал перед князем. Ужаснулся князь жанеевский. Но тотчас овладел собой и постарался скрыть свой гнев и смятение.

— Стыд и срам падет на меня и весь род мой, если буду мстить тому, кто вошел в мой дом названным сыном, кто просит у меня защиты и помощи. Но ты, Канбулат хегайский, должен заплатить за кровь моего сына!

— Охотно бы дал я любую плату, высокочтимый князь,— ответил Канбулат.— Но нет у меня теперь ничего, кроме коня и оружия. Все отнял у меня мой старший брат со своими татарами.

— Ладно, сегодня садись от меня по правую руку и раздели трапезу,— решил князь.— А завтра поговорим о деле.

Наутро приказал жанеевский князь отобрать у бывшего врага своего коня и оружие. Все отдал Канбулат — и чуху с патронами, и *ноговицы*, оставил себе только верную шашку. Но отец убитого юноши и тут не сжалился.

— Ради чести сына должен я отобрать у его убийцы все оружие,— сказал князь.— Только тогда дух погибшего успокоится и воспарит в рай — *дженет*.

И Канбулат отдал и шашку.

— Что сказал он при этом? — спросил слуг старый князь.

— Ничего не сказал, лишь промолчал, — ответили слуги. — Только в глазах его блестели слезы стыда и печали.

— Вижу, достоин он помощи и уважения! — воскликнул князь. — Другой бы отказался по праву названного сына и гостя, а он склонился перед отцовским горем. Отнесите ему все обратно и скажите: отныне кони мои — его кони, мое оружие — его оружие, мой дом — его дом, а я ему верный союзник и друг!

В тот же день призвал к себе князь Канбулата и сказал:

— Нас, жанеевских, мало, не справиться нам с хегайцами Атвонука и его татарами. Поедем сейчас к бзедухам, склоним их на нашу сторону!

И отправились они в верховья рек Пшиш и Псекупс, где свили свои орлиные гнезда воинственные бзедухи. Явились на совет старейшин бзедухов. Обратился к ним князь:

— Отважные бзедухи! Вот перед вами храбрый джигит и честный враг. Есть у наших предков мудрая поговорка: «Храброго трудно полонить, но в плену он покорен судьбе, а труса легко взять в плен, зато, когда минует опасность, становится он заносчив, упрям и дерзок». Канбулат вел себя как храбрец, я сам в этом убедился. Поручаю его великодушию вашего славного племени.

Встал тогда Канбулат и сказал:

— Отважные бзедухи! Не на свои достоинства, а на вашу доблесть и великодушие уповаю. Помогите изгнаннику в правом деле! Только на бога, на вас и друзей моих, жанеевцев, вся моя надежда.

И оба племени оправдали надежды изгнанника. Началась война. Семь лет преследовал Канбулат своего брата из ущелья в ущелье. Много воинов пало в этих боях — жанеевцев, бзедухов и хегайцев. А татары — кто не погиб, те бежали без оглядки в Крым.

Но не мог Атвонук смириться, ибо коварная жена разжигала в душе его злобу на брата. Бессильную ярость свою готов он был выместить на жене Канбулата, что была у него в плену. Но отвергла его домогания честная, гордая женщина. Бесстрашно сказала она Атвонуку:

— Не туда обращаешь гнев свой, не там ищешь корень зла. Я и муж мой, твой брат, страдаем безвинно.

А ты слепец, раз не видишь змеи, что тебя отчаянно жалит!

Призадумался Атвонук, помрачнел. Заметила это злая жена и решила совсем погубить Канбулата. Своими руками сшила тайком богатое платье и послала его деверю, вроде бы в знак примирения.

Но жена Канбулата не спускала с нее глаз. И едва отбыл посланец, прибежала она к Атвонуку и сказала:

— Спроси, повелитель наш, у своей жены: где тонкое сукно, что она ткала так усердно? Я не вижу его на тебе. Кому отослала она богатый наряд этой ночью?

Заскрежетал Атвонук зубами. Повелел догнать и схватить посланца, но втайне от своей жены. А когда узнал, кому вез тот богатое платье, совсем света не взвидел. Приказал Атвонук посланцу:

— Если хочешь жить, вези этот дар, кому вез. Но еще скажи ему: та, что послала тебе этот наряд, будет ждать через одну ночь у Серой скалы над нашей рекой. Поезжай!

Умчался посланец, а Атвонук решил: «Если придет брат на свидание, зарублю его! Если не придет, на коленях буду молить о прощении».

Через ночь отправился Атвонук к Серой скале и залег в засаде. Но вместо Канбулата увидел полуживого посланца без ушей и языка. Так ответил Канбулат на подарки коварной женщины.

Только тут понял все Атвонук и ужаснулся. Сколько же зла содеял он из-за недостойной женщины! Только кровь могла смыть это зло и позор...

И вот через семь лет вражды примирились братья. Но долго еще продолжались схватки между родами всех трех племен — жанеевцев, хегайцев и бзедухов. Потому что за семь лет не осталось в этих племенах семьи, где не было бы павших джигитов и кровь их не взывала бы к отмщению.

* * *

Записано со слов старожил.

Было время, когда абхазы не знали, каким богам поклоняться. Приходили греки — заставляли молиться Христу. Приходили турки — заставляли восхвалять Аллаха. Но больше всего чтили абхазы своих древних языческих богов — духов гор, вод и деревьев. В особом почете у них был Афы, бог грозы и дождя, и благосклонный к горцам бог лесов и охоты Ажвейпшаа. Славный джигит Ширар тоже поклонялся всем богам — так, на всякий случай. Вместе с другими парнями и девушками плясал на весеннем празднике в честь «первого цветка» — Маныч-Чекан. Подобно другим охотникам, приносил он жертвы святыням — аныхам-наковальням. Ширар никогда не пропускал назначенных дней и приносил щедрые жертвы к наковальне местного кузнеца: козлят, ягнят и горных коз.

Заходил Ширар и в христианские храмы — чаще всего в церковь св. Георгия Иллорского. Там святил он свой меч с крестообразной рукояткой и на силу его уповал не меньше, чем на меткость своих пуль.

А вот мусульманскую веру, по правде говоря, Ширар не очень-то уважал. И виной тому был один случай.

Жил в одном ауле жадный мулла. Шел о нем слух, будто он по Корану может все узнать, любую вещь найти, любого вора отыскать. Но брался он только за дела крупные, чтобы побольше содрать с потерпевшего. И вроде бы часто угадывал правильно.

Прослышал об этом джигит Ширар. И решил проверить, правду ли говорят о прозорливости муллы. И вот ночью увел он самого лучшего скакуна из конюшни одного богатого мусульманина, спрятал его в потайном месте в горах и стал ждать.

Вскоре пришел богатый мусульманин к мулле, пригнал десяток баранов и стал просить:

— Лучшего коня у меня угнали! Найди вора, мудрейший мулла, верни мне коня, и я вознагражу тебя, как ты пожелаешь.

Собрал мулла народ, прочитал невнятно две-три суры из Корана и провозгласил:

— Вот что сказала мне книга пророка: «Коня украл не простой крестьянин, а славный джигит». Слу-

шайте, правоверные! Джигиту свести скакуна — честь и слава. Но если он попадется — стыд и позор. А посему, щадя честь джигита, я не выдам его, хотя знаю имя его так же хорошо, как имя своего отца. Пусть спасет свою честь, сам вернет скакуна! Но если через три дня конь не будет стоять в конюшне хозяина, я назову имя вора перед всем народом...

Ширар стоял в толпе, слушал и дивился: «Неужели хитрый мулла в самом деле знает, что это я увел скакуна? Неужели объявит мое имя? Жалко коня, хорош скакун, нет ему цены, но честь дороже...»

И решил Ширар вернуть скакуна. Но при этом подумал: «Погоди же у меня, Магометов прислужник! Научу тебя, как соваться в дела джигитов!»

Через три дня хозяин пропавшего скакуна прибежал к мулле:

— Спасибо тебе мудрейший! Конь стоит у меня на конюшне. Сейчас мой пастух пригонит тебе еще десять лучших баранов из моей отары.

— Рад за тебя, — недовольно ответил мулла. — Только прикажи своему пастуху заодно пригнать мне еще двух коней из твоего табуна. Потому что вор той же ночью угнал у меня двух коней, а с ними подаренных тобой баранов.

— О Аллах! Но откуда ты знаешь, что это тот же вор? — спросил богач.

— Когда мой сын вышел на рассвете во двор, кто-то крикнул ему из-за ограды: «Скажи отцу, что Магомет велел отдать мне за одного такого скакуна двух коней, а за лишние труды и баранов в придачу!» Вот откуда я знаю, что это тот же человек.

— Аллах, Аллах! — ужаснулся богач. — Так чего же ты ждешь? Скорее бери Коран и найди имя нечестивца! И всенародно изобличи дерзкого вора!

— Не могу, — печально сказал мулла. — Потому что вместе с конями и баранами у меня и Коран украли.

Вот каков был Ширар. Боги богами, а больше всего уповал он на свою смелость и ловкость, на свою сильную руку, зоркий глаз и на своего быстрого коня.

Много молодецких подвигов совершил Ширар. В дерзких набегах отнимал награбленное у богатых и раздавал бедным. Помогал сиротам и вдовам. Отбивал соплеменников, угоняемых в рабство. Слава его гремела по всей Абхазии.

Но однажды пришлось ему помериться силами с тем, кого все боялись, кому приносили жертвы на наковальню, — с самим духом гор.

Коварны и злы духи гор. Сила их в волшебных чарах. Одурманивают они, увлекают случайных путников и одиноких охотников в дебри непроходимые, заводят в пещеры темные, сталкивают в пропасти бездонные. Помогают им водяные ведьмы *дзызлы*, способные принять любое обличье, да красноволосые лесные ведьмы. Особенно не любят ведьмы красивых молодых джигитов, которые их презирают. И стараются заманить к себе юношей, прикидываясь неземными красавицами.

Рассказывают старики, что был у Ширара закадычный друг кунак Гих-Урсан. Без ума влюбился он в свою красивую соседку Рити, дочь старейшины аула. И она его полюбила. Сговорился Гих-Урсан с отцом, назначили день свадьбы. Но тут налетели злые соседи, угнали скот. И пришлось Гих-Урсану с друзьями и сородичами пуститься за ними в погоню.

Вместе с ним отправились Ширар и любимый брат Рити. На прощание сказала Рити Гих-Урсану:

— Ничего не пожалею, если брат мой вернется живой и здоровый. А если суждено ему пасть, привези домой его голову, чтобы хоть похоронить ее с честью. А иначе не бывать тебе моим мужем!

Догнали джигиты похитителей, жестокой была схватка. Брата Рити убили, полегли и многие его сородичи. Оба кунака — Ширар с Гих-Урсаном тоже едва не погибли. Когда враги обратились в бегство, уже наступила ночь, а наутро они нигде не могли найти тело брата Рити. Наверное, голову ему отрубили враги и увезли кровавый трофей. А может быть, за ночь разорвали его тело и растащили по кускам волки и шакалы.

Сказал тогда Ширар Гих-Урсану:

— Пойдем на скалу Энджик-Су! Пожертвуем наши кинжалы духу гор. Может быть, он поможет нам найти голову павшего.

И отправились друзья к жертвеннику духа гор. То была скала между реками Бзыбь и Энджик-Су. Снега никогда не покрывали ее, а на вершине образовалось углубление вроде каменной чаши. В незапамятные времена прорубили горцы ступени к вершине, и никто не осмеливался пройти мимо, не взойдя на скалу и не оставив жертвы духу гор, ее властелину. Бедняки опускали в

чашу на вершине кто пуговицу, кто пулю, кто тряпицу. А богатые оставляли даже дорогое оружие. Ржавели здесь кинжалы и пистолеты, но ничья дерзновенная рука не осмеливалась их коснуться.

Поднялись друзья на вершину Энджик-Су, опустили свои кинжалы в каменную чашу. Затянул Гих-Урсан заунывную песню, призывая на помощь горного духа. Но в ответ ему раздался лишь сатанинский хохот, от которого снег сорвался с соседних вершин.

В страхе спустились друзья к подножию скалы. И здесь перед ними предстал незнакомый горец в черной бурке. Был он высок и красив, глаза его сверкали на бледном лице, а тонкие губы кривились в усмешке. Распахнул горец черную бурку и бросил к ногам Гих-Урсана окровавленную голову брата Рити.

— Через три года ты мне заплатишь за эту голову и за счастье свое самым дорогим для тебя на свете! — сказал бледный горец и скрылся.

Вернулись друзья в аул. Гих-Урсан был печален, сердце его чуяло беду. Похоронили они голову брата Рити и через положенное время сыграли свадьбу. Скоро Гих-Урсан забыл свои страхи в объятиях любимой. У него родился сын Шади, счастье его было полным. Гих-Урсан гнал от себя тяжкие предчувствия, уповая на милость божью.

Три года пролетели, как три дня.

Шади был утехой и светом очей для своих родителей. Жил мальчик по обычаю у своих воспитателей — *аталыков*. Сакля их стояла в роще недалеко от дома Гих-Урсана, и он вместе с Рити часто навещал своего маленького Шади, щедро одаривая аталыков.

Но однажды ночью под окном Гих-Урсана что-то гроыхнуло, словно раздался близкий выстрел.

Вскочил Гих-Урсан с кошмы, схватил ружье и выбежал во двор. Но никого не увидел. Только чей-то голос прозвучал из темноты:

— Три года прошло, Гих-Урсан! Завтра ты отдашь мне свой долг...

Узнал Гих-Урсан голос духа и задрожал от страха. Весь в холодном поту вернулся он к встревоженной жене.

«Чего потребует от меня горный дух? — думал он всю ночь. — Что есть у меня дороже любимой жены и сына?»

Наутро, едва рассвело, побежал Гих-Урсан к аталыкам своего сына. Еще издали он увидел маленького Шади на пороге сакли. Он играл с детьми кормилицы и смеялся, протягивая руки к небу, где уже разгорелась заря. А в небе величественно парил орел.

Но вот царь горных вершин стал спускаться все ниже и ниже. Все уже описывал он круги над саклей. И вдруг черной стрелой упал на ребенка, схватил его острыми когтями, взмахнул могучими крыльями и взмыл со своей добычей в сияющую высь.

В отчаянии бросился Гих-Урсан за ним следом. Он карабкался на бесплодные скалы, продирался сквозь непролазные чащобы, переплывал ледяные бурные речки в безумной надежде догнать горного духа. Громко взывал он к нему, умоляя взять его жизнь, но только оставить Шади, вернуть ребенка матери. Все было напрасно.

Много раз казалось ему, будто слышит он злобный смех горного духа и плач малютки-сына. Однако лишь на седьмой день увидел Гих-Урсан на вершине скалы того самого бледного горца, который три года назад отдал ему голову убитого свояка. Черные кудри его развевались по ветру, тонкие губы улыбались. Он пел какую-то сладостную песню. А у ног его, на самом краю пропасти, сидел Шади и играл, собирая неведомые пышные цветы.

Вскрикнул Гих-Урсан и полез на скалу, словно дикая кошка, цепляясь за корни и выступы обрыва. Но на середине пути неодолимый сон овладел им, руки ослабли, глаза закрылись, и он в забытии скатился к подножию.

Семь раз приходил в себя Гих-Урсан, семь раз пытался добраться до своего дитяти и его похитителя. Но каждый раз настигал его сон, и срывался он вниз.

Понял Гих-Урсан, что не одолеть ему черного духа, зарыдал в отчаянии и поплелся домой. Хотел броситься в горный поток, бурлящий меж скал. Только мысль о несчастной Рити удержала его.

У самого аула Гих-Урсана встретил Ширар.

— Я прослышал о твоем горе,— сказал он другу.— Не печалься, ступай домой. У меня есть верное средство одолеть даже горного духа и отнять у него малютку.

И показал он ему свой острый меч с рукояткой в виде креста.

— От этого меча с крестом вся нечисть помчится, как от огня. Укажи мне лишь место, где ты видел горного духа.

Ободрился Гих-Урсан, рассказал, как найти дорогу к неприступной скале. И Ширар отправился в лес.

Скоро до слуха его донеслись жалобный плач ребенка и протяжные завывания горного духа. И вот перед ним скала...

Словно вепрь, устремился к ней славный джигит, прыгая с камня на камень. Диким барсом полез по обрыву, цепляясь за каждый выступ. Все выше и выше к вершине, где среди неведомых цветов безутешно плакал маленький Шади и завывал горный дух, напрасно пытаясь его утешить.

Совсем близка вершина. Вот уже рука Ширара вцепилась в последний выступ... Но тут розы и лилии обрушились на него водопадом, закружилась у него голова, сладостная истома разлилась по телу. Еще миг — и погрузился бы он в волшебный сон...

Тут вспомнил Ширар о чудотворном мече. Выхватил его, взмахнул над головой — и сна как не бывало! Не смог горный дух сбросить его со скалы. Но успел он унести джигита прочь от волшебной скалы за горный перевал.

Не теряя надежды, вновь стал прыгать Ширар с утеса на утес через пропасти и стремнины. Закутал голову башлыком, чтобы не слышать сладостного пения, которым дух пытался усыпить его; не глядел вверх, чтобы не поддаться волшебным видениям, которыми властелин гор мог обмануть его. Верил, что никакие наваждения не остановят его, пока в руках чудотворный меч.

И вот снова Ширар у самой вершины скалы. Вдруг откуда-то сверху показалась нежная ручка, но не детская ручонка Шади, а прелестная — юной девушки. Такой руке позавидовали бы все гурьи Магометова рая! Белая, с тонкими пальцами, с ноготками, подобными лепесткам розы... Прикоснись к ней Ширар, и все бы пропало! Вновь очутился бы он внизу, еще дальше от заколдованной скалы.

Но не тронул он нежную девичью руку. Крепко сжал свой меч, поднял его над головой и только тогда взглянул вверх. Дивная дева гор, небесная перь, сотканная из света зари, протягивала ему руку, словно хотела помочь, сладостным голосом призывая его...

Но вспомнил тут Ширар о друге своем Гих-Урсане, о его малютке-сыне и преодолел соблазн.

— Не прельщусь на твою красу! — закричал джигит. — Не поверю в помощь твою! Сгинь, пропади, нечистая сила!

И тут же небесная пери превратилась в безобразную старую дзызлу — водяную. Жутко захохотала она и прыгнула в омут прямо со скалы.

Крепко встал Ширар на самой вершине. В одной руке сжимал он чудотворный меч, другую протянул к маленькому Шади. Но горный дух опередил его: схватил малютку за ногу и занес над краем скалы, угрожая низвергнуть в бездну.

И тогда воззвал Ширар громовым голосом:

— Чудотворной силой меча своего заклинаю: отпусти ребенка невредимым!

Заскрежетал горный дух зубами от ярости, но опустил малютку на ложе из цветов у подножия скалы. А сам вырос до облаков и двинулся на Ширара.

Обратившись к божьей помощи, метнул Ширар со всего размаху меч с крестообразной рукояткой под ноги злобному духу гор.

С ужасающим грохотом разверзлась вершина скалы надвое. Горный дух рухнул в эту расселину, извергая пламя и дым.

Спустился Ширар со скалы, поднял Шади на руки и благополучно вернулся с ним в аул. Радости Гих-Урсана и жены его Рити не было предела! И все их односельчане, все родные и близкие, а больше всего аталыки, воспитатели Шади, радовались и прославляли подвиг Ширара.

* * *

Давно это было, давно. Но скала, что поглотила горного духа, так и стоит до сих пор с рассеченной вершиной. И в народе расселину ту до сих пор называют: Шайтан-Сеи-Набрик — «Расселина казни шайтана». Кто не верит, сам может увидеть в верховьях реки Келасури скалу с этой самой расселиной, куда провалился шайтан, горный дух.

Записана со слов старожил.

Хава Амаршан считался прекрасным охотником, таких нечасто в те времена можно было встретить во всей Абхазии. Он точно попадал в цель — уж очень меткий у него был глаз. На своих могучих плечах он приносил с гор зубра.

Как-то раз под вечер бог Ажвейпшаа, пастух всех зверей, сидел по обыкновению на опушке леса и доил лань. Случайно лань толкнула ведро копытом, и молоко пролилось на землю.

— Чтоб тебя Хава Амаршан застрелил! — выругался огорченный Ажвейпшаа, взял пустое ведро и пошел прочь.

Слова Ажвейпшаа услышал Хава: он подкрался к Ажвейпшаа и стал наблюдать за тем, как тот доил лань. Сорвав с плеча винтовку, он пристрелил несчастное животное. Затем связал ему ноги, взвалил на плечи и отправился домой.

Вечерело. Тем временем под горой, возле большого болота, дышащего ядовитыми испарениями, собрались бледные тени болезней. Злые и мрачные, сидели они и, шипя, словно змеи, рассказывали друг другу полные ужаса истории о том, как терзали они людей всевозможными болезнями, жгли своим зловонным дыханием, как преждевременно сводили в могилу.

Легкой походкой шакала подкрался к ним Хава, прилег на землю и стал внимательно слушать страшные рассказы. Долго рассказывали болезни друг другу о своих подвигах, пока наконец не начали спорить, кому куда на этот раз пойти. Всем нашлось дело, лишь одна малярия не знала, куда себя деть.

— Пойду-ка я к Хаве Амаршану, — сказала она. — Попробую справиться с ним, хоть он силен и крепок, но и я не слаба.

— Брось, не ходи к нему, — отговаривали малярию остальные болезни. — Хава — очень хитрый. Мы пытались справиться с ним, да из этого ничего не вышло. Смотри, наживешь ты с ним беды.

— Посмотрим, — ответила малярия. — Кстати, сегодня он отправился на охоту. Вечером, когда, усталый и измученный, он вернется домой и, как всегда, попросит

принести ему стакан воды, я впрыгну туда, а Хава выпьет эту воду, и тут-то я и возьмусь за него.

Болезни пожелали друг другу успеха, договорились встретиться на том же месте ровно через месяц и разбрелись по сторонам.

Вернулся домой и Хава. По дороге он зашел к пастуху и взял у того большой крепкий бурдюк. Дома Хава попросил у жены напиться. Она проворно подала ему стакан с водой и медом. Тем временем малярия притаилась в углу и ждала удобного момента, чтобы впрыгнуть в стакан. Краем глаза следя за болезнью, Хава взял из рук жены стакан, поднес его к губам и нарочно на мгновение придержал его. Малярия быстро метнулась из угла в стакан, только один маленький пузырек образовался на поверхности. Хава быстро вылил содержимое стакана в бурдюк, крепко завязал его, повесил сушить на крюк над огнем, а сам сел ужинать.

Прошло две недели. За это время бурдюк так усох, что стал величиной с кулак. Пожалел Хава малярию, снял бурдюк с крюка, развязал и бросил в воду. Через две недели Хава отправился на условленное место встречи болезней к болоту. Там он спрятался в кустах и стал ждать.

Стемнело. Над болотом поднялся туман. С разных сторон начали сходить сюда болезни. Не было среди них только малярии. Долго ждали ее болезни и все удивлялись, почему она не идет. Наконец вдалеке показалась малярия. Изуродованная, иссушенная, едва дыша, припадая на обе ноги, останавливаясь на каждом шагу, с трудом тащилась она по дороге. Кинулись к ней болезни, помогли добраться до места. С трудом переведя дыхание, малярия слабым голосом поведала подругам о своих злоключениях.

В старину люди умирали от малярии, такой сильной она была. Однако, после того как Хава Амаршан разделался с ней, эта болезнь лишь мучает людей. Убить же их у нее не хватает сил.

* * *

В эпоху позднего средневековья, когда на Черноморском побережье Кавказа пришли в негодность оросительные системы и низменные районы Абхазии превратились в непроходимые болота, здесь участились эпидемии малярии. Об этом свидетельствуют путевые за-

метки многих путешественников, посещавших Абхазию в разное время. Вот что писал известный писатель-декабрист Александр Бестужев-Марлинский, служивший на береговых укреплениях Черноморского побережья Кавказа в 30-е годы XIX столетия, о гагрской крепости: «Есть на берегу Черного моря, в Абхазии, впадина между огромных гор, туда не взлетает ветер, жар там от раскаленных скал нестерпим, и к довершению удовольствий ручей пересыхает и обращается в зловонную лужу. В этом ущелье построена крепостишка, в которую враги бьют со всех сторон в окошки, где лихорадка свирепствует до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона...»¹⁰.

Первые попытки борьбы с малярией предпринимались в конце XIX — начале XX в. Тогда на Черноморском побережье начала работу противомаларийная экспедиция профессора И. Пирогова. Однако активное наступление на болезнь началось лишь при Советской власти. На побережье осушались болота, в ряде пунктов открывались малярийные станции. В результате с малярией, неизбежным спутником человека в этих местах, было покончено.

Легенда взята из публикации М. М. Галашевского «Легенды Ацсны» («Сухумский вестник». 1910, № 6).

СКАЗАНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ ОГНЯ

В давние-давние времена, когда земли Абхазии были сплошь покрыты густым лесом, а горы зеленели под лучами жаркого солнца, жили здесь прекрасные, сильные люди. Жили дружно и весело. Природа щедро дарила им плоды и мясо диких зверей. Чистые реки несли этим людям прохладные воды... Словом, беззаботно жили они, ибо им не стоило большого труда добыть себе пищу или найти кров: краем изобилия была

¹⁰ «Русский вестник». 1861. Т. 32, № IV, с. 470—471.

тогда Абхазия. И единственное, чем дорожили эти люди, что оберегали пуще глаза своего, — это огонь, который горел уже сотни лет на вершине холма. Люди не давали ему погаснуть, ибо жило среди них поверье: не будет огня — не будет у них счастливой жизни.

Но однажды случилось так, что ливень погасил вечное пламя. Не уберег его нерадивый соплеменник. Люди пришли на холм и с ужасом увидели, что вместо жаркого пламени в священном очаге курился жалкий дымок. И начался тогда среди людей великий плач. Очаг угас навсегда. А люди? Они по-прежнему предавались плачу и стенаниям, ибо свято верили в предсказание своих пращуров. Тогда встал самый старый и многоопытный из них и спросил людей, не ведают ли кто секрета добычи огня. Ответом ему было молчание.

— Тогда погибать нам, — промолвил старик. — А не найдется ли среди нас смельчака, который достал бы с неба кусочек раскаленного солнца?

Люди в недоумении поглядывали друг на друга.

— Нет, такого не найти между нами, не найти, — шептали они.

Но вдруг толпа зашевелилась, раздалась, и на середину вышел очень красивый юноша.

— Это Амра... Его зовут Амра, — заговорили вокруг. Они хорошо знали Амру. Юноша был воплощением красоты и смелости.

— Я достану кусочек солнца! — сказал он твердо. Мы, однажды потерявшие огонь, можем вновь обрести его. Но кусочек солнца — не слишком ли это много для маленького народа?

— Нет, нет! — закричали люди. — Возьми, Амра, наши руки в помощь себе, только добудь для нас скорее обещающее.

— Хорошо, — сказал юноша.

Три дня и три ночи народ под руководством Амры делал гигантский лук. Высотой этот лук был в сотни и сотни локтей. А тетиву для него свили из жил тысячи быков. Наконец по истечении третьей ночи люди подняли гигантский лук со стрелою на вершину самой высокой горы — Эрцаху. А солнце к тому времени уже стояло в зените. Тысячи людей натянули тетиву. Амра тщательно прицелился. И совершилось чудо: стрела угодила прямо в центр солнца. Солнце затрепетало от

боли, уронив слезинку. Очень скоро слезинка достигла земли, и жарко вспыхнул тысячелетний лес. Дымом были устланы три месяца долины нашей земли. Огня было много, но исчезли леса, живьем сгорела дичь, и обмелели реки.

— Ты вернул нам огонь, но ты лишил нас пищи, — упрекали люди Амру. — Теперь не жить нам безбедно. Уходи от нас, юноша, принесший несчастье.

— Хорошо, — сказал Амра, — я уйду. И пусть печаль, поселившаяся в ваших сердцах, исчезнет вместе со мной.

Сказал так Амра и вмиг превратился в солнечный луч, который заиграл на лице ребенка.

С тех пор обильно растут леса на нашей земле только в предгорьях. Но зато тучна и плодородна земля у подножия гор. И произрастают тут разные плоды, и живет счастливо людям под солнцем, которое по-абхазски зовется *Амра*.

* * *

Амра — древнеабхазское языческое божество солнца. Настолько было сильно поклонение этому божеству, что даже при строительстве православного Пскальского храма в раннесредневековое время на конусообразной вершине горы Пскал в алтарной преграде мастер нанес его изображение.

Упоминаемая в легенде гора Эрцаху названа самой большой, хотя в действительности Эрцаху ниже горы Домбай-Ульген, находящейся также в пределах Абхазских Альп.

Легенда принадлежит к наиболее древнему пласту абхазского народнопоэтического творчества.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

Было время, не такое уж от нас далекое, когда весь восточный берег Черного моря с прилегающими к нему кавказскими горными отрогами, от Сочи и почти до Таманского полуострова, занимали черкесские племена. Жили там эти люди не одну сотню лет, и вдруг живой их говор замолк навсегда. Настала тишина. Нет более этих черкесов. Делили они когда-то здесь и радость и горе. А теперь? Теперь в тех местах растут лишь непроходимые леса, оплакивая свое одиночество и предупреждая всякого не тревожить царство могил, не входить в царство вечной тьмы.

Однако легенды и предания о них не забыты.

На холмистой полосе земли, границе между *абадзехами* и *убыхами*, жил когда-то *убыхский пши*¹¹ Хасан-бей, пользовавшийся среди горцев славой непобедимого героя. Такая же слава окружала другого *пши* — Соуаллаха, проживавшего на *кабардинской* земле. Они не были знакомы друг с другом, но оба знали, что все князья и *пши* горских племен домогались их дружбы. Влиятельные родители считали своим неременным долгом посылать к ним своих детей, чтобы послушать рассказы о подвигах и битвах. Днем и ночью у Хасан-бея и Соуаллаха можно было встретить сотни гостей, приезжающих с различными подарками. Пир, веселье, пляски, песни, стрельба, бешеные скачки, отчаянные прыжки через рвы и высокие барьеры — все это ожидало молодых людей в домах этих *пши*. Они учились поднимать с земли на всем скаку золотые и серебряные монеты, отбивать друг у друга шелковую материю, привязанную к седлу лошади. Награды победители получали из рук красавиц.

¹¹ *Пши* — сословие аристократов в дореволюционной Кабарде и Абхазии.

Но и этого было мало.

Нередко раздавался зловещий сигнал, и весь аул со всеми гостями вихрем мчался на страшную битву с врагами, отбивал стада коров, овец, быков, буйволов, лошадей, захватывал пленных и с триумфом возвращался в свой родной аул.

Как-то под вечер, когда Хасан-бей сидел в своей комнате и осматривал вооружение, развешанное по стенам, слуга доложил, что приехал князь Махмед-гирей. Хасан-бей поспешил навстречу гостю, чтобы вовремя поддержать стремя и помочь князю сойти с лошади, как и подобало хозяину дома в подобных случаях. С Махмед-гиреем приехали тридцать отборнейших молодцов во главе со старцем, наставником молодого князя. Хотя дом Хасан-бея и так был полон, он все-таки приказал зарезать несколько коров, овец и приготовить богатый ужин. Много хмельных напитков выпили гости. При этом они не пьянели, ведь выпить кувшин вина для горца было все равно что стакан холодной родниковой воды.

Когда ужин закончился, старый джигит, привезший Махмед-гирея, вызвал Хасана из комнаты и обратился к нему со следующими словами:

— Хасан, отец Махмед-гирея, зная, какой ты удалец, просит тебя не отказать принять сына своего под твое покровительство и дать ему возможность увидеть тебя в каком-нибудь деле.

Хасан ответил согласием и назначил на утро набег. Обычно в таких случаях он не брал с собой людей и ездил один. При этом он никогда не разорял ближайших сел и деревень. Когда же ему приходилось ехать к кому-нибудь в гости, тогда его сопровождала свита.

На этот раз Хасан выехал с Махмед-гиреем и его свитой. Ехали они день, два и наконец увидели обширную поляну, где пасся табун лошадей. Пастухи пытались отразить нападение, но Хасан палетел, как лев, — и вот он уже гонит к себе весь табун. Махмед-гирей и его свита не принимали никакого участия в набеге. Они только наблюдали за Хасаном и возносили благодарение Аллаху за то, что тот дал им возможность быть свидетелями его мужества и храбрости.

Назад гости ехали впереди табуна, а Хасан — позади. Подобная предосторожность была предпринята для охраны гостей, так как Хасан каждую минуту ожидал

нападения хозяев табуна. Остановились на почлег. Хасан предложил гостям отдохнуть, а сам взялся караулить лошадей.

До рассвета оставалось еще часа два, когда Хасан заметил какого-то незнакомца, подъезжающего к лошадям.

— Эй, кто там? Хочешь, чтобы я раскроил тебе череп? — крикнул Хасан.

— А ты кто? — ответил незнакомец. — Должно быть, от нечего делать ты решил проглотить горячую пулю!

Для Хасана было довольно одной минуты, чтобы пополам разрубить дерзкого незнакомца, но, поняв, что перед ним смелый противник, оставил оружие и бросился на него, пытаясь сбить с ног. Незнакомец, не двигаясь с места, схватил, в свою очередь, Хасана с такой быстротой и силой, что тот сразу почувствовал: победа достанется ему нелегко.

— Кто ты такой, — крикнул Хасан, — говори, а то разнесу на куски!

— Не твое дело! Это я разрублю тебя. Лучше освободи дорогу, и я погоню назад лошадей.

— С ума спятил, — ответил Хасан. — Как же это я уступлю добытых лошадей, они теперь моя собственность!

— Полно рассказывать басни. Я сам видел, откуда ты гнал лошадей. Последний тебе совет: уступи добровольно, а то кто-либо из нас поплатится жизнью, — ответил незнакомец.

— Должно быть, тебе приходилось слышать, что еще ни одному смертному не удалось отнять что-нибудь у Хасан-бея.

— Должно быть, тебе приходилось слышать, что Соуаллах никогда ни перед кем не отступал.

— Так ты Соуаллах?

— А ты Хасан-бей?

Так впервые встретились два героя. Юноши обнялись. Были они оба хороши собой, храбры, молодцы под стать друг другу. Вся родня Соуаллаха, его братья и сестры, близкие и родные любовались ими...

На другой день Соуаллах пригласил Хасана к себе в аул. Там заметил Хасан-бей среди односельчан Соуаллаха девушку. Была она прекрасна — стройна, белолица, с глазами, как звезды. Сжалось сердце храбреца.

Он стоял и смотрел на нее, как потерянный, и не мог слова вымолвить.

Сказал ему Соуаллах:

— Хасан-бей! В память о нашей встрече и в знак дружбы хочу подарить тебе самого лучшего черкесского скакуна. Выбирай!

Но ответил Хасан:

— Нет, Соуаллах, не коня я хочу от тебя в подарок. Я хочу стать твоим братом — это будет для меня самый драгоценный дар.

Вышла тогда вперед мать Соуаллаха, седая и величественная, и обнажила перед Хасан-беем свою грудь. Припал к ней джигит губами. По древнему обычаю отныне стал он братом своего нового друга.

Расцеловались братья и отправились в дом Соуаллаха пировать. Веселье кипело вокруг. Один лишь Хасан был невесел, задумчив и молчалив.

Заметил это Соуаллах и спросил:

— Что с тобой, брат мой Хасан? Ты в нашем доме, а в глазах у тебя тоска. Что тебя печалит?

— Ничего, — ответил Хасан-бей.

— Нет, я вижу! Заклинаю тебя нашей братской дружбой, откройся мне.

— Не тревожься, брат. Сердце что-то ноет, но это пройдет.

— Ты меня обидишь, если правду не скажешь.

— Хорошо, — вздохнул Хасан. — Слушай, Соуаллах, среди твоих односельчан увидел я красавицу. Покорила она мое сердце, жить без нее не могу.

— Кто же она? — спросил, смеясь, Соуаллах.

— Вон стоит во дворе под деревом, — указал Хасан-бей на красавицу.

Увидел ее Соуаллах и побледнел, как смерть. Но справился с собой и сказал:

— Хорошо, что не скрыл ты от меня свое чувство, брат мой Хасан. Если ты без нее жить не можешь, она будет твоей. Давай веселиться!

И пир продолжался всю ночь до зари.

Наутро вернулся к себе Хасан-бей со своими джигитами и стал ждать. А через неделю прискакал к нему Соуаллах с братьями и привез в бурке на седле красавицу.

— Я исполнил свой братский долг, Хасан-бей, — сказал он. — Отныне она твоя.

Опустил девушку на землю, с тоской посмотрел на нее и быстро поскакал домой, словно сама смерть гналась за ним.

Ничего не заметил Хасан — так велика была его радость. Не заметил он и печали красавицы. И назначил день свадьбы.

В брачную ночь вошел Хасан в *амхара* — хижину для новобрачных. Приблизился к невесте и провел мизинцем по ее кожаному лифу, чтобы по этой линии разрезать его кинжалом. Тогда по обычаю предков станет она его женой, и одна только смерть сможет их разлучить.

Но вдруг девушка вскрикнула, и из глаз ее брызнули слезы. Опустилась рука Хасан-бея:

— Что с тобой, жизнь моя? О чем ты плачешь?

Но девушка молчала.

— Может быть, я нелюб тебе? Может быть, увезли тебя силой? Скажи, я не стану тебя неволить.

Но по-прежнему девушка только вздыхала, и слезы лились из ее глаз. Опечаленный, Хасан оставил ее. Тяжело у него было на душе. Ушел он, всю ночь до утра бродил по лесу. Лишь на рассвете вернулся Хасан-бей в *амхара*.

— Что ты скрываешь от меня? — спросил он. — Кто обидел тебя? Скажи, я убью его.

Заплакала девушка еще горше.

Обнажил тогда Хасан-бей кинжал:

— Говори всю правду! Если ты опозорена, я убью тебя и себя!

И тогда ответила девушка:

— Не страшна мне смерть, славный Хасан-бей. Я чиста перед тобой и людьми. И никто не увозил меня силой...

— О чем же ты плачешь? Что у тебя на сердце? Скажи мне, пожалуйста.

— Не хотела я говорить, потому что ты брат Соуаллаху, но скажу, потому что ты храбрый воин. С детства я была нареченной Соуаллаха. С детства он любил меня. Но не успели мы обручиться. Тебе он ни в чем не мог отказать — во имя братской дружбы, а я ни в чем не могла отказать ему — во имя любви. И когда мне сказал Соуаллах, что ты меня сватаешь...

— Молчи! — закричал Хасан и выбежал из *амхара*.

А во дворе толпились гости, шел свадебный пир, ве-

селе и радость вокруг. Лишь у Хасана сердце от горя разрывалось.

«О Соуаллах, какую же муку ты вынес, когда вез ко мне любимую, когда отдавал мне ее своими руками! — думал Хасан-бей. — Нет, не могу я принять такой жертвы даже во имя святой братской дружбы!»

Снова вошел Хасан в амхара и обратился к прекрасной девушке:

— Не будет мне счастья, потому что несчастными станете двое — ты, любовь моя, и Соуаллах, мой брат. Нет, не вор Хасан-бей, чтобы красть чужое счастье! Отныне ты — моя сестра, а я — твой брат.

Сказал так Хасан-бей и послал гонца за Соуаллахом. А когда тот прискакал, обнял его Хасан и вывел к гостям.

— Простите меня, друзья! — громко воскликнул он. — Обманул я вас, пошутил. Не моя сегодня свадьба, а брата моего Соуаллаха. Не я сегодня женюсь, а сестру свою названую выдаю за него замуж. Доказал Соуаллах, что он настоящий друг. А теперь настал мой черед вернуть ему дар такой же драгоценный. Ты, конечно, должен жениться на моей сестре, дорогой мой Соуаллах!

— Не проси меня, брат, — ответил горько Соуаллах. — Сердце мое умерло для любви. Никого оно больше не полюбит.

— Ты сначала взгляни, Соуаллах, на свою суженую, а потом говори!

И с этими словами Хасан вывел из амхара свою бывшую невесту.

Соуаллах не верил своим глазам.

— Вот твоя невеста, брат мой! Я возвращаю ее тебе такой же чистой, какой получил. И вот тебе доказательство!

Хасан-бей положил свой мизинец на край стола, в другой руке его сверкнул кинжал, быстрый взмах — и мизинец отскочил от руки. Перетянул Хасан рану, поднял отрубленный мизинец и сказал:

— Ни одним прикосновением не оскорбил я чистоту своей суженой. Только этим мизинцем провел по ее кожаному лифу и за это отсек его прочь. Да не будет между нами и тени сомнения!

И с этими словами бросил Хасан-бей отрубленный палец в огонь костра.

И тут раздался выстрел. Это застрелился Соуаллах. Но перед смертью успел он сказать Хасан-бею:

— Я тоже люблю эту красавицу. Но чтобы моя любовь не осквернила ни ее, ни тебя, решил покончить с собой, так, как ты со своим мизинцем.

Хасан-бей с почестями похоронил Соуаллаха на живописном берегу Сочипсты. А сам прожил уединенную жизнь до глубокой старости и, умирая, завещал, чтобы его похоронили рядом с Соуаллахом, у священной дубовой рощи, где обычно собирались его соплеменники.

* * *

События, описанные в легенде «Любовь и дружба», происходили на территории Большого Сочи, где жило когда-то воинственное племя убыхов. Много археологических находок, обнаруженных на территории Сочи и его окрестностей, особенно в пещерах, свидетельствует о том, что эти места были заселены человеком еще в древнейшие времена.

В античный период к здешним берегам приплывали греческие и римские купцы. В VIII—X вв. в этом языческом тогда крае пустило корни христианство, о чем свидетельствуют карнизы, извлеченные из руин христианского храма в окрестностях Сочи, на склоне горы Ахун, остатки капителей хостинского храма и другие находки. В средние века в районе современного Сочи были основаны небольшие генуэзские и венецианские торговые фактории. В частности, на реке Шахе (теперь Мамайка) располагался генуэзский торговый пункт Мамай. В 60 км от Сочи сохранились руины средневековых крепостей и монастырей, и среди них остатки укрепленного монастыря Годлих.

В этих же местах еще в середине XIX в. были найдены деревянные и высеченные из камня кресты, поставленные на возвышения. Сначала убыхи, как и абхазы, были язычниками и лишь позже стали христианами. «Этот факт не подлежит сомнению, потому что на прежних местах их жительства, около берегов Черного моря и в горах, уцелели еще следы „священных лесов“, где на вековых деревьях находятся и ныне остатки изображений вырезанных змей, птиц и жертвенников, доказывающих прежнее этого народа идолопоклонство», — пишет одна из первых исследовательниц

кавказских племен — В. Швецова. Впоследствии, в период турецкого владычества, убыхи приняли ислам.

Еще в начале 60-х годов XIX в. убыхи жили на значительной части современного Большого Сочи, от реки Шахе до реки Хоста. Их насчитывалось здесь около 40 тысяч. Убыхи были воинственным племенем. С раннего детства они приучали мальчиков к суровой жизни и владению оружием. У убыхов была и своя военная тактика: они не укрывались в крепостях, а предпочитали выходить навстречу врагу и завязывать открытый бой. Мать не оплакивала погибшего сына, она гордилась тем, что он храбро сложил голову. Убыхи совершали смелые переходы через опасные, покрытые снегом перевалы и неожиданно нападали на противника. Интересные данные о военной жизни убыхов сообщает первый абхазский этнограф, подполковник С. Т. Званба (1809—1856). Борьбой убыхов долгое время руководил Хаджи-Берзек, который имел свою резиденцию в 30 км выше города Сочи по реке Сочипста (теперь село Пластунка). В 1837 г. русские войска заняли значительную часть территории Черноморского побережья Кавказа, но сочинский мыс по-прежнему оставался в руках одного из убыхских племен, которые называли себя *псатча*. Протекавшая здесь река называлась Сочипста, в ее устье находилась маленькая пристань, откуда на небольших лодках, выдолбленных из ствола дерева, убыхи совершали смелые нападения на неприятельские суда.

Убыхи занимались садоводством и были весьма искусны в нем. Согласно их представлениям, только тот, кто посадит не меньше пятидесяти деревьев, мог попасть в рай. Абрикосовые, персиковые, грушевые и яблоневые сады покрывали большие пространства. Занимались убыхи также скотоводством, охотой и пчеловодством.

В 1838 г. император Николай I посетил западное побережье Кавказа и приказал войскам занять сочинский мыс. В том же году русский отряд направился из Сухума в Сочи. С моря его действия прикрывала эскадра. Бой с горцами продолжался три часа, и русским удалось занять небольшой клочок земли на том месте, где сейчас стоит сочинский маяк. Здесь был основан форт Александрия, затем переименованный в Навагинское укрепление.

Во время Крымской войны, в 1854 г., Навагинское укрепление было взорвано, а его гарнизон эвакуирован. Вторично район сочинского мыса царские войска заняли лишь через десять лет.

После битвы при реке Годлих убыхи и помогавшие им горцы признали себя побежденными. В 1864 г. они собрались в долине реки Сочипста, у так называемых «первых ворот». Сняв огнестрельное оружие, луки со стрелами и щиты, убыхи расположились на площади под священным тополем, веками служившим им местом собраний. Надо сказать, что все важные вопросы решались убыхами демократическим путем. На народных собраниях их постановления объявлялись специальным глашатаем, который для этого взбирался на верхушку священного тополя — *агыша*.

На очередном горском форуме было решено послать к царской береговой военной администрации парламента, которому поручили сообщить, что убыхский народ прекратит сопротивление, сдаст оружие и присягнет русскому царю, если его оставят в родных местах. Но царское командование на Кавказе не приняло предложение горцев. Тогда убыхский совет старейшин решил покинуть родные места и переселиться в Турцию.

В этом решении сыграла роль и турецкая пропаганда, которая всячески настраивала убыхов против России, ее объективно прогрессивной миссии. Почти все убыхи, за исключением отдельных семей, переселились на чужбину, в Турцию.

Трагедией маленького убыхского народа интересовались еще до революции ученые и путешественники. Эта тема получила художественное воплощение в романе народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба «Последний из ушедших», переведенном на русский язык Константином Симоновым.

После переселения убыхов в 1864 г. бывшему Навагинскому укреплению было дано новое название — Даховский пост (по имени Даховского полка, выигравшего битву с горцами). Весной 1872 г. некто Греббе приехал на пост и выстроил там виллу «Вера», здание которой является первой гражданской постройкой в Сочи. До сих пор стоит оно на холме ниже развалин пакгауза бывшего Навагинского укрепления. В 1874 г. пост был переведен в разряд посада.

После войны Сочи мало-помалу начали заселять. Ныне это всемирно известный курорт.

Легенда записана К. Д. Мачавариани со слов абхазского князя Константина (Соуаллаха) Инал-ипа, долгие годы прожившего среди абадзехов, шапсугов и убыхов, и опубликована в его книге «Очерки и рассказы (Из наблюдений разных лет)». Батуми, 1912.

О КНЯЗЕ ОМАРЕ

Один из знаменитейших черкесских (адыгских) князей старого времени, по имени Узбек, сумел подчинить своей власти тридцать пять аулов, и его слово стало для всех законом, за нарушение которого черкесы могли поплатиться жизнью. Узбек пользовался влиянием не только среди черкесских племен (убыхов, шапсугов, джигетов), но и среди абхазов. И действительно, нельзя было не уважать и не любить Узбека, потому что друзей своих он умел награждать по-царски, а врагов наказывать по-черкесски. Интересы же своих подвластных он так близко принимал к сердцу, что не щадил для них и собственной жизни. Узбеку было от роду восемьдесят лет, и он мог спокойно сойти в могилу, если бы не тревожила князя мысль, что единственный его наследник, молодой Омар, еще не обессмертил себя таким геройским подвигом, о котором заговорила бы вся черкесская земля.

Но вот пришло время Узбеку умирать, приказал он позвать к себе своих подданных, а также и всех почтеннейших князей, связанных с ним родством или дружбой. Громадная толпа собралась на огромной площади и с нетерпением ожидала появления любимого князя. Через некоторое время десять почетных князей вынесли на площадь Узбека и положили на роскошное ложе, специально сооруженное для него под тенью векового дуба. При виде такого стечения любящих его людей Узбек последним усилием толкнул в сторону ложе, выпрямился во весь рост и, обращаясь к окружающим, сказал:

— Друзья мои! Я умираю, и тело мое расстается с вами навсегда, но душа моя будет жить, и с того света я стану присылать вам благословение за дела добрые и проклятия за дурные. Всю свою жизнь я посвятил вам и вашей славе; я сражался за свободу моей родины, не жалея сил. Я счастлив, что вижу вас теперь, и умираю спокойно, так как между вами установились любовь и доверие. Мне остается несколько минут жизни. Они дороги для меня, но я их не отдаю своему сыну, а приношу вам. Уходя в могилу, прошу всех жить мирно и не допускать междоусобиц. Врагу легче покорить одного, чем многих. Бедных, сирот и вдов не обижайте, а защищайте до последнего вздоха, оказывайте гостеприимство другу и недругу, не забывайте бога и молитесь усердно, потому что в конце концов отчет придется держать перед ним. За свободу родины не щадите живота своего... и дайте мне спокойно лежать в сырой земле. Я умираю, но оставляю вам сына, свою кровь и плоть, напоенную вашим молоком.

При этих словах толпа зарыдала. Узбек жестом призвал к молчанию:

— Почему вы плачете? Зачем заживо оплакиваете меня? Вы слышали, я оставляю вам единственного сына. Вы его должны полюбить, во всем ему подчиняться, хотя сыну моему предстоит еще совершить много дел, прежде чем он получит право занять мое место. Сын мой, дорогой мой! Обещаешь ли ты защищать моих детей, моих товарищей? Помни, что ты явишься к ним лишь тогда, когда все племена заговорят о твоих геройских подвигах...

Сказав это, князь Узбек упал на землю, и душа его отлетела в мир иной. Молодой князь Омар бросился к телу отца и, став на колени, произнес:

— Отец, родной! Клянусь твоим именем, клянусь племенем нашим, нашей свободой и родиной, что я свято исполню твою заповедь и никому не дам обидеть товарищей и детей твоих.

Зашумела толпа, раздались плач и рыдание. Сорок дней оплакивали черкесы своего князя-отца, а затем пришли к его сыну и стали просить его управлять ими. Омар наотрез отказался. Он взял самую хорошую лошадь, сбрую и оружие и, распростившись с народом, объявил всем, чтобы его не ждали раньше чем через год. На все это время он передал управление опытным

старцам. Поклонившись людям и могиле своего отца, Омар ударил плетью ретивую свою лошадь и вскоре исчез вдали.

Целый месяц ехал Омар, пока наконец не остановился около леса, позади которого раскинулась прекрасная поляна с журчащим поблизости ручьем. Здесь, на перекрестке четырех дорог, Омар и устроился на почлег на высоком дереве. Днем он сидел на лошади и не пропускал через свои новые владения ни одного молодца, не взяв с него дани: с состоятельных проезжих брал он половину всего имущества и раздавал его бедным и сиротам. Он нападал честно и открыто и вступал в бой не только с десятками, но и с большим числом воинов. Победа всегда оставалась на его стороне. Молва о князе Омаре вскоре распространилась по всей черкесской земле, и лучшие всадники не раз приезжали к нему с просьбой принять их под свое покровительство. Однако Омар не брал к себе никого.

Год подходил к концу. Сердце Омара билось от предстоящего свидания с родиной. Однажды, около полудня, с ближайшей горы с шумом и криком ринулись на него четыреста всадников. Среди них Омар заметил женщину, унылую и печальную. «Видно, большое горе лежит у нее на сердце», — подумал Омар и решил защитить несчастную. Впервые в жизни почувствовал он, как в груди забилося от любви сердце. Вскочил Омар на коня и бросился навстречу толпе. Но тут, откуда ни возьмись, с противоположной стороны показались еще четыреста всадников.

Бой был недолг, первый отряд обратился в позорное бегство, красавица отбита. С шумом и песнями направились воины к Омару во главе со своим предводителем, одаренным богатырской силой. Князь преградил воинам дорогу и потребовал объяснения. Девушка бросила на Омара признательный взгляд. Одновременно на лице ее отразилось отчаяние. Она решила, что Омару не спастись от нападения разъяренной толпы.

Предводитель, ни слова не ответив Омару, прищипнул коня и грозным окликом послал всадников вперед.

— Ни шагу дальше, — закричал Омар, — иначе никто из вас не уйдет живым!

— Прочь, молокосос! — ответил предводитель. — Видно, у тебя на губах еще молоко не обсохло. Прочь,

мальчишка, а то будешь у меня так кричать, что твой отец из гроба встанет.

При слове «отец» лицо Омара сделалось чернее ночи. Но только хотел он броситься с шашкой на дерзкого предводителя, как вдруг небо покрыли свинцовые тучи, воздух огласили страшные раскаты грома и на горизонте показалась тень отца Омара.

— Сын мой! Что с тобой, где ты и кто заставляет меня ворочаться в могиле? Кому я нужен? Кто произнес мое имя? А вот теперь я вижу, кто нарушил мой покой! Успокой меня, родной, направь на него грозу и заставь замолчать навеки, иначе мое проклятие будет тяготеть над тобой до конца жизни. Пока я жил на земле, никто не смел оскорблять меня, а теперь, когда живу на небе, неужели ты позволишь кому-либо издеваться надо мной и над собой?

Тень исчезла; небо очистилось от черных туч, и на голубом небосклоне снова заиграли лучи яркого солнца. Омар одним ударом разрубил пополам предводителя, а затем сокрушил всех всадников до единого.

Пленница бросилась к Омару со словами благодарности за спасение.

— Не стоит благодарить, красавица моя! Долг всякого защищать угнетенных и несчастных. Я счастлив, что мне выпала доля избавить тебя от людей, к которым ты, вероятно, не относилась дружелюбно. Но как ты оказалась среди них, почему так позорно оставил тебя первый отряд и по какому праву предводитель второго напал на нас?

— Позволь назвать тебя моим другом, ведь ты спас меня от позора. Ты мой избавитель, и тебе принадлежит право убить меня на месте, чтобы не пришлось мне пережить еще раз такой ужасной минуты.

— Клянусь могилой и тенью отца моего, что я буду твоим защитником до гроба и не дам никому обидеть тебя. Но скажи мне, родная, кто и откуда ты? Мое же имя Омар, недостойный сын могущественного отца моего.

— Зовут меня Фатма, я дочь князя, быть может связанного с твоим отцом дружбой и отвагой. Я была единственной дочерью в семье, рано лишилась матери, но ласка отца заменила мне ее тепло. В шестнадцать лет не знала я покоя от докучливых женихов, но сердце мое ни к кому не лежало, и любовь моя к отцу была

такова, что я поклялась жить с ним до самой его смерти. Судьба, однако, распорядилась иначе. Начальник отряда, так позорно бросившего меня, напал на дом отца моего, убил его, а меня похитил. Узнав об этом, другой предводитель напал на него, отбил и собирался овладеть мною. Но тут явился ты. А что дальше было, сам знаешь.

Тут Омару послышался какой-то шорох.

— Должно быть, кто-то остался в живых, — произнес он.

— Друг мой, оставь его в покое! Ты ведь знаешь: один тайный враг сильнее тысячи явных. Я предчувствую что-то недоброе. Оставь его, умоляю тебя!

— Не волнуйся, дорогая княжна! Сердце мое не успокоится до тех пор, пока будет жив хоть один человек, похищавший тебя.

— Лучше уж я сама выйду против него, но не тебе долгие испытывать судьбу. Пожалей меня, Омар, ведь я полюбила тебя безумно! Ты единственная отрада для меня, я буду жить для тебя и всегда тебе служить. Не ходи, а то я потеряю тебя, а без тебя мне не жить.

— Успокойся! Я вмиг покончу с ним, вернусь к тебе и принесу мое сердце, мою жизнь!

Но не успел Омар направиться к месту, где лежал враг, как вылетевшая из кустов стрела вонзилась ему прямо в грудь. Смертельно раненный Омар успел, однако, одним взмахом меча разрубить врага пополам.

— Омар! — воскликнула в ужасе княжна. — Что ты наделал? Зачем погубил меня! Зачем оставил на произвол судьбы?

— Я не оставляю тебя, Фатма. Иди ко мне, обними меня, ведь я тебя люблю и останусь с тобой навек.

Не успел он произнести эти слова, как почувствовал, что силы ему изменяют.

— Подойди, Фатма, к моей лошади, отвяжи бурку от седла и постели ее мне. Вот так, а теперь достань стрелу из груди моей!

Однако не успела Фатма достать стрелу, как Омар испустил последний вздох.

Тем временем на поляну вернулся первый отряд. Предводитель остановил коня, увидев, что Фатма плачет над трупом какого-то человека.

— Эй, Фатма, а ну быстро садись на коня и домой! Тут Фатма стала молить его:

— Человек, которого я оплакиваю, — близкий родственник моего отца. Он защищал меня, уничтожил врагов моих, но сам поплатился жизнью. Я не могу его так бросить. Позволь отдать ему последний долг, прикажи своим воинам вырыть могилу и опустить его туда. После этого можешь везти меня куда угодно.

Тело Омара опустили в сырую землю. Фатма спустилась в могилу, покрыла князя страстными поцелуями, затем легла рядом.

— Мой милый Омар! — воскликнула Фатма. — Я говорила тебе, что не могу жить без тебя. Разве подобает жене жить без мужа? И теперь я иду к тебе и к твоему дорогому отцу.

С этими словами она острым ножом перерезала себе горло.

Прошло немного времени после смерти Фатмы. Предводитель воинов, похитивший Фатму, со всеми своими всадниками погиб в схватке с враждебными племенами, а на могиле Омара и Фатмы выросли два тополя. С утра до вечера стоят они, обнявшись, словно осиротелые дети, оплакивающие потерю дорогих родителей.

* * *

Записано в 1885 г. Константином Мачавариани со слов жителя Кубанской области черкеса Махмуда Бек-Булатова.

БЕСЛЕТСКИЙ МОСТ

В далекие времена пришли из-за моря на нашу землю чужестранцы. Они жгли города и угоняли в рабство людей. Казалось, не быть больше священной земле Аpsны, погибнет славный народ абхазов. Заполнили чужеземцы все побережье. Только горстка храбрецов-абхазов еще сражалась и совершала набеги на завоевателей с предгорий Кавказа. Они поклялись освободить родную землю. Их решимость вселяла в слабых духом уверенность в победе. Решили храбрецы и примкнувшие к ним воины повергнутых абхазских отрядов напасть на армию завоевателей из глубокого тыла. Но для этого нужно было построить мост через ущелье. А под рукой был

только камень с горных круч да песок. И тогда прошел по земле Апсны клич: «Каждый, кому дорога свобода, пусть даст гонцам куриное яйцо». Удивлялся народ, никто из них догадаться не мог, как куриное яйцо сможет принести долгожданное освобождение. За один день и ночь было собрано сорок тысяч яиц. Опытные мастера приготовили замес из песка и яиц, построили за одну ночь мост, а когда прошло еще три дня, горстка храбрецов ударила в тыл завоевателям. Враг был сброшен в море. Обрели земля Апсны и люди этой священной земли долгожданную свободу и радость.

* * *

Беслетский арочный мост, сохранившийся с глубокой древности и почти не тронутый временем, находится в 6 км от Сухуми, в начале живописного ущелья, где протекает река Басла (Баслата, Беслетка).

Беслетский мост — единственное древнее абхазское сооружение подобного рода. Он хорошо сохранился до наших дней и по праву считается замечательным произведением строительного искусства средневековой Грузии. Свод моста, представляющего однопролетную каменную арку длиной 13 м, сложен из квадратных плит известняка. Камни свода обтесаны в форме клиньев и скреплены прочным известковым раствором (как известно, древние строители гасили известь для сооружения в течение трех-пяти лет). Грузоподъемность его и сейчас достигает 8 т. На боковой грани моста на тесаных плитах вырезана надпись древнегрузинскими главными буквами *асомтаврuli*, которая гласит: «Христос-владыка, всячески возвеличь в обеих жизнях...» Эта надпись относится по палеографическим признакам к XI—XII вв.

В нижней части левобережного устоя моста сохранилось изображение креста и буквы «Т» («т» и «у»). В старину здесь проходила важная дорога в горные долины, и мост имел большое военно-стратегическое значение. Возле моста и сейчас виднеются развалины боевых башен, защищавших от нападения противника мост и вход в ущелье.

Существует и другое предание, связанное с пребыванием в Абхазии грузинской царицы Тамар (1184—1213), которая якобы много раз проходила по этому

мосту со своей свитой и любовалась живописными окрестностями.

Легендой о сборе яиц по всей Абхазии люди стремились объяснить необычную прочность моста. Как известно, в древности яичный белок действительно добавляли в раствор при кладке. Однако этот мост сооружался без яичного белка, и тем не менее он удивительно прочный и вот уже 800 лет стоит целый и невредимый.

В настоящее время в районе Беслетского моста Главным управлением по охране и использованию памятников истории культуры и природы при Совете Министров Грузинской ССР создается Абхазский музей-село под открытым небом. Сюда будут свезены с разных уголков Абхазии народные жилища, а также домашняя утварь, которой пользовался народ в своей повседневной жизни. Вся территория Беслетского ущелья будет благоустроена, но главным объектом, как и прежде, останется Беслетский мост, выдающееся архитектурное сооружение Черноморского побережья Кавказа.

Легенда записана со слов К. Харазия, жителя села Багмарани.

СКАЛА СТАРИКОВ

Давно это было. Сильным, здоровым племенем считались тогда адыги. Не было среди них дряхлых стариков. Но вовсе не потому, что жили они мало, а потому, что жесток был закон. Когда отец становился дряхлым, старший сын поднимал его на руки и узкой тропой нес на Скалу стариков. С этой скалы, подавив в сердце жалость, бросали сыновья в беснующуюся реку своих немощных отцов. И те, заранее зная, какая участь их ждет, покорялись ей без жалоб и стонов.

В те далекие времена в шапсугском ауле жил старик по имени Такир. Девяносто лет прожил он и каждый день от зари до зари по-прежнему работал не разгибая спины, чтобы отдалить неумолимую судьбу. Но

однажды, почувствовав слабость во всем теле, понял, что недолго осталось ему жить.

Жалко было старшему сыну глядеть на отца, больно думать, что настало время исполнить приказ совета правителей племени. Под всякими предлогами сын оттягивал страшный час, надеясь, что судьба смиростивится и старик умрет своей смертью. А совет правителей торопил. На берег то и дело высаживались чужеземцы. Защищать родной аул оставались только воины, все остальное население спешно уходило в горы. В таких походах немощные и больные становились обузой. Надо было заботиться не о тех, кто уже прожил жизнь, а о тех, кто только ее начинал.

Долго раздумывал старший сын и наконец решился. Он вошел в саклю и опустил глаза. Отец все понял.

— Скоро на скалу? — спросил он. — Когда?

Сын ответил чуть слышно:

— Сейчас.

Сильными руками, как перышко, поднял он отца и понес его по тропинке, которая хотя и была узка, но никогда не зарастала.

То ли оттого, что глаза его полны были слез, то ли оттого, что смотрел он смущенно в сторону, но на полдороге сын споткнулся и упал со своей ношей. Упал и остался лежать на земле, не в силах подняться.

Вдруг раздался смех. Открыл сын глаза и увидел улыбающегося отца.

— Над чем ты смеешься, отец? — воскликнул он, стремительно вскочив на ноги.

И ответил ему Такир:

— Я смеюсь потому, что на этом же самом месте я тоже споткнулся и упал, когда нес твоего деда. Он сказал мне тогда, что это повеление небес, и я не сбросил его со скалы, а спрятал в пещере и кормил. Боги благословили доброе дело и в тот год спасли наш аул от нашествия чужеземцев.

Обрадовался сын Такира. Он решил, что боги и ему послали знак. Спрятал он отца в пещере, оставил ему пож и теплую овечью шкуру и каждый день тайком носил в пещеру еду.

Грозным выдался тот год для племени. Враги смеялись друг друга. И однажды наступил день, когда враги окружили аул со всех сторон. Люди плакали, рвали на себе волосы и молились богам, умоляя о защите.

Тогда Такир, всеми уже забытый, вышел из своей пещеры и сказал:

— Идите за мной, я спасу вас!

Пали ниц перед Такиром жители аула, приняв его за посланца небес. И пошли за ним. Такир провел их в пещеру, а оттуда — к подземному ходу. Никто, кроме него, дряхлого старика, не знал этого хода. Долго шли в темноте люди. Но вот подземный ход кончился, и вышли они на солнечную поляну.

Здесь было безопасно, тут они могли укрыться, выждать и нанести отсюда внезапный удар по врагу.

Посоветовались воины с Такиром, собрали свои силы и напали на неприятеля. Ни один чужеземец не ушел в тот раз с поля битвы живым.

А пещера, в которой прятался Такир, до сих пор цела. Она рядом со Скалой стариков. Сто поколений сменилось за это время, но никто больше не ступал на зловещую тропу, никто не пес обреченных на смерть стариков. Огромным валуном и горой камней завалили шапсуги ход к Скале стариков. Тогда и родился в горном ауле святой обычай, перешедший и к нам, — чтить старых, окружать почетом, следовать их мудрым советам...

* * *

Легенда записана от стариков, проживающих в ущелье реки Аше. В подтверждение своих слов местные жители показывают пещеру и огромный утес, словно с мольбой склоненный над водами своенравной красавицы-реки. Легенда повествует об обычае, в глубокой древности распространенном почти по всему земному шару, — ритуальном убийстве стариков. Этот обычай был известен в Передней Азии, в степях Евразии, на Крайнем Севере, у древних славян и у народов Кавказа. Корни его уходят в сложный ритуал культа предков. Данная легенда напоминает такие же предания многих народов, где реплика убиваемого заставляет жестокого сына одуматься и спасти родителя от смерти. Народная память донесла до нас смутный отголосок периода избавления от варварства и становления цивилизации. Известен этот сюжет был и у убыхов, которые жили несколько столетий назад в ущелье реки Аше. Впоследствии, теснимые черноморскими шапсугами, они переместились за реку Шахе. Среди причерномор-

ских шансугов, живущих в нескольких аулах Лазаревского района, и сейчас проживает небольшое число семей убыхов.

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Давным-давно в славном селе Эшера правил князь Дзяпш-ипа Мсоуст. И была у него дочь Амза.

Подросла Амза и стала такой красавицей, что слух о ней разнесся по всему Кавказу. Многие приезжали издалека посмотреть на нее, и сердца многих храбрых юношей покорила она. Пришло время выдавать Амзу замуж. Решил князь: «Выдам ее за самого ловкого и отважного юношу, за того, кто победит в состязаниях».

А состязались тогда горцы в стрельбе и джигитовке, в борьбе и танцах. Такое состязание приказал князь Мсоуст устроить в своем селе Эшера, где родилась Амза.

Услышали об этом храбрецы и начали готовиться к испытанию. Со всего Кавказа потянулись к Эшера самые лучшие джигиты. Ехали абхазы и абазины, убыхи и карачаевцы, торопились к назначенному сроку. А с Северного Кавказа двинулись в путь лучшие из лучших черкесских удальцов.

Путь их лежал через село Отхара, что у подножия Бзыбского хребта. А в том селе жила одна вдова с двумя сыновьями из рода Алтычаа. Старшего звали Алхас, был он неутомимым охотником и неделями пропадал в горах. А младшему, Адгуа, только-только исполнилось восемнадцать лет. Радость матери, гордость односельчан, хоть и молод он был, а уже считался лихим джигитом, неутомимым танцором и метким стрелком. Старший, Алхас, в нем души не чаял, но боялся за младшего брата — уж больно тот был горяч!

Как-то собрался Алхас на охоту и сказал своему любимцу:

— Меня неделю не будет, а может, и две. Не уезжай из родного села, пока не вернусь!

Сказал так и ушел в горы. А на другой день, под

вечер, въехали в село Отхара черкесские удальцы и остановились перед домом вдовы.

Принял их Адгуа, в дом позвал, угостил на славу и по священным законам абхазского гостеприимства оставил ночевать.

Наутро поднялись гости и решили проверить, кто из них лучше пляшет, джигитует и стреляет в цель. Адгуа же стоял в стороне и только смотрел на них.

Начали черкесы над ним посмеиваться:

— Что это ты стоишь, как красная девица? Неужели не хочешь испытать счастья в мужских забавах? Или, может, боишься?

Не выдержал Адгуа. Стал просить мать:

— Дозволь оседлать коня и взять в руки ружье!

А в те времена даже абхазские женщины сидели в седле и стреляли не хуже мужчин. Знала мать, что любимец ее ни в чем не уступит гостям, и разрешила.

Увидели черкесы, как скачет, как джигитует Адгуа, как все пули его ложатся в цель, и рты разинули от удивления. А когда пустился Адгуа в пляс, изумились еще больше. И решили взять мальчишку с собой. Пусть он покрасуется и других соперников отпугнет. А уж тогда они себя покажут.

Начали они уговаривать Адгуа ехать с ними в Эшера. Не хотел он покидать родное село, помня наказ старшего брата. Но гости все-таки его уговорили. Да и мать тоже дала свое согласие: одолела ее гордость!

На другой день, с рассветом, выехали они все вместе: черкесские удальцы и Адгуа с ближними родичами. День провели в седле, переночевали и прибыли в Эшера как раз вовремя, накануне объявленного дня.

Наступил день состязаний. Лучшие джигиты Абхазии, Убыхии, Карачая и других краев Кавказа показывали свою смелость и ловкость. Но никто не смог превзойти крестьянского сына Адгуа из рода Алтычаа!

Как увидел Адгуа красавицу Амзу, сил у него в десять раз прибавилось, за плечами словно крылья выросли, ноги стали быстрыми, как у оленя, а глаза острыми, как у орла.

Напрасно черкесы надеялись на свою удачу. И в пляске, и в джигитовке, и в борьбе, и в стрельбе Адгуа был первым.

Пришлось князю Мсоусту признать его победителем, хоть и был он сыном простого крестьянина. Но пе

жалел об этом князь Мсоуст: полюбился ему юный удалец! А главное — пришелся он по душе княжне Амзе. Высокий, стройный, голубоглазый — трудно в такого не влюбиться.

Молодых торжественно обручили и назначили день свадьбы. А пока отправился Адгуа домой. Черкесы тоже поехали с ним, потому что до села Отхара им было по пути.

Приехали они в Отхара, встретила Адгуа его мать. Рассказал он ей о своей победе и о том, что скоро породнится с князем Мсоустом. Но больше всего рассказывал Адгуа о красоте княжны Амзы! Жаль, что Алхас с охоты еще не вернулся: он бы тоже порадовался за брата...

Устроила мать пир в честь помолвки младшего сына. Гостей никуда не отпустила. Велела она зарезать бычка, баранов, подала самое лучшее вино, позвала соседей. Сидели черкесы за праздничным столом, пили, ели, слушали и все больше мрачнели. Грызла их досада и зависть. Но лишь на седьмой день отпустил их Адгуа: все ждал, да так и не дождался своего старшего брата.

Распрощались с ним черкесы и двинулись в сторону перевала. Но, отъехав подальше, повернули коней и поскакали в обход села Отхара назад в Эшера. Злобой были полны их сердца.

Ночью напали черкесы на дом князя Мсоуста, перебили охрану и ранили старого князя. А красавицу Амзу завернули в бурку, взвалили на седло и устремились к Бзыбскому перевалу.

Очнулся князь, увидел, что нет его дочери, и все понял. Кликнул он самого быстрого своего гонца и приказал:

— Скачи, не жалея коня, в Отхара. Опереди разбойников! Скажи Адгуа, что черкесы похитили его невесту, красавицу Амзу!

И гонец поскакал сквозь почь по тайным, крутым, только немногим известным тропам. Но лишь к вечеру другого дня добрался он до Отхара, и конь его пал перед домом вдовы.

— Адгуа, Адгуа! — прохрипел гонец из последних сил. — Невесту твою, княжну Амзу, похитили черкесы, с которыми ты приехал. Князь ранен. Один ты можешь настичь их и отомстить.

— Горе мне! — вскрикнул Адгуа. — Почему нет со мной моего старшего брата Алхаса? Если бы он мог меня услышать!

Вскочил Адгуа на коня и бросился за похитителями через горы наперерез. Настиг он их в узком проходе, где стоят словно стражи две скалы — Мамхури и Дамхури. Мимо них не проехать — иного пути нет. Здесь и залег Адгуа с ружьем, спрятав за скалами коня.

Неравным был тот жестокий бой: один против десятых! На выстрел Адгуа отвечали десять ружей. В самом начале черкесская пуля пробила Адгуа левое плечо. Перевязал он рану концом башлыка и продолжал стрелять. Вот упал предводитель черкесов, и конь со связанной Амзой с храпом понес в сторону. Вот упал второй черкес, третий... Пули абхаза разили без промаха! Всех перебил он и лишь одного только ранил. И отпустил, чтобы тот донес близким весть о гибели соплеменников: пусть оплачут их и похоронят.

С трудом сел Адгуа на своего коня, догнал коня с Амзой, быстро развязал ее и с ней вместе вернулся в Эшера:

— Вот дочь твоя, князь, — сказал он старому Мсоусту. — Я вернусь за ней в назначенный день свадьбы. А сейчас прости, ранен я тяжело, еду к матери.

Бледный, весь в крови, добрался он до Отхара, вошел в родной дом и упал.

— Где мой брат Алхас? — спросил он у матери. — Если мне суждено умереть, хочу увидеть его перед смертью.

— Еще нет его, не вернулся с охоты, — ответила мать, заливаясь слезами.

Два дня ждал брата Адгуа, два дня и две ночи боролся со смертью. Но не дождался, умер.

А на третий день, утром, вернулся с охоты Алхас. Увидел он мертвого брата и сам помертвел. Но, как велит обычай, сразу отправил гонца в Эшера, к князю Мсоусту. Через день прибыл вестник горя в Эшера и передал слова Алхаса старому князю:

— Жених твоей дочери и мой брат Адгуа умер. Приезжайте оплакивать!

Услыхала эти слова красавица Амза, и сердце ее окаменело. Медленно сняла она со стены отцовское ружье и вышла в сад. Раздался выстрел. Когда прибе-

жали князь Мсоуст и его домочадцы, княжна Амза была уже мертва. Не могла она пережить любимого! Хотя и коротка была их любовь, но оказалась она сильнее смерти.

И отправил князь Мсоуст своего гонца к Алхасу. Прискакал к нему вестник горя, передал печальные слова князя:

— Невеста брата твоего и моя дочь Амза покончила с собой. Приезжайте оплакивать.

На это ответил Алхас:

— Оба они умерли потому, что жить не могли друг без друга. Значит, и смерть не должна их разлучить. Пусть похоронят их рядом. Скажи князю, я пришлю людей за телом невесты моего брата Адгуа.

И старый князь не посмел отказать Алхасу, сыну крестьянина, потому что правда была в его простых словах.

Так и похоронили Адгуа и Амзу рядом на кладбище села Отхара.

* * *

У легенды есть несколько вариантов. Один из них, записанный Алексеем Толстым еще в 1911 г. в селе Эшера, послужил сюжетом для рассказа «Эшер». Этот рассказ вскоре после возвращения А. Толстого с Кавказа был опубликован в Петербургской газете под названием «Проклятие». Рассказ заканчивается гибелью Эшер — возлюбленной Джото. Она бросается в пропасть¹². С упоминаемыми в легенде фамилиями представителей княжеского рода, живших в селе Эшера, действительно связано немало трагических эпизодов, один из которых и нашел свое отражение в данной легенде. Об этом поведал автору данных строк Давид Дзяпш-ипа.

¹² В. П. Пачулиа. Русские писатели в Абхазии. Сухуми, 1980, с. 40.

Как, откуда появилась эта русская девушка у причерноморских шапсугов? Никто не знает. А предание гласит...

Когда-то русский корабль потерпел крушение у Кадошского мыса. Спаслись немногие, и среди них оказалась молодая русская женщина с четырехлетней девочкой. Мать была без сознания, в бреду все звала Ваню, наверное, своего мужа, и часто повторяла:
— Лаура! Где ты, моя Лаура?

Мать умерла, а девочка осталась жить в ауле среди шапсугов. Она была белокура, с вьющимися волосами, ее румяное личико всегда оставалось веселым. Ни один человек не мог пройти мимо, чтобы не сказать: «Светит, как солнышко!»

Выросла Лаура и расцвела во всей своей красе. Высокая, стройная, глаза серые с зелеными искрами, точно жарким пламенем подсвечены.

Понравился Лауре юноша, простой крестьянин — тфокотл, по имени Каймет. И она полюбилась Каймету. Когда собирались молодые адыги на джегу — игрища и танцы, они только смотрели друг на друга и никого вокруг не видели.

Но не один счастливый Каймет любовался русской девушкой; на нее засматривались и другие молодые тфокотлы, и сыновья узденей, и даже сам старый князь. В жизни повидал он многих женщин и девушек, но такой красавицы еще не встречал.

Однажды позвал князь к себе Лауру, раскинул перед ней атлас, шелка и парчу. А потом сказал:

— Нравится? Это все тебе.

Она молча улыбнулась и покачала головой. Раскрыл тогда князь тяжелый, окованный железом сундук, достал из него платье и бросил к ногам красавицы. Точно морская волна подступила к сафьяновым сапожкам Лауры. Но она и бровью не повела, гордо вскинула голову, на князя и не посмотрела. Расстелил он перед ней покрывало с золотым шитьем по краям.

— Все будет твое! — воскликнул князь. — Только стань моей женой.

Но Лаура лишь усмехнулась. Князь почернел от злости.

— Рано или поздно, все равно ты будешь моей. Зачем же напрасно упрямисься, меня мучаешь? — сердито сказал князь.

— У меня есть Каймет, — ответила ему девушка. — Никому другому я принадлежать не буду.

Сказала и ушла с высоко поднятой головой.

Очнулся старый князь и воскликнул:

— Каймет?! Да сгинет этот ничтожный пес!

И в ту же ночь не стало Каймета. Слух прошел, будто уорки из дружины князя схватили его, увезли в горы и бросили на съедение шакалам.

Но нашелся человек, который знал правду. Он шепнул Лауре, что не дался Каймет уоркам, вскочил на резвого коня и умчался в горы к абрекам. Ей же велел передать, что не забудет ее, не отдаст в когти старого коршуна, скоро вернется и увезет с собой.

Лаура ждала возлюбленного, жила надеждами и избегала встреч с князем. И он до поры до времени ей не докучал. Он-то точно знал, что Каймет убежал к абрекам, поклявшись бросить голову князя к ногам девушки. Но и князь не терял времени. Заслал к абрекам своего человека, чтобы тот убил Каймета. А сам решил силой захватить девушку.

В ту ночь не спалось Лауре, тревожно было у нее на душе. На зорьке нагрянул к ней в дом князь со своими слугами. Только не застал он ее врасплох. Забросала она им глаза молотым перцем, смешанным с песком, выскочила в окно и побежала к водопаду. Встала на камень, простилась с зелеными горами, с голубым небом, с ясным солнышком, со своим Кайметом. И когда погнавшиеся за ней слуги князя приблизились, кинулась в белопенную пучину, что бурлила у подножия скалы.

Горы содрогнулись, леса застонали. Услышал это Каймет и ночью примчался в аул. Не застал он в живых возлюбленной, зато поквитался с князем по обычаю абреков. А потом поехал к водопаду, где погибла его суженая, и увидел чудо: гора над водопадом лила слезы...

Говорят старики, будто в тот последний миг явилась Лауре ее покойная мать. Видела она, как бросилась дочка в пену водопада, и горько заплакала. И по сей день ее слезы льются с горы...

* * *

Легенда записана со слов старожиллов.

Было время, когда люди не умели считать. Не зная счета, они не знали и смерти. И вот как-то девятисотлетний молодой человек из Мур-Абаа, где на краю обрыва стоит крепость, решил жениться на одной шестисотлетней девушке. Отец, который достиг уже довольно

зрелого возраста — четырех тысяч восьмисот лет, отправил юношу в сопровождении друга свататься. Они пришли в дом невесты, и друг обратился к ее отцу.

— Этот юноша, — сказал он, — хочет жениться на твоей дочери.

Тут вмешалась мать девушки.

— Слушай, — сказала она, — дочь моя еще молода, она не сможет вести твое хозяйство.

Жених улыбнулся в ответ и промолчал. Отец же девушки оказался стоворчивей и согласился отдать дочь. Вернувшись домой, юноша рассказал отцу во всех подробностях, как прошло сватовство, не забыв при этом упомянуть, что он улыбнулся, услышав о молодости невесты.

— Что же тут смешного? — с удивлением спросил отец. — Ведь она и в самом деле совсем еще девочка.

Сын ответил:

— Я не могу тебе сказать, почему улыбнулся.

— Как, ты мне не доверяешь? Стоит ли мне после этого жить, — печально сказал оскорбленный отец.

— Не настаивай, отец, — упрашивал сын, — тебе будет очень горько услышать правду.

Но отец уже схватил кинжал, приставив его к своей груди.

— Ну что ж, — со вздохом сказал сын. — Если так, то слушай: когда мать сказала, что такая молодая девушка не сможет вести хозяйство, я подумал — а сколько же ей лет? И решил — не менее шестисот. И тут я начал считать: если сейчас мы смотрим на шестисотлетних как на молодых, то ведь может наступить время, когда хорошим сроком жизни будет сто лет, а в Абхазию придет смерть, и первой ее жертвой станешь ты.

Так оно и случилось. Потому что едва он стал считать, пришел и неизбежный результат всякой меры — конец, то есть смерть.

Когда одного из старожиллов села Поквеш, на территории которого находится крепость Мур-Абаа, Джат Начкебия, прожившего около 130 лет, односельчане спрашивали о его возрасте, то он шутя отвечал: «Я ровесник крепости бессмертия Мур-Абаа». По данным известного абхазского ученого С. П. Басария, автора статьи «Редкие случаи долголетия в Абхазии», мать этого поквешского Мафусаила побила рекорд долголетия среди женщин Абхазии, прожив около 200 лет. Про нее говорили в Абжуйской Абхазии (нынешний Очамчирский район): «Мать старца Джата Начкебия не умирает потому, что она раз увидела открытые врата неба».

Абхазия славится долголетием своих жителей. В крае с населением немногим более 500 тысяч человек около трех тысяч долгожителей.

По наблюдениям физиологов и геронтологов, старики Абхазии чувствуют себя хорошо, бодро. Многие из них сохранили способность к физической и умственной деятельности. У большинства хорошее зрение. Так, Осман Джения из села Лыхны, умерший в 1960 г. в возрасте 126 лет, до последних дней работал в колхозе. Вторая рекордсменка среди женщин-долгожителей — 138-летняя Хфаф Ласуриа из села Кутол даже в последние годы своей жизни не только собирала чай, но и была активной участницей всемирно известного ансамбля долгожителей «Нартаа».

Легенда записана в 1969 г. со слов сказителя Чики Пачулиа.

КИСЕЛЕВА СКАЛА

Давно это было. Тогда адыгская земля еще не стонала под турецким игом и люди вольно селились на побережье и в родных горах.

В те далекие времена на том месте, где стоит теперь Кадош, был аул. Жил в нем богатый род Акуача. Много золота и драгоценностей прятал он в горах, но самое большое сокровище старейшина рода хранил у себя в доме. И не было

в округе, да и далеко за ее пределами никого красивее его дочери — юной Гуаш.

Лелеял дочь свою старый Акуача, берег от дурного глаза, сдувал с нее пылинки. Но сам не уберегся от судьбы. Пришло время, и он умер. Осталась Гуаш одна.

Избалованной и капризной была красавица. Многие женихи добивались ее руки, но она отказывала всем, считала, что нет ей достойного.

И еще одно сомнение закрадывалось в ее гордое, холодное сердце: может быть, не она, а ее богатства привлекают толпы женихов? И велела она двум рабам своим зарыть золото в потайном месте. А когда те исполнили ее волю, приказала убить их, чтобы никто не проник в эту тайну. Жестокосердной была красавица!

Но всему есть предел, все на свете меняется. Испытала это и Гуаш. Оттаяло ее гордое сердце, полюбила она храброго и смелого джигита. Из аула, что стоял над Джубгой, был родом Дышеек — первый в забавах, первый в бою. Все самое лучшее было у него: лучший конь, лучшая собака, лучшее ружье. И чему тут удивляться, что первая красавица полюбила первого удальца? Лишь один раз на празднике встретились Гуаш и Дышеек, лишь один раз взглянули друг другу в глаза — и в сердцах их вспыхнуло пламя.

Долго тайно вздыхала Гуаш, задумчивым стал Дышеек. Но гордость мешала им соединиться.

И все же первой не выдержала Гуаш. Послала красавица верного человека к любимому и велела сказать: «Согласна я, чтоб похитил меня Дышеек. Пусть поднимется на скалу, что стоит одиноко над морем, и высматривает огонек светильника. Где увидит огонек, там буду и я».

Радостно стало на душе Дышеека, когда получил он весточку от любимой. Но не знал храбрец, какое испытание готовила ему коварная Гуаш. Не ведая беды, ехал он на своем коне темной, беззвездной ночью. Вот уже сады Акуача, вот и скала. Поднялся на нее джигит, осмотрелся вокруг — и не увидел нигде огня.

Неужели обманула, посмеялась над ним красавица? Кровь закипела в груди джигита, схватился он за кинжал — никогда и никому еще не прощал он насмешки! Вдруг он заметил огонек в море. Он плясал на волнах, то скрываясь, то вновь появляясь, манил к себе.

Понял Дышеек, что захотела красавица проверить

его храбрость, и без колебания бросился в море вместе с конем.

Увидела это стоявшая поодаль Гуаш, и сердце забилося радостно: не ошиблась она в своем избраннике. Поднялась она на скалу и стала смотреть на море. Она думала, что плот со светильником не уплывет далеко, забыв, что море так же коварно, как и женщины.

Долго боролся храбрец с бушующими волнами. Уже и коня потерял, сам выбился из сил, но все не хотел вернуться. Хоть и дорога была ему жизнь, хоть и любил он коварную Гуаш, но честь джигита всего дороже — так уж исстари заведено. Последние силы собрал храбрый Дышеек, доплыл до плота, схватил светильник и вместе с ним исчез в пучине.

Увидела красавица Гуаш, что погас огонек, и торопливо стала расчесывать свои длинные волосы, готовясь к встрече с любимым. Но сколько ни вглядывалась она в темноту, не видела Дышеека, сколько ни вслушивалась, не слышала его шагов.

До рассвета простояла красавица на высоком утесе. А когда взошло солнце и озарило пустынное море, все поняла Гуаш и заплакала горькими слезами.

Так и осталась Гуаш одинокой на всю жизнь. Часто поднималась она на скалу и, глядя вдаль, песни печальные пела и слезы лила.

До сих пор иногда вечерами на Киселевой скале возникает призрак женщины с распущенными волосами: стоит она над бездной и протягивает к морю руки. А когда разбушует буря, можно увидеть и джигита. Он выходит из волн на своем коне, со светильником в руках и мчится к скале. Но, едва завидев Гуаш, вздрагивает всадник, спотыкается его конь, и оба исчезают. Никогда никто еще не видел, чтобы эти две тени соединились...

* * *

Среди природных достопримечательностей окрестностей Туапсе следует в первую очередь назвать Киселевскую (Кадошскую) скалу. Эта скала, похожая на наполненный ветром древний адыго-абхазский парус, фигурирует в одной из легенд как невольничий корабль местных работорговцев, проклятый матерями украденных детей и окаменевший. Небезынтересно отметить, что еще лет сто назад женщины побережья, когда им случалось проходить мимо Кадошской скалы, плевали в

ее сторону. Вплоть до середины XIX в. местность эта была гнездилищем пиратов и работорговцев и наводила ужас на жителей побережья Западного Кавказа.

Разумеется, как и все скалы, Киселевская (Кадошская) имеет чисто геологическое происхождение. Она представляет собой небольшой участок древней морской террасы, образовавшейся около миллиона лет назад — в начале четвертичного периода¹³. Эта скала, служившая естественным ориентиром для моряков и пиратов, называлась у местных жителей Кадошской — по аналогии с мысом Кадош, где она находится. Киселевской же она стала зваться сравнительно недавно — уже в начале нашего века — по имени известного русского художника-передвижника Александра Александровича Киселева (1838—1911).

Киселеву понравились эти красивые места, и он приобрел здесь небольшой участок земли, где построил дачу. Здесь он ежегодно проводил с семьей лето. Туапсинские пейзажи Киселева, особенно картина «Кадошские скалы», сделали Туапсе и его окрестности популярными среди многочисленных поклонников его таланта.

В наше время Киселевская скала — одно из любимых мест туристов и отдыхающих туапсинской курортно-туристической зоны.

* * *

Записана от краеведа Ф. И. Шилова со слов старика-адыга (шапсуга) Сапшаха Нагучева. Она была опубликована в книге «Туапсе и Туапсинский район».

ПОЧЕМУ АБХАЗЫ ОСТАВЛЯЛИ ПУЧОК ВОЛОС НА ГОЛОВЕ

Глядишь на старинные изображения абхазских и адыгских воинов и видишь: головы у них бритые, и только на макушке торчит пучок волос. К чему бы это?

Рассказывают старики, будто давным-давно жил да был среди абхазов один гордый воин. И задумчиво сказал он однажды, собираясь на битву:

¹³ Л. М. Ступоченко. Туапсе и Туапсинский район. Краснодар, 1967, с. 122.

— Не знаю, что суждено мне — победа или смерть. Если смерть — отрубят мне голову острой шашкой. Но не хочу я, чтобы рука врага осквернила воина. Пусть враг схватит мою мертвую голову вот за этот пучок!

Так с тех пор и повелось. Все абхазские воины стали оставлять на макушке пучок волос, чтобы не оскверняли их руки врага. Долго еще носили они чубы на бритых головах, да только забыли, откуда пошел такой обычай, а ведь он — из Абхазии.

* * *

Возможно, обычай оставлять пучок волос на голове у абхазов пришел с Востока, в частности из Китая, поскольку древний шелковый путь проходил через Диоскурию, огибая древнюю Транскавказскую дорогу (ныне Военно-Сухумская).

Легенду поведал автору его дед — Иосиф Пачулиа.

КАК УНИЧТОЖИЛИ ОРЕХОВУЮ РОЩУ БАБЫША

Давно это было. Тогда еще Большой Кодор нес свои могучие воды в море по нынешнему руслу Малого Кодора, а в низине, там, где теперь расположено село Бабушера, росла огромная ореховая роща. Принадлежала она местному князю Бабышу. Князь был человеком алчным и жестоко эксплуатировал своих подданных. Обычно весь богатый урожай высушенного грецкого ореха Бабыш приказывал сыпать в *ашхвы*¹⁴ и часто из жадности не оставлял положенной доли Агныху (абхазскому богу моря), а переправлял по морю на полуостров¹⁵ и там сбывал товар. Жена Бабыша умерла, оставив ему красавицу-дочь. Когда девочка выросла, к ней стали свататься женихи. Они съезжались сюда из разных уголков абхазской земли.

Не желая тратить деньги на свадьбу дочери, на приданое, Бабыш отказывал женихам, мотивируя тем, что дочь слишком молода. Тем временем все свои деньги он тратил на красивую гречанку, которая жила на полуост-

¹⁴ А ш х в а — абхазская лодка.

¹⁵ Видимо, здесь имеется в виду Крымский полуостров.

рове. Однажды к Бабышу пришел красивый, но бедно одетый молодой человек и заявил, что хочет жениться на его дочери. Разгневанный дерзостью юноши, Бабыш прогнал его из дома и натравил на него собак. Отбиваясь от огромных собак палкой, юноша бросился к морю, туда, откуда пришел.

Вскоре вспомнил Бабыш о своей любовнице. Он нагрузил на ашхвы орехи и отправился к гречанке, вновь не оставив положенной доли Агныху. В гневе Агных наслал невиданное доселе наводнение. Большой Кодор вышел из берегов. С корнем были вырваны *акаканы* (ореховые деревья). Вода поднялась так высоко, что грозила вот-вот затопить княжеский дворец. В страхе дочь Бабыша бросилась бежать прочь, моля бога о спасении. Любимая собака девушки потащила ее за подол на возвышенность, туда, куда не достигали воды разбушевавшейся стихии. Вода была сплошь покрыта орехами. Тогда девушка поняла, что отец ее погиб. В это время на море появилась радуга, вода стала постепенно спадать и девушка увидела, что навстречу ей по образовавшейся суше идет красивый юноша. Он подошел к красавице, взял ее за руки и сказал:

— Теперь ничто не может разлучить нас. Твой жадный отец погиб в морской пучине и попал в ад. Будешь моей женой и владычицей моря.

Так дочь Бабыша вышла замуж за бога моря Агныха.

* * *

В этом, одном из немногих абхазских мифов, дошедших до нашего времени, можно уловить отголоски какого-то реального события, происшедшего в той местности. В далекие времена абхазские моряки, отправляясь в плавание вдоль Черноморского побережья Кавказа, поклонялись храму Ага-Ныха, который был воздвигнут на месте языческого капища, посвященного Ага-Ныху — абхазскому божеству, покровителю моряков. В наши дни можно увидеть развалины этого храма в селе Адзюбжа. Его называют здесь Мармал-Абаа. Согласно некоторым источникам, в средние века в устье реки Кодор находился большой порт. В него заходили корабли из многих заморских стран. Временами в дельте Кодора бросали якоря торговые суда с Крымского полуострова. Они завозили необходимые для населения Абха-

зии товары и обменивали их на мед, воск, ценную древесину и грецкие орехи, которыми в то время изобиловала абхазская земля.

Специалисты утверждают, что Кодор на протяжении многих тысячелетий в период весенних половодий много раз менял русло. Тем самым наносился большой ущерб жителям этой местности. В этой легенде нашло отражение одно из таких стихийных бедствий.

Данная легенда записана со слов Матры (Макрыни) Дарсална, уроженки села Адзюбжы, более семидесяти лет проживавшей в селе Варча, на родине основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа.

КАК ОДИН МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, ПОНАДЕЯВШИСЬ НА АБЖАКВОВЦЕВ, СБРИЛ УСЫ

Абжаквовцы в мирное время отличались исключительным гостеприимством. Как правило, гостю на десерт они подавали в большой самшитовой кружке *ачаква* (мациони) из козьего молока. Зная это, один молодой человек, собиравшийся познакомиться с красивой абхазской девушкой из села Абжаквы, сбрил заранее усы, так как опасался, что кислое молоко потечет по ним.

Абжаквовцы приняли его радушно, долго и обильно его кормили. Но во время свидания девушка упрекнула его:

— Что это за жених безусый какой-то. Вот подрастут твои усы, тогда и поговорим.

Так и вернулся домой юноша ни с чем. После этого в народе пошла поговорка: «Понадеявшись на абжаквовцев, сбрил усы».

* * *

Абжаква в переводе с абхазского означает «пол-Аквы» или «середина Аквы» (Сухуми — по-абхазски «Ак-ва»). В настоящее время село находится в пригороде

Сухуми, в долине и ущелье реки Беслетки. Издавна эти места были густо населены абхазами, которые отличались воинственностью и патриархальным укладом жизни.

Легенда записана со слов писателя М. Л. Хашбы.

ОБ АПОСТОЛЕ СИМОНЕ КАНОНИТЕ И АНДРЕЕ ПЕРВОЗВАННОМ

В пору царствования Адерки пришли в Абхазию и Эгриси Андрей и Симон Канонит — двое из двенадцати святых апостолов... Великий Андрей совместно с Симонотом отправились в земли Овсетские, достигли города, который называется Фостафор, где содеяли множество чудес, обратили и просветили множество народа; оттуда ушли в земли Абхазские и добрались до города Севаста, ныне именуемого Цхуми.

И оставил там Андрей Симона Канонита с учениками, а сам ушел в страну джиков. Джики — люди земли этой — были жестокосердны и весьма злы делами своими, неверующи и беспастырны. Они не только не вняли проповеди апостола, но тщились умертвить его. Однако божья благодать защитила Андрея. Увидя непреклонность их и суть животную, он оставил джиков и удалился. Потому-то по сию пору пребывают они в неверии. Могила же Симона Канонита находится в городе Никопсии, между Абхазией и Джикетией, ибо там и преставился апостол Симон.

А святой Андрей затем утвердил в вере мегрелов и абхазов и удалился в Скифию...

* * *

Легенда из книги грузинского историка XI в. Леонти Мровели «Жизнь картлийских царей» дается здесь в переводе с древнегрузинского Г. В. Цулая¹⁶.

¹⁶ М р о в е л и Л е о н т и. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. М., 1979, с. 33.

Приведенный выше эпизод, разумеется, носит полупо- легендарный характер, но распространение христианст- ва на Черноморском побережье Кавказа, в исторической Колхиде, действительно началось еще с первых веков нашего летосчисления.

Одним из главных пунктов христианизации на Кав- казском Причерноморье была Пицунда. Еще в 325 г. в христианских источниках упоминается питиунтский епископ Стратофил, участник первого Вселенского Ни- кейского церковного собора. В 541 г. в Пицунде была учреждена архиепископская кафедра. 527 год считается официальной датой принятия христианства в Абхазии. А в 551 г. на месте старого храма в Пицунде был пост- роен новый, еще более величественный.

Существует предание, будто византийский импера- тор Юстиниан, после того как в 537 г. торжественно ос- вятил константинопольский храм св. Софии, приказал по одному из неосуществленных проектов этого собора, выполненному знаменитыми архитекторами Анфимием из Тралл и Исидором из Милета, построить в уменьшен- ном виде храм в Абхазии (предположительно в Пи- цунде) ¹⁷.

По мере распространения христианства некоторые культовые сооружения на Черноморском побережье Кавказа стали связывать с именем апостола Симона Ка- нонита. Так, построенный на территории города- крепо- сти Анакопии (нынешний Новый Афон) храм IX—X вв. стал именоваться храмом Симона Канонита. Впослед- ствии под именем Цхумский (Сухумский) он становит- ся епископской кафедрой, занимавшей видное место в списке 40 епископатов Грузии.

Храм служил также местом погребения духовных особ Цхумской епархии. С Анакопией христианские хроникеры связывали также пещеру Симона Канонита, где он якобы жил последние годы жизни и принял му- ченическую смерть.

¹⁷ В. П. П а ч у л п а, Абхазия. Историко-культурный очерк, Сухуми, 1976, с. 101.

Было время, когда убыхи не занимались сельским хозяйством, особенно садоводством. Они считали, что земледелие — это труд невольников-пленников да и садоводство никак не дело убыха-воина. И без того волею бога убыхская земля изобиловала яблоками, грушами, орехами, алычой и другими съедобными плодами.

Как-то раз один убых погиб в неравном бою с врагом. Но душу его, несмотря на воинские заслуги, бог отправил в ад, где и пришлось ему голодать, хотя из-за огромной плетеной ограды он видел, как люди в раю разводили сады и вдоволь вкушали румяных плодов. А он и подобные ему грешники смотрели на этих тружеников и завидовали. Прошло время. Убых страшно изголодался и похудел. Плоды, которые удавалось собирать в густых чащобах и на горных склонах, были горькими.

И поклялся тогда убых всеми святыми, что если ему соизволит бог даровать жизнь, то он призовет свой народ к труду и занятию садоводством. Услышал бог его стенания и вернул на землю. Ожившего убыха народ причислил к лику святых, и все стали беспрекословно выполнять его указания.

Прежде всего убых объявил садоводство священным делом, сказав, что каждый мужчина должен за свою жизнь посадить пятьдесят деревьев. Только тогда он может попасть в рай. Женщины же должны были заниматься огородничеством.

* * *

Действительно, уже несколько веков у убыхов было развито садоводство. «Абрикосовые, персиковые, грушевые и яблоневые сады покрывали большие пространства их земель. Занимались убыхи также скотоводством, охотой и пчеловодством», — писал русский журнал «Сияние» за 1872 г.¹⁸

У убыхов, как и у многих других народов Кавказа, некоторые деревья (дуб, граб, самшит) считались свя-

¹⁸ См.: В. П. Пачулиа. Из Сочи в Сухуми. М., 1965, с. 9.

щенными. Ведь убыхи, как и их соседи абхазы, были сначала язычниками и лишь позднее стали христианами, а уже потом мусульманами. «Этот факт,— по словам В. Швецовой, одной из первых исследовательниц кавказских горских племен,— не подлежит сомнению, потому что на прежних местах их жительства, около берегов Черного моря и в горах, уцелели еще следы „священных лесов“, где на вековых деревьях находятся и ныне остатки изображений вырезанных змей, птиц и жертвенников».

ЗМЕЯ-БЛАГОДЕТЕЛЬНИЦА

Ехал как-то один абхаз лесом. И тут заметил горящий кустарник. Оттуда раздавалось шипение змей. Всадник подъехал поближе и ударил кнутом по кусту; змея схватилась за конец кнута и выползла из огня.

— Чего ты хочешь в награду? — спросила она.

— Богатства, счастливой жизни, — ответил всадник.

— Проси больше, — сказала змея.

— А я не знаю, чего просить.

Тогда змея сказала:

— У нашей сестры есть волшебное кольцо. Если будешь обладать им, займешь все, чего пожелаешь. Но чтобы ты смог добыть кольцо, я должна подуть на тебя три раза. Если я при этом не удержусь и влезу в тебя, достань скорее кусок свинины, поешь, и я тут же вылезу.

Подула змея раз, два, а на третий влезла в человека.

Всадник опрометью помчался к ближайшему селению. Вошел в дом, нашел свинину и съел. Тут змея и выползла из его глотки. Хозяева дома, увидев змею, решили убить ее, но всадник не позволил:

— Это мой гость, моя благодетельница.

* * *

В старину абхазы считали, что заползшая в дом змея приносит счастье и богатство. Поэтому хозяева ни-

когда не убивали змею, а осторожно удаляли ее из дома. Но стоило абхазу увидеть змею на дороге, он непременно старался ее убить.

Легенда записана со слов сказителя П. Гегенава в селе Лыхны профессором Г. Ф. Чурсиным¹⁹.

¹⁹ Г. Ф. Ч у р с и н. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 146.

ИСТОРИЧЕСКИЕ
И ПРИРОДНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ПИЦУНДСКИЙ ХРАМ

Мы расскажем здесь о старом споре. Но прежде спросим: бывали ли вы когда-нибудь на мысе Пицунда? Там стоит древний храм, окруженный прочной каменной оградой. Прекрасен и величествен этот храм. И если бывали вы в храме, то вам непременно должны были рассказать эту легенду и показать небольшое углубление в куполе. Ведь легенда связана именно с этой отметиной, которой уже не менее тысячи лет.

Зодчий и мастер, строивший водопровод на мысе, поспорили, кто скорее выполнит свою работу. Проигравший должен был лишиться себя жизни — сброситься с крыши храма.

Поднимался все выше и выше Пицундский храм. И водопровод прокладывался быстро. Однажды встретился зодчий с соперником. Тот повел его на свои работы и показал водопровод, который уже был закончен.

Делать нечего, поднялся зодчий на недостроенный купол храма, бросился вниз на камни и разбился насмерть. А на куполе осталась отметина — след его ног, углубление в растворе, которым скрепляли камень.

Достроил Пицундский храм молодой его преемник. И если вы внимательно взгляните, то заметите, где кончил строить старый зодчий и где продолжил молодой. Но красоты не убавилось. Храм по сию пору стоит на мысе Пицунда. Жаль лишь, что погиб зодчий понапрасну и не возвел более на родной земле храма, подобного Пицундскому.

* * *

Пицундский трехнефный одноабсидный храм — один из лучших памятников средневекового зодчества — был построен в конце X — начале XI в. на развалинах древнего города Питиуса. Основание храма сложено из массивных плит серого песчаника, чередующихся с кир-

пичными рядами. Купол храма также сооружен из кирпича. Стены внутри храма были раскрашены в XVI в. Купол, как и весь свод, в свое время покрывался медными листами, которые позже были сорваны.

Пицундский храм вплоть до XVII в., когда Абхазия была полностью захвачена турецкими завоевателями, являлся резиденцией пицундского абхазского католикаса, власть которого распространялась по всей Западной Грузии. Один из первых пицундских епископов был участником первого Вселенского Никейского церковного собора вблизи Константинополя (современный Стамбул). В 325 г. он вел службу в храме, выстроенном в IV в. Замечательный мозаичный пол этого храма обнаружен на территории Пицундского античного городища. На развалинах этого храма в VI в. византийский император Юстиниан I (527—565) построил новый великолепный храм, посвященный св. Софии. Отсюда византийские миссионеры распространяли христианство по всей Абхазии.

Многие посетители приходили в восхищение при виде Пицундского храма. Известный французский путешественник Ф. Дюбуа де Монперэ, посетивший Пицунду в 1834 г., восторженно писал:

«Вот я перед лицом одной из самых грандиозных, самых живописных руин, какие я когда-либо знал. Мне говорили об этом здании с восхищением, но впечатление, которое оно произвело, превзошло мои ожидания — этот стиль, благородный и смелый, изумляет среди дикой природы Абхазии»²⁰.

Вблизи Пицундского храма стоял в старину священный дуб. Вожди родов давали в его тени торжественную клятву во взаимной верности перед началом каждого военного похода, а по возвращении в случае удачи жертвовали на алтарь Пицундского храма оружие и другие ценности.

Храм неоднократно ремонтировался и частично реставрировался.

Кроме приведенной выше существуют и другие варианты легенды о Пицундском храме. Один из них записан мной со слов краеведа Н. Д. Гочуа в 1968 г.²¹.

²⁰ Ф. Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. Т. I. Сухуми, 1937, с. 102.

²¹ Н. Д. Гочуа услышал эту легенду от своего отца Дмитрия Гочуа, жившего постоянно в селе Лдзаа и умершего в 1932 г.

В этой легенде говорится, что в Лдзаа (абхазское название Пицунды) два молодых мастера влюбились в одну девушку. Молодые люди были похожи друг на друга настолько, что девушка порой их не различала. Один был зодчим — строителем храма, другой — строителем водопровода. Они договорились, что тот, кто первым закончит свою работу, станет ее мужем. Победителем оказался строитель водопровода, доставивший в центр Лдзаа ключевую воду. А зодчий с горя бросился вниз с недостроенного купола храма.

Похожа на этот рассказ и легенда, записанная краеведом Абхазии А. Н. Введенским в 80-х годах XIX в., которую приводит А. Н. Дьячков-Тарасов²². Публикуемый вариант легенды записан в 1960 г. со слов старожилы села Лдзаа Гагрского района.

О ПИЦУНДСКОЙ СТЕНЕ

Посмотрите на ограду Пицундского храма. Она сложена будто второпях, словно ее строителям отпущено было времени в обрез и возвели они стену в считанные дни.

Так и было. Нахлынули тогда на землю нашу завоеватели-иноверцы, все круша на своем пути. Как полчища саранчи оставляют за собой только тлен и пустошь, так и пришельцы расправлялись со священной землей Апсны. Стоял стон великий на земле, и герои падали, пораженные насмерть тучей неприятельских стрел. Что могли они сделать против великого множества захватчиков!

Храму на Пицунде грозило разорение, ибо не был защищен храм ничем, кроме патриаршего благословения. Тогда обратился патриарх ко всему народу, призвал спасти великую святыню на Пицунде. И прислушался народ к его голосу. Тысячи и тысячи людей собрались тогда возле храма. Только стена высотой в пятьдесят локтей могла спасти его. Но неприятель подошел уже близко.

²² А. Н. Дьячков-Тарасов. Гагры и их окрестности. — «Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества», Т. XXIV. Вып. I. Тифлис, 1904, с. 58.

— Торопитесь. Пусть каждый положит вокруг храма по камню — и будет в стене десять тысяч камней. Пусть каждый положит по пять камней — и не взять врагу святыни!.. — провозгласил патриарх.

И работа закипела. С гор понесли люди к храму громадные валуны, издалека из разрушенных городов везли на повозках и несли на руках камни. Когда народ принялся возводить стену, солнце едва вставало. А в лучах заходящего солнца все увидели стену, воздвигнутую собственными руками. Люди сами не верили сотворенному чуду, думали, что само провидение помогло им. Подошел враг к Пицунде, и он был страшно изумлен, ведь еще утром лазутчики доносили, что храм беззащитен. А сейчас громадная стена окружала святыню, и была она неприступна.

* * *

Пицундский храм обнесен мощной крепостной стеной, построенной позже, чем храм, очевидно в позднее средневековье. Камни для сооружения крепостной стены в основном брали из развалин древнего города, расположенного вблизи.

Это доказывает археолог П. С. Уварова, впервые упоминающая легенду о пицундской стене. Вот что она пишет: «В ограде вы найдете булыжники и глыбы тесаного конгломерата, и греческую черепицу, и кирпич, и обломки мрамора. Может быть, из тех же развалин происходят три мраморные зеленоватые колонны, приделанные к звоннице, две пестрые, более драгоценные мраморные колонны, которые находим в дверях водопроводной часовенки, и та ионическая капитель из белого мрамора, которую нам удалось разыскать в куче обломков, лежащих на дворе»²³.

В 1830 г. русский военный гарнизон, обосновавшийся в Пицунде, укрепил крепостные стены, пристроив к ним в северо-восточной и юго-западной частях обширные бастионы.

Легенда записана в 1958 г. в селе Лдзаа со слов старожилов.

²³ П. С. Уварова. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия. Ч. II. М., 1891, с. 124.

Легенда гласит, что на месте знаменитого Бедийского храма во времена Абхазского царства находился летний царский дворец. В этом дворце родилась у царя дочь. Но была она очень слаба. Однако целебный воздух Абхазии восстановил силы хрупкого ребенка. И то-

гда родители заказали самым лучшим мастерам золотую люльку, торжественно положили в нее девочку и на царской золотой колеснице в сопровождении огромной процессии медленно направились в главную резиденцию царства.

Прошло много лет, царская дочь выросла красавицей и вышла замуж за сына царя из соседней дружественной страны. Когда царевна должна была родить первенца, ее отправили в летнюю резиденцию отца, где она раньше срока родила сына. Царевна дала обет, что если сын выживет, то она попросит его построить здесь невиданный по красоте храм. Так и случилось. Новый царь — властелин Кавказа — на месте дворца воздвиг храм.

* * *

В конце X в. Бедиа становится одним из важнейших административных и религиозных центров Абхазии. Бедийское плато застраивается культовыми и светскими сооружениями. Здесь была резиденция царей, находилась кафедра епископа, церковная власть которого распространялась на земли, расположенные между реками Ингури и Аалдза (Галидзга). На церемонии коронации бедийский епископ стоял за сухумским.

Как и говорилось в легенде, на плато воздвигнут храм. Время постройки этого ценнейшего памятника средневековой архитектуры установлено довольно точно. В Музее искусств Грузии (Тбилиси) хранится престольная золотая чаша из этого храма с изображением богоматери с младенцем, сидящей на троне среди апостолов. Здесь же изображен Христос на троне среди апостолов. На этой чаше, весом около килограмма, выгравирована надпись, свидетельствующая о том, что Бедийский храм построен в конце X — начале XI в. первым царем объединенной Грузии Багратором III и его

матерью Гурандухт, сестрой последнего абхазского царя Феодосия.

Согласно народному преданию, Баграт III по завещанию был погребен в храме, рядом с его любимой матерью Гурандухт.

Стены Бедийского храма сложены из тесаного камня, наружная поверхность украшена орнаментом — стилизованными листьями с искусно вмонтированными в них крестами. В архитектурном отношении храм, по определению выдающегося грузинского искусствоведа Ш. В. Амиранашвили, напоминает так называемые купольные здания. «Купол занимает центральное место в здании, опирается на два отдельно стоящих столба и на два выступа стен алтарной абсиды. Восточный фасад украшен двумя нишами, отделяющими алтарную абсиду от боковых помещений...»²⁴. Ш. В. Амиранашвили датирует постройку Бедийского храма концом X или самым началом XI в. Внутри храм был украшен разновременной стенописью с ктиторскими портретами. В частности, здесь находится портрет царя Баграта III, держащего модель храма.

По мнению доктора искусствоведения Л. А. Шервашидзе, этим обстоятельством подчеркивается роль царя «как строителя этого храма», что «позволяет сделать предположение, что портрет был исполнен еще при жизни царя. Это подтверждается и тем, что роспись интерьера храма предусматривалась уже при его строительстве и должна была начаться вслед за окончанием строительства...»²⁵. К сожалению, изображение царя-строителя Баграта III, как и другие в храме, дошло до наших дней значительно поврежденным.

В XIII в. Бедийский храм реставрировали, заново были сооружены фасад и купол. Через сто лет на Бедийском плато, к западу от храма, построили большой каменный дворец с трапезной и залом для собраний. На втором этаже находились жилые помещения бедийских епископов, а возможно, царя или владельца.

В средние века строительство осуществлялось не только в центральной части села, но и в его окрестно-

²⁴ Ш. В. Амиранашвили. История грузинского искусства. М., 1963, с. 203.

²⁵ Л. А. Шервашидзе. Некоторые средневековые степные росписи на территории Абхазии. Тб., 1971, с. 18.

стях. Об этом свидетельствует обнаруженный в 1959 г. в местечке Пшаури комплекс архитектурных сооружений, состоящий из полуразрушенного храма, облицованного тесаными камнями, с остатками стенной росписи и почти несохранившегося двухэтажного дворцового сооружения²⁶.

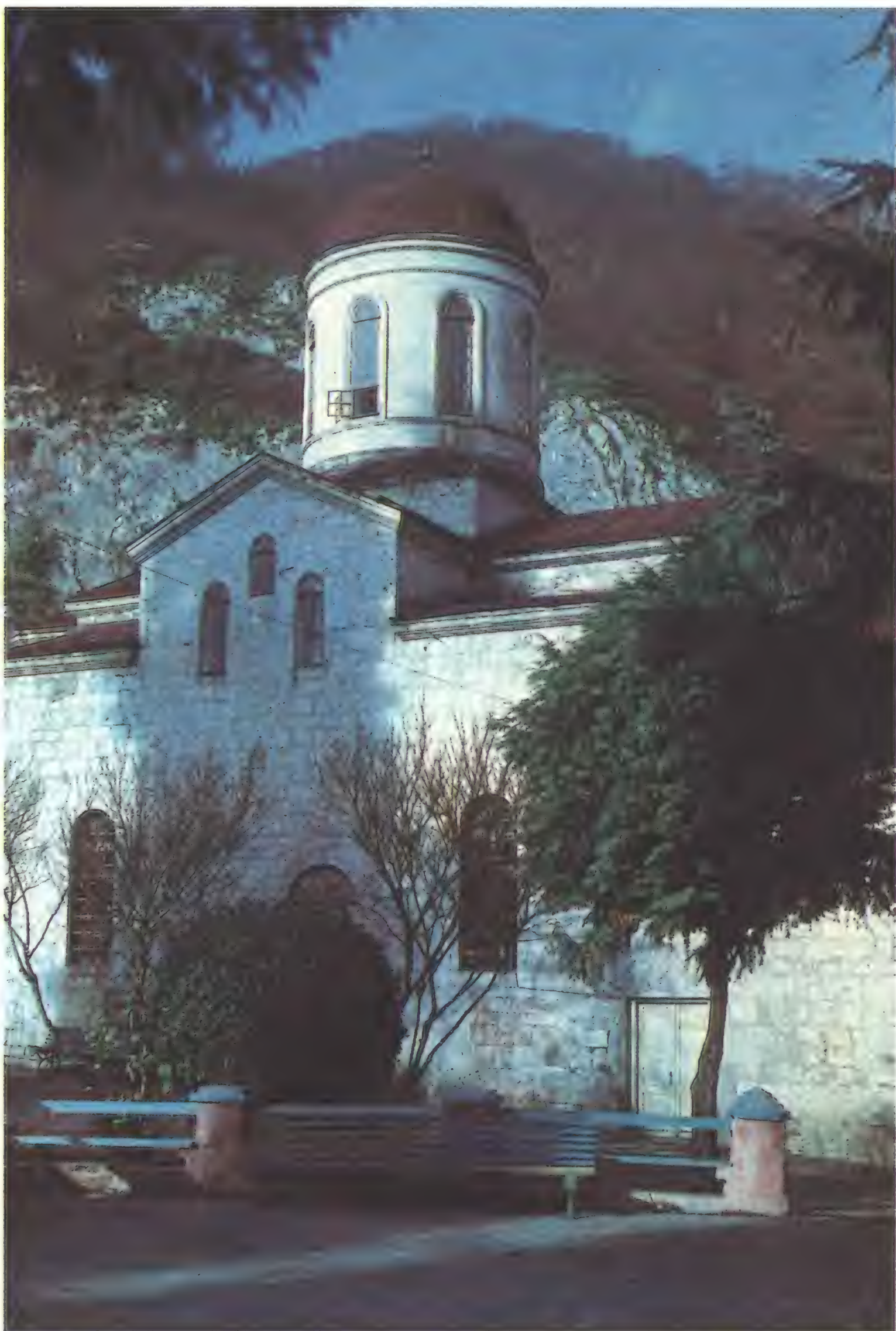
Этот комплекс, датируемый XVI в., местное население приписывает средневековому зодчему по имени Пшаури, который приехал сюда по приглашению абхазского владельца из горной зоны Восточной Грузии для постройки дворца и храма. В связи с тем что пшаурская (бедийская) группа памятников находится всего в нескольких километрах от основного архитектурного комплекса Агу-Бедиа, можно предположить, что некогда они составляли единый городской комплекс зданий Сабедианского княжества (еще с конца XIII в. Бедиа стала его столицей).

В эпоху господства султанской Турции в Абхазии церковная служба в Бедийском храме прекратилась, и лишь в XIX в. Агу-Бедийский храм с прилегающими к нему постройками превратили в монастырь. При этом церковная и феодальная знать еще больше закабалила жителей села, что отразилось на его облике. В середине XIX в. здесь стояли в основном бедные крестьянские постройки, и лишь у немногих состоятельных крестьян были отдельный деревянный дом — *акваска* — и другие деревянные постройки с красиво орнаментированными фасадами.

Из всех бедийских усадеб, включая дворянские и княжеские, выделялось имение князя Гида Чачба, у которого, по рассказам старожилов, в обширном поместье стояли два больших дома: один — из двенадцати комнат, другой — из гостиной с четырьмя отделениями и служб (конюшни, складов, винного погреба и др.). Но бедийцы восхищались не постройками удельного князя Чачба, который за счет эксплуатации подвластных ему крестьян и арендаторов богател из года в год.

Сельская беднота гордилась своей школой, построенной в 1865 г. В 1868 г. в ней обучалось всего четырнадцать детей, но для бедийцев это было близкое и родное дело. Среди первых учеников школы был Фома Христо-

²⁶ В. П. Пачулиа. По историческим местам Абхазии. Сухуми, 1960, с. 173—174.

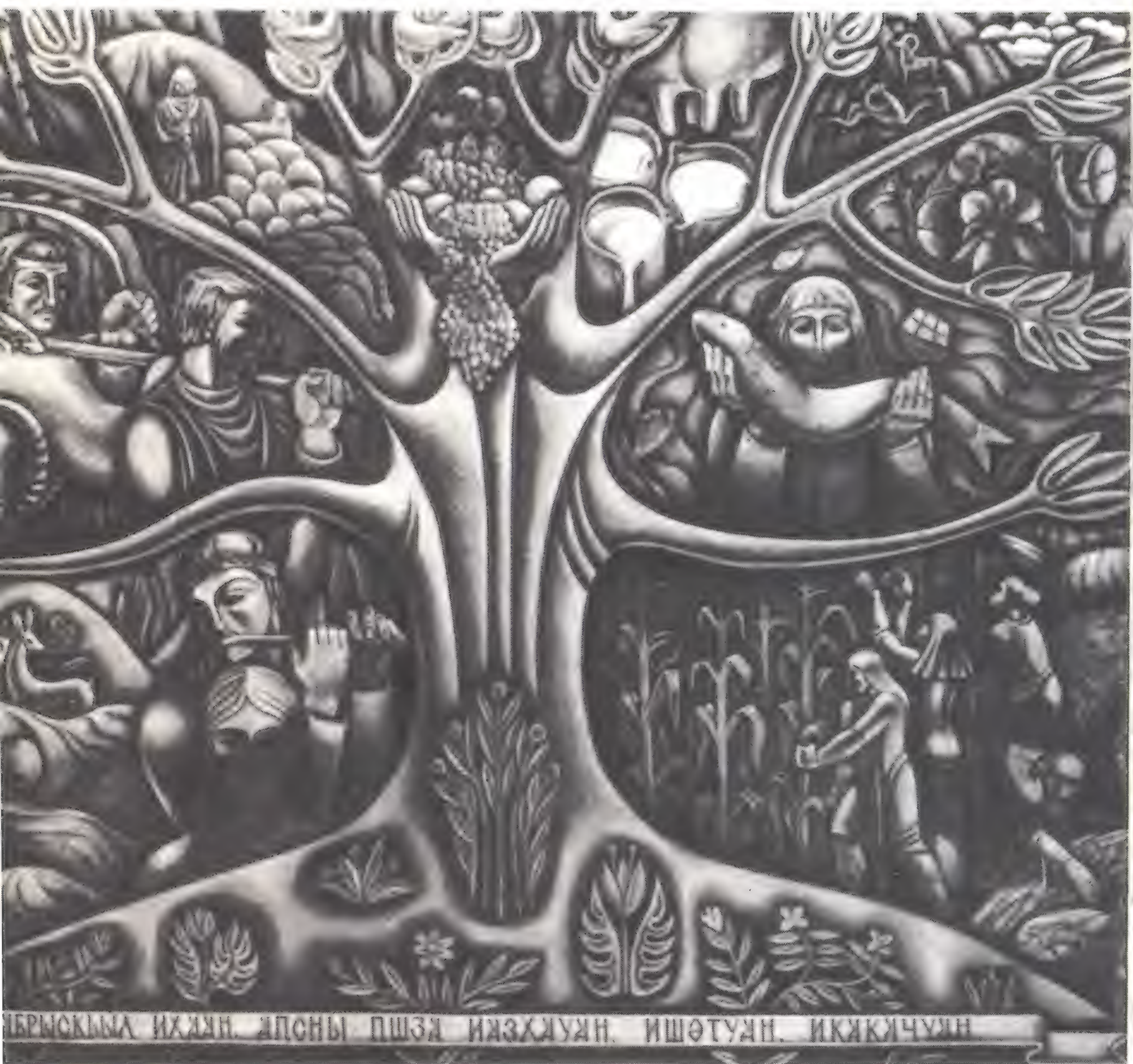
Храм Симона-Канонита. Новый Афон

Смилостивились боги, послали на землю Аpsны
богатыря невиданной силы и смелости

Боги наградили богатыря Абрскила крылатым конем-арашем,
и стал он неуязвим

Сладко лилась музыка,
и звуки ее напоминали журчание прохладного родника

А тем временем Абрскил мчался с' запада на восток,
чтобы освободить родной край от врагов

Без счета разил Абрскил людей
из родов Асубов и Кацубов, предавших чужеземцам
родную землю

Разбитого, тяжело раненного, хватают враги Абрскила,
стальными цепями заковывают,
крепкими ремнями стягивают тело

Пицундский храм

форович Эшба, прозванный впоследствии за свой неутомимый и благородный труд «дедушкой абхазской школы». Это один из выдающихся представителей старшего поколения абхазской интеллигенции, настоящий просветитель своего народа. Его педагогические и общественные взгляды формировались под влиянием В. Г. Белинского, К. Д. Ушинского, Я. С. Гогобашвили.

В бедийской начальной школе некоторое время обучался первый председатель ревкома Абхазии Ефрем Эшба. Бесстрашный революционер-ленинец накануне Великой Октябрьской социалистической революции вел большевистскую пропаганду среди крестьян родного села. В 1967 г. на сельской площади воздвигнут памятник Ефрему Эшба, созданный его дочерью — скульптором Мариной Эшба.

В селе, где сохранилось много ценных архитектурных и памятных мест, проводятся большие работы по выявлению, сохранению и реставрации памятников культуры. В частности, намечается полностью реставрировать Агу-Бедийский храм, одно из замечательных архитектурных сооружений Абхазии, устроив там музей-выставку, а рядом с ним, на Бедийском плато, создать музей народного зодчества.

Легенда записана от А. В. Гамисония.

О ВЕЛИКОМ ЗОДЧЕМ

Рассказывают, что, когда задумал абхазский царь Леон возвести собор близ Очамчиры, где сливаются реки Моква и Дваб, созвал он лучших мастеров-строителей со всей абхазской земли. Пригласил еще и заморских зодчих. Сулил царь каждому из них несметные богатства, если сумеют они угодить ему.

А угодить действительно было трудно. Царь Леон хотел построить необычный по форме собор. Чтобы были видны с главного купола храма все соборы священной земли Апсны... Слушали великие мастера-зодчие царя, качали головами: не построить такого собо-

ра! И уходили один за другим с царского двора. Ибо знали, что если возьмутся за дело и не выполнят его, то не сносить им головы. Жесток и суров был царь Леон.

Но нашелся все-таки один зодчий. Смелый это был человек. Решил он рискнуть и принял царские условия. Закипела работа на высоком островке. Месяц минул, полгода прошло, стал подниматься ввысь голубой Моквский собор. Не мог народ на него налюбоваться — так он был красив и строен, словно не из камня складывали его, а из теплых ветров, пряных запахов и морской пены...

Вот уже покрывают чистым золотом купол и на тысячу локтей вверх поднимают крест, какого никто никогда не видел. Приехал царь Леон к собору с огромной свитой посмотреть, выполнил ли его условия смелый зодчий. И привезены были туда сундуки с золотом и серебром — обещанная зодчему награда. Но лукав был Леон. Осмотрел собор — все понравилось ему. Поднялся потом он на главный купол: видны ли храмы священной Апсны с высоты Моквского собора. Спустился мрачный, ни на кого не смотрит, гневается.

— Не выполнил ты одного моего условия, — сказал он зодчему. — Не видно с высоты собора всех храмов Апсны!

Опечалился зодчий, но решил все же проверить сказанное царем. Полез он по приставленной лестнице на самую маковку, что была в тысяче локтей от земли. Но когда зодчий достиг маковки, повелел царь убрать лестницу, ибо жаль было ему золота и серебра для зодчего и не хотел царь, чтобы построено было на свете еще что-нибудь подобное прекрасному Моквскому собору.

* * *

Легенда в известной степени подтверждается историческими данными. Строительство Моквского собора, которому в 1968 г. исполнилась тысяча лет, относится к царствованию абхазского царя Леона III — периоду, отмеченному расцветом культуры, усиленным строительством культовых и светских сооружений в Абхазии и во всей Грузии. Моквский собор принадлежит к числу выдающихся памятников архитектуры Кавказа.

О его строительстве древнегрузинская летопись «Картлис Цховреба» («Житие Грузии») сообщает следующее: «Вернувшись в Абхазию, Леон стал владеть вотчиной своей и царством. И возвеличил господь царство его по примеру отца его Леопа... Воздвиг он церковь Мокву и основал в храме епископат, освятил его»²⁷.

В прошлом Моквский собор поражал богатством внутренней и внешней отделки. Стены украшала необычная фресковая роспись. Великолепен был мраморный иконостас с колоннами, превосходны резные карпицы. В центре пола был выложен круг из красного мрамора и узор в виде расходящихся лучей. Внутри собора находилось много церковной утвари и икон, особенно интересна икона Успения богородицы.

Разумеется, тысячелетняя история собора не прошла для него бесследно: разбит мраморный пол, разрушены портики самого храма, живопись в конце XIX в. забелена. Ремонтировали собор неоднократно. Несмотря на разрушения и некоторые переделки, этот пятинефный однокупольный храм, ставший, согласно легенде, усыпальницей Леопа III, в XIX в. превратился в место погребения владетельных князей Абхазии. И сейчас после ремонтно-реставрационных работ собор покоряет своей необычайной красотой.

В 1981 г. ЦК Компартии Грузии принял постановление «О социально-экономическом развитии Очамчирского района». Согласно этому решению намечаются реставрационные и благоустроительные работы по архитектурным памятникам Моква, Бедиа и Поквеш. Проведение этих работ позволит превратить Моквский архитектурный комплекс в Музей долголетия. На живописном островке, там, где красуется Моквский кафедрал, предполагается создание естественной среды, в которой жили и работали долгожители Абхазии. Здесь будет создан образцовый комплекс абхазского народного жилища и хозяйственных построек.

На отдельном участке в зоне охраны Моквского архитектурного комплекса предполагается выращивание тех злаков, которые употребляло в пищу местное население.

Пустующая поляна, лежащая на правом берегу реки Моква, будет использована под ипподром, где на

²⁷ Картлис Цховреба. Т. I. Тб., 1955, с. 270 (на груз. яз.).

абхазских лошадях старожилы продемонстрируют посетителям отдельные традиционные виды конного спорта. Здесь же будет выступать всемирно известный ансамбль долгожителей «Нартаа» и этнографический ансамбль Очамчирского района «Абжуаа». Раз в году, в период разгара туристского сезона, намечается проводить здесь фестивали фольклорных ансамблей не только из Абхазии, но и из отдельных районов Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа.

Почему Музей долголетия создается именно в Мокве? Объясняется это тем, что Моква, в частности ее историческая площадь, еще с незапамятных времен была традиционным местом, где собирались старики и обсуждали важные события, связанные со всей Абхазией. Да и сейчас в Абхазии «на старца смотрят с глубоким уважением как на хранителя мудрости и знаний, опыта традиций и обычаев предков, как на основу и стержень семьи, которая здесь может насчитывать и пятьдесят человек. В его присутствии молодые высказываются в последнюю очередь, к нему обращаются за советом, ему же принадлежит решающее слово в спорных делах. Почти в каждом абхазском селении существует своего рода арбитраж — совет старейшин. Иными словами, на столетнего смотрят как на свидетеля современности, а не как на некий анахронизм...»²⁸.

Моквская земля, лежащая в долине рек Моква и Дваб, отличается особым микроклиматом, где до сравнительно недавнего времени жило немало людей, перешагнувших за сто лет. Здесь и поныне живут знатоки народных легенд и преданий. Сам Моквский собор и окружающий его ландшафт лучше всего отражают народный быт и природную среду, в которой жили и живут долгожители Абхазии.

Легенда о строительстве собора записана в 1955 г. в селении Моква от сказителя Нестора Бигвавы.

²⁸ В. К ю ч а р ь я н ц. Какой возраст у жизни? — «Вокруг света», М., 1974, № 8, с. 41.

Охотился как-то князь в горах и подстрелил из лука благородного оленя. Однако раненому зверю удалось скрыться в чаще леса. Князь отправился по кровавому следу, который привел его в священную рощу Елырных атарта. С незапамятных времен возвышались здесь развалины древнего святилища. Там и нашел князь раненого оленя. Животное покорно стояло, положив голову на алтарь. Хотел было князь добить зверя, но тут заметил на каменном алтаре крест. Тогда понял князь, что сам святой Георгий взял под свою защиту оленя. Князь отпустил оленя, а на этом месте приказал построить храм в честь святого Георгия. Давно это было, лет тысячу назад, но до сих пор в Илорах, большом абхазском селении, стоит церковь святого Георгия, окруженная высокой каменной оградой.

В достопамятный от рождества Христова 1850 год собрались илорские пастухи в цветущей долине реки Галидзги варить *абыста* — мамалыгу в честь бога Айтара.

Всему абхазскому миру бог Айтар известен как покровитель пастухов и стад. Уж очень любил он лес и горы, хорошеньких молоденьких девушек и... молочную кашу. Вот почему кроме обычной жертвы — теленка или барашка — пастухи варили кашу и подносили ее Айтару.

Настало время первого сенокоса. Стояло ясное, безоблачное утро. Пышные цветы пестрым ковром покрыли склоны холмов вдоль берега реки. На зеленых лугах паслись стада, резвились белорунные ягнята. Все вокруг радовалось жизни... Белая телка, привязанная к дубу и предназначенная к закланию в честь своего бога-покровителя, не догадывалась о своей участи. В ее бесстрастных круглых глазах не отражались ни радость, ни печаль. Она продолжала тупо жевать молодую траву и смотреть на голубой столбик дыма, поднимавшийся к небу от костра, который развели пастухи.

Поднялся старый пастух, взял острый нож и пошел к речке. Там он вымыл нож, наточил его о прибрежный камень, вымыл руки и направился к дубу. Белая телка смотрела спокойно, все еще ни о чем не догадываясь.

Старик благоговейно снял перед ней свою лохматую папаху. То же проделали и остальные пастухи (среди них был и сын его — храбрый Азрем). Все молитвенно склонили головы.

— Всевышний! — торжественно произнес старик, — как и все мои предки, я приношу тебе эту жертву. Прошу принять ее благосклонно! Прошу ниспослать нам здоровья и долголетия! А также стадам нашим. Пусть плодятся они и тучнеют. Отврати от скота всякие немощи, убереги от гнева морского, голода и вражеских набегов. Будь милостив к людям, стадам нашим и ко всем живым тварям. Пошли, боже, благоденствие Абхазии, владетельным князьям и помещику нашему Измаил-Беку...

— Амен! — единодушно ответили пастухи.

«Дай, боже, удачи его сыну, молочному брату моему Сефер-Беку! — мысленно добавил Азрем к молитве отца. — Ведь молодой Сефер-Бек так нуждается в удаче!»

Между тем белая телка уже перестала жевать траву... Она отошла в мир иной... Отец Азрема ловко разделался с тушей несчастного животного и еще раз медленно спустился к реке, чтобы совершить второе омовение... На этот раз прозрачные воды окрасились в алый цвет.

Как видно, бог Айтар не всегда довольствовался лишь одной молочной кашей.

Наступило лето. Созрели черешня, вишня, винные ягоды, абрикосы и сливы. Виноград, желтая айва и красный гранат стали наливаться соком. Пришло время второго сенокоса.

По небу плыла полная луна и озаряла своим неверным светом снежные вершины, водопады и гремучие ключи. Реку и низинные луга окутал туман. В густой тени дремали ущелья и долины.

Было тихо. Лишь в лесу стонали совы да порой в расселинах скал заливался своим жутким хохотом филин. Может, это вовсе и не филин был, а старый леший

или ведьма, которые потешались над путниками, завлеченными в омут?

Юная Зара, дочь князя Чачба, стояла в тени громадного орешника, опутанного лозами винограда и гирляндами ползучих роз, и слышала крик филина. Девушка так испугалась, что чуть не бросилась бежать прочь, лишь мысль о Сефере, ее названом женихе, остановила ее.

Зара пришла сюда, чтобы встретиться с другом. Он обещал прийти после полуночи, после того, как проводит гостей своего отца. Заре уже чудился топот коня ее милого... Возле рощи он должен был передать своего коня нукеру и дальше идти пешком, чтобы никто не увидел их вместе и не узнал о свидании. Они вынуждены были встречаться тайком из-за ее отца, который чуть было не отказал Сеферу, а ведь они помолвлены с детства... Отец решил, что его дочь-христианка не может стать женой сына мусульманина Измаил-Бека. А разве бог не один и не все равно как его славить! Сефер так любит ее, он сам готов принять христианство, да и отец его согласен — ему безразлично.

Но князь уперся.

— Кто не крещен от рождения, тот не может быть настоящим христианином! — заявил он.

Сам князь до такого бы не додумался. Это его в Драндах епископ надоумил, когда они туда приехали на богомолье. После этого князь то и дело повторял:

— Нет более божьей благодати на Абхазии, и чудеса перевелись, ибо не блюдут себя христиане. Пусть златорогий бык снова появится в нашем храме в Илорах. Пусть твой Сефер его к нам за рога приведет, тогда поверю, что он стал добрым христианином и сам господь благословляет ваш союз!

Может, стоит подождать до ноября и молить бога о том, чтобы бык, которого уже три года никто не встречал в этом месте, появился снова? Неужели из-за этого быка не видать Заре счастья?

Бедняжка даже расплакалась от досады и обиды на своего упрямого отца.

Но тут неожиданно на полянке показалась чья-то тень и быстро метнулась к изгороди их сада... Это был Сефер-Бек!

С востока потянуло холодом. Зарделась заря, а Сефер-Бек и Зара все никак не могли расстаться.

— Скажи, ты уверен, что твой молочный брат не обманет?..

— Конечно, уверен. Азрем упросил своего будущего тестя, сторожа при Илорском храме, позволить ему по ночам пасти скотину на поляне возле ограды. Ничего не бойся, любовь моя! Азрем — парень ловкий. Он с детства при стадах, знает, как управляться со скотиной. Я обещал ему десять бычков и десять телок, если он научит хотя бы одного своего быка отворять рогами калитку и входить в ограду.

— Вдруг ограда будет заперта?

— А на что тогда невеста Азрема? Она свое дело знает. Каждый вечер будет отворять калитку, а под утро выгонять быка и снова запирасть ограду. Только в ночь на десятое ноября она забудет запереть, и тот вернется сам!

— А рога? Не осыплется ли с них позолота, которой ты их покроешь?

— Пусть тебя это не беспокоит. Хочешь — позолочу эту палочку и завтра принесу тебе?

— Не грешное ли дело мы задумали? Ведь это же обман!

Однако Сефер-Бек успокоил ее:

— Потом мы поставим Георгию Илорскому пудовую свечку, чтобы он простил нам нашу маленькую хитрость. Ведь он святой, должен прощать и миловать!

Домой Зара вернулась довольная и счастливая.

Пришла осень. Стало холодно, и на вершинах гор уже лежал снег. Правда, солнце все еще светило ярко и в полдень даже пригревало, а горы, покрытые багряным лесом, казались еще красивее!

Настало 10 ноября, день святого Георгия Победоносца — престольный праздник в старинном Илорском храме. За несколько дней до начала праздника съезжались сюда верующие со всех краев и располагались возле храма целыми семьями. Торговцы сколачивали навесы, чтобы удобнее было торговать, а простые богомольцы переворачивали арбу дышлом вверх, набрасывали на нее палас или войлок — палатка была готова.

Отовсюду стекался народ в надежде увидеть чудесного быка. Народ волновался. Все боялись, что, если уж на четвертый год не благословит Георгий Победоносец абхазский народ, худо тогда будет людям.

Вечером, после вечерни, 10 ноября князь Чачба вышел из храма хмурый и недовольный. К нему подошел Измаил-Бек с сыном Сефер-Бек. Хотя Измаил и был магометанин, но он всегда присутствовал по большим праздникам на христианских богослужениях.

— Здравствуй, сосед! Что-то ты не очень весел? — приветствовал Измаил-Бек князя.

— Будешь невесел, ведь снова решается судьба всего года! — грустно ответил Чачба.

— Ты имеешь в виду быка? Зачем же унывать? Может, святой Георгий уже внял нашим молитвам и изъявит свою милость. Мы все просим его об этом. Пожалуй, никто так усердно не молится, как мой бедный Сефер. Ведь его счастье зависит от этого чуда. Ты, падеюсь, помнишь свое обещание, князь? — сказал Измаил-Бек.

— Слово мое твердо, — ответил князь. — Если на наше счастье завтра на заре снизойдет нам благословение из райского стада святого Георгия, то за праздничной трапезой я объявлю о свадьбе своей единственной дочери с Сефер-Бек. Измаиловым.

— Благодарю, князь! — скромно вымолвил Сефер. — Всю ночь я проведу здесь, в храме, буду молить о великом чуде.

Однако не один Сефер-Бек оставался в ту ночь в храме. Молилось много людей, да и у стен храма вместе с ним почти никто не спал. Разве можно было заснуть в эту великую ночь ожидания, после которой всю Абхазию ожидали великая радость или безутешное горе!

До зари усердно молился молодой Сефер-Бек. Перед самым рассветом к нему подошел его молочный брат Азрем, низко поклонился и направился к иконе святого Георгия, чтобы поставить свечку.

Тут Сефер поднялся с колен и сказал так, чтобы все вокруг могли слышать:

— Братья! Пойдемте на паперть! Сдается мне, бог услышал наши молитвы. Сегодня увидим наконец долгожданное чудо!

Все бросились за ним к храму.

— Смотрите, смотрите! — кричал Сефер-Бек. — Чудо! Великое чудо!

И тут все увидели великолепного черного быка с

белой звездой во лбу. Он медленно входил в ворота церковной ограды. Его золотые рога ослепительно блестели.

Не было конца радости и народному ликованию.

Вскоре к храму прибыли старый князь с его красавицей-дочерью. Сефер-Бек накинул на золотые рога шелковую петлю и почтительно передал князю конец шнура.

Свадьбу Сефер-Бека и Зары сыграли через месяц. Однако на следующий год богомольцы напрасно прождали посланца святого Георгия Илорского. Златорогий бык так и не появился...

И с тех пор его никто никогда не видел.

Илорский храм священного быка находится недалеко от города Очамчири. Правда, служители церкви давно уже не заводят за ограду Илорского храма священного быка, однако и в наши дни в этом действующем православном храме иногда можно увидеть жертвы, которые оставляют легковверные богомольцы: овец, коз, а подчас даже и быков.

* * *

Эти две легенды связаны с Илорской церковью св. Георгия XII в.

Только купольные храмы Моквы и Бедиа, Лыхны и Пицунды превосходят Илорский храм своим величием и красотой. Недаром итальянский монах-путешественник Арканджело Ламберти с восхищением писал об этом в своем сообщении «О Колхиде» (Неаполь, 1654) и в «Священной истории колхов» (1657). Искусствовед А. К. Кация отмечал, что в этих сообщениях впервые упоминается Илори как «святыня абхазов и мегрелов, известная во всей Западной Грузии»²⁹.

Об Илорском быке с золотыми рогами, каждый год неведомо откуда появлявшемся за церковной оградой, в народе ходит немало легенд. Спросите любого старика-абхаза, и он будет уверять вас, что помнит, как этот священный бык неизменно становился добровольной жертвой, «сам подставлял свою голову, украшенную рогами, да не простыми, а золотыми», под нож служителя местного алтаря. Утверждали, будто мясо его ни-

²⁹ А. К. К а ц и я. Илори. Сухуми, 1963, с. 9.

когда не портилось, и святые отцы раздавали его по кусочкам народу, толпами стекавшемуся в престольный праздник не только со всей Абхазии, но и Грузии.

КАК ПОЯВИЛСЯ В АБХАЗИИ ГОРОД КОМАНЫ

Были у святого Иоанна Златоуста не только друзья, но и враги. И вот они-то, враги, долгое время ходатайствуя перед византийским императором, добились наконец ссылки Златоуста из благодатной Арабиссы на побережье негостеприимной Питиус. Обрядили Златоуста в черное рубище. Двое стражников были даны в провожатые святому, и весь путь длиною в три месяца не давали злонравные эти люди ни отдыха Златоусту, ни покоя. Не знал Златоуст снисхождения от стражей своих. Один из них издевался над Иоанном особенно рьяно. Его очень раздражало, если встречные просили пощадить хилого старца. Тогда он бил Златоуста палицей наотмашь. И в дождь, и в знойный полдень выводил он узника на улицу. Не позволял он Златоусту заходить в селения и города, дабы подкрепиться пищей или вымыться в бане.

Так шли они — святой и его стража, — пока не достигли наконец города Команы. Здесь они остановились на ночлег в уединенной церкви мученика Василиска, епископа команского, который пострадал когда-то вместе с пресвитером антиохийским Лукианом. Ночью, когда погрузились люди в сон, явился страждущему Златоусту Василиск и сказал:

— Мужайся, Иоанн. Завтра мы будем с тобою вместе.

А наутро Златоуст стал умолять остаться в церкви хотя бы до полудня, ибо надеялся святой сложить с себя к тому времени тяжкое бремя жизни. Но не слушали его мучители. Как гонят скотину, так погна-ли они мученика по пыльным дорогам, под нестерпимо палящим солнцем вперед, сами не ведая куда. И тут совсем занемог старец и упал на землю, причитая.

Только после этого решили мучители вернуться в обитель у Команов. Предчувствуя скорую кончину, Златоуст уже не принимал пищи и питья. Он облачился с ног до головы в белую одежду и прочитал привычные слова молитвы: «Слава богу за все!» После чего он испустил дух. Тело праведника похоронили в каменном саркофаге в церкви Коман.

* * *

Такова монастырская легенда, в которой сделана попытка связать место погребения одного из отцов церкви, Иоанна Златоуста, с урочищем Гума, у слияния Западной и Восточной Гумисты, в горной Абхазии, в 12 км от Сухуми. Здесь имеются развалины храма X—XII вв. В конце XIX в. он был восстановлен, а рядом поднялись монастырские строения, где разместились монахини, которые для привлечения богомольцев пустили слух, что именно в их обители, называемой ими городом Команы, в древности был погребен Иоанн Златоуст. Чтобы придать своей выдумке черты правдоподобия, предприимчивые монахини ссылались на греческого археолога Г. К. Врисиса, посетившего Новоафонский монастырь в 1884 г. Он утверждал, что ему якобы удалось найти в одной из европейских библиотек древний пергамент, на котором имелось более точное указание места Коман, где скончался на пути в Питиус (Пицунда) Иоанн Златоуст³⁰. Вслед за этим археолог посетил селение Гума и, проведя там несколько дней, вернулся с сообщением, что нашел развалины города Команы в районе описанного выше храма³¹. После этого Врисис уехал и никогда больше не давал знать ни о себе, ни об «открытом» им городе. Благодаря «трудам» монахинь эта легенда получила распространение среди местного населения в конце XIX в. В своих корыстных целях монахини продавали легковерным богомольцам воду из карстового родника как «святую», исцеляющую от всех недугов, а естественные железистые образования на камнях на дне карстового ручья выдавали за кровь Иоанна Златоуста.

³⁰ И. Н. Абхазия и в ней Новоафонский, Симоно-Капонитский монастырь. М., 1899, с. 123.

³¹ Там же, с. 124.

Текст легенды приводится по кн.: И. Н. Абхазия и в ней Новоафонский, Симоно-Канонитский монастырь. М., 1899.

ЛАШКЕНДАР — СОБАЧИЙ ХРАМ

Давным-давно жили, говорят, в Абхазии люди-великаны. Был среди них один храбрый воин и смелый охотник. Никого на свете он не боялся, даже над лесными дивами смеялся. Ходил он по лесам со своими верными псами, достигал туров на горных кручах, ни перед кем не сворачивал с дороги, ни перед кем не склонял головы. Обидно стало дивам, и решили они наказать гордеца-великана. Как-то ночью дождались они, пока великан, утомленный охотой, уснул, а псы его, почуяв зверя, бросились за ним в погоню в горы. Подкрались к великану дивы и накиннули на него шелковую сеть. Опутали его шелковыми веревками, выкололи глаза и сбросили в глубокое ущелье.

Вернулись с охоты верные псы и увидели, что хозяина дома нет. Они кинулись искать его и вскоре нашли его лежащим бездыханно в ущелье.

Бросились псы за подмогой к крестьянам. Рычали, лаяли, тащили за собой. Пришли крестьяне к ущелью и с трудом вытащили тело великана из пропасти. Тут псы разгрызли шелковые путы и принялись зализывать хозяину раны. Четыре дня и четыре ночи не отходили от него верные псы. На пятый день вернулось к нему зрение. А на шестой день встал он на ноги и воздал хвалу верности своим славным псам — воздвиг в их честь храм на горе Лашкендар. С тех пор чтят абхазы собаку, лучшего их друга, сторожа стад и жилищ.

* * *

Абхазы еще в языческие времена наряду с другими божествами почитали божество Алышкентыр (*ала* — «собака», *кентыр* — «бог»). Ему посвящались специальные капища, приносились соответствующие жертвы. Во время утверждения в Абхазии христианства в некоторых местах, где прежде находились языческие капища, христианские проповедники строили храмы,

называя их именами прежде почитавшихся здесь языческих божеств. Так, на месте лашкендарского капища близ Ткварчели в раннем средневековье возник Лашкендарский храм с барельефом на фасаде, изображающим двух псов. (Лашкендар и Алышкентыр означают одно и то же понятие — «божество собаки».) Лашкендарский храм сохранился до наших дней. Уцелел и барельеф с псами. Давно уже померк в представлении абхазов ореол «собаки-божества», но верные четвероногие друзья неизменно пользуются их любовью и опекой.

Вариант легенды записан в 1957 г. от Кита Аршбы в селе Акваске Очамчирского района.

ЛЕГЕНДЫ О ВЕЛИКОЙ АБХАЗСКОЙ СТЕНЕ

1

Владелец Абхазии, имени которого теперь уже никто не помнит, устал от бесконечных войн, не дававших отдыха Апсны. Он велел собрать лучших зодчих, которых только знала Абхазия. Когда они пришли в его прекрасный дворец, владелец сказал такие слова:

— Будет век благодарен наш народ тому из вас, кто построит стену, которую бы солнце обходило ровно по кругу — от Ингура до Келасури. И чтоб всадник объезжал эту стену за пять дней, но человеческое слово облетало бы ее со скоростью стрелы... Кто возьмет на себя труд такой, ответьте.

Неделю думали зодчие над словами повелителя и ничего не могли придумать. Тогда пришел к нему один молодой пастух, поклонился низко и сказал:

— Стройте стену так, чтобы горы были у вас за спиной, полукругом от Ингури до Келасури. Всадник объедет эту землю за пять дней. А чтоб человеческое слово облетело ее со скоростью стрелы, возведите две тысячи башен. А когда возведете башни, поставьте на каждую по воину. От башни к башне, от начала стены нашей до конца ее полетит весть добрая или злая со скоростью стрелы.

Обрадовался властелин. Велел наградить смышленного юношу всем, чего тот пожелает. Но отказался на-стух от подарков, ибо дороже всего на свете была для него родная земля.

2

Абхазская стена высотой в два этажа. Начал ее строить царь абхазов. Вскоре он умер, но перед смер-тью взял слово с жены, что она закончит начатое им дело. Однако по тогдашним законам женщина не име-ла права управлять страной. Но, на счастье, она была лицом похожа на мужа. Она переоделась в его одеж-ду, и народ так и не узнал о смерти царя. Стена была достроена. После этого царица ушла в монастырь.

* * *

На берегу моря, в 5 км от Сухуми, на левом берегу реки Келасури, у ее устья, высятся остатки огромной прямоугольной башни, которая сложена из окатанных валунов, связанных известковым раствором.

Если подняться на Келасурскую башню, то сквозь бойницы второго яруса на севере в зелени плюща вид-на вторая такая же башня, а еще дальше, у села Баг-марани, небольшая крепость, и тоже с двумя башнями, чьи бойницы направлены вниз, в долину реки Келасу-ри. Это и есть Великая Абхазская стена.

Она начинается у моря, идет на север по левому берегу реки Келасури, через село Багмарани, затем сворачивает на восток, переваливает через невысокий хребет и спускается по берегу реки Маджарки вниз. Здесь, в Цебельдинском ущелье, стоят еще две четы-рехугольные башни из таких же окатанных валунов с тремя рядами бойниц. Башни стоят близко друг от друга, господствуя над проходами и дорогой, которая вьется вдоль подножия.

По Цебельдинскому ущелью, где проходит живо-писная Военно-Сухумская дорога, башни стоят особен-но плотно — на расстоянии выстрела из лука. Остатки укреплений возвышаются на всех высотах, господст-вующих над местностью, на холмах и скалах, навис-ающих над дорогами, откуда можно было ждать втор-жения неприятеля: у реки Кодор, где сходятся пути в Цебельду и Мерхеули; у Багадского моста, через ко-

торый до сих пор гонят весной стада на летние пастбища; в ущелье Ерслым, у начала единственной перевальной дороги через Панаюский хребет. Повсюду находим мы следы единой линии укреплений. Особенно много башен сохранилось в районе Швын-Икиапта, где на протяжении 5—6 км сконцентрировано более пятидесяти таких маленьких крепостей, связанных между собой остатками стены полутораметровой толщины. По ущелью реки Ульс проходит узловая дорога, где сходятся все пути от реки Моква до Ингури. Местами башни стоят на расстоянии 30—35 м друг от друга.

Можно только поражаться грандиозному замыслу строителей, той стратегической точности, при которой максимально используются все естественные оборонительные рубежи — рельеф местности, теснины, господствующие высоты, направление дорог.

У самого входа в ущелье Джиху, на высокой конусообразной скале, расположена крепость — один из опорных пунктов средневековой линии обороны. Скала, на которой возвышается крепость, словно руками титанов оторвана от всего скального массива хребта, расположенного к северу от нее. Между ними по глубокой и узкой теснине вьется дорога. На вершину этой неприступной скалы можно подняться лишь по узенькой тропинке, которая идет зигзагами по юго-западному склону. Здесь был вход в крепость, защищенный двумя башнями.

Со скалистых высот Джиху открывается широкий вид на равнину, вплоть до берега моря, на соседние башни и крепость Речу, на Бедийский храм.

И снова башни и остатки стен и крепостей, идущих вплоть до правого берега полноводной Ингури. По последним данным, количество сохранившихся башен достигает почти трехсот! Каждая из них — маленькая крепость. Судя по остаткам, крепости достигали 8—12 м в высоту, имели два или три ряда бойниц, направленных на самые опасные и уязвимые участки. Общая протяженность стены составляла более 100 км.

Башни были расположены так, что с них простреливалась вся полоса на расстояние полета стрелы. Защитники одной башни могли переговариваться с бойцами другой, передавать сообщения, поэтому в народных преданиях и сохранилась память о том, что вести от Ингури до Келасури неслись «со скоростью стрелы».

Что представляла собой Великая Абхазская стена? Когда и для чего она была построена?

Наиболее распространенным является мнение, согласно которому стена была выстроена по приказу Юстиниана в 30-х годах VI в., когда здесь создавался мощный опорный пункт для защиты от вторжения со стороны Северного Кавказа. По мнению других ученых, стена была построена в позднее средневековье. Возможно, что стена достраивалась и укреплялась в разное время, начиная от античного и вплоть до позднего средневековья.

Но о дальнейшей истории Великой Абхазской стены сведений сохранилось очень мало. Известно только, что арабский полководец Мерван-Кру ибн Мухаммед (Глухой) вторгся в 30-х годах VIII в. на территорию Лазики, частично разрушив Келасурскую стену. После разгрома арабов при Анакопии грузинский царь Арчил передал абхазскому правителю Леону I в благодарность за помощь часть келасурских укреплений.

БАТУМСКАЯ БАШНЯ ТАМАР

Отправилась однажды царица Тамар, говорит легенда, в дальний поход и собрала такое войско, какого еще свет не видывал. Когда передовые отряды, перевалив через горы, спустились к морю, то последние еще только выходили из Тбилиси.

И вот подошло грузинское войско к самому южному городу, который лежал на его пути. Это был Батуми. Увидела царица Тамар этот славный чистенький городок, и стало ей его жаль. Призвала она своего военачальника и повелела:

— Пусть все воины соскребут с ног грязь и глину, налипшую при переходе через перевалы. А потом уже вступают в город.

Повеление было исполнено.

Но так много было воинов у царицы Тамар, что там, где они соскребали грязь и глину с ног, образовался целый холм. А потом на этом холме по приказу

царицы Тамар построили сторожевую башню. Правда ли, нет ли, а в пределах Батуми до сих пор стоит на холме старая сторожевая башня. И называют ее башней Тамар.

* * *

Столица Аджарской АССР — Батуми как населенный пункт возник за много веков до нашей эры. Название его происходит от сванского слова *бач*, что значит «камень». Предполагают, что оно связано с расположением города у выхода из Каролисцихальского ущелья, дно которого покрыто отложениями известняка.

В исторических источниках упоминание о Батуми впервые встречается в I в. Во времена римского владычества в батумскую гавань заходили торговые суда из различных пунктов побережья. В средние века Батуми, по-видимому, оставался значительным населенным пунктом.

В XIV в. в исторических документах Батуми упоминается уже как село. В XVI в. туркам удалось временно захватить Батуми. В дальнейшем на протяжении длительного периода между грузинами и турками велись из-за Батуми бесконечные бои, пока в первой половине XVIII в. турки не утвердились здесь на длительное время.

При турецком владычестве Батуми оставался маленьким, захолустным городком, население которого в начале XIX в. насчитывало всего две тысячи жителей. Торговля не процветала, так как в батумскую бухту заходили лишь маленькие суда. В лесных чащобах, окружавших Батуми, водилось множество диких кабанов и других зверей.

Отличительной чертой города стала непролазная грязь.

После русско-турецкой войны (1877—1878) по Берлинскому трактату Батуми отошел к России. Русская администрация стала уделять несколько больше внимания городскому хозяйству. В 90-х годах был проведен канал Жилинского, благодаря чему удалось осушить часть окружавших город болот, однако по сравнению с огромной заболоченной площадью это была капля в море.

В 1883 г. к Батуми подошла железная дорога, соединившая города Поти, Самтредиа, Тбилиси с Баку, которая содействовала быстрому развитию города.

В XX в. Батуми становится одним из центров нарастающих социальных конфликтов. Экономический кризис, разразившийся в 1900—1901 гг., сильно отразился на положении рабочего класса Аджарии и его крупнейшего города — Батуми. Многие рабочие были уволены с предприятий, повсеместно снижалась заработная плата. Тогда на заводе Манташева под руководством комитета РСДРП была организована забастовка, окончившаяся победой трудящихся. Этому крупному выступлению батумского пролетариата, получившему широкую огласку по всей России, ленинская «Искра» посвятила специальную статью.

Во время гражданской войны, в апреле 1918 г., турки вновь захватили Батуми. Однако согласно Мудросскому договору они вскоре оставили город, которым на время овладели английские войска. Оккупировав Батуми, англичане стали вывозить через порт нефть и нефтепродукты. Лишь через два года интервенты были вынуждены эвакуироваться из Батуми и передать власть своим приспешникам — грузинским меньшевикам.

18 марта 1921 г. в Батуми окончательно установилась Советская власть. Для освобожденного города и края навсегда закончились тягостные дни владычества иноземцев.

С установлением Советской власти на Кавказе Батуми превратился в крупнейший промышленный и портовый город республики, один из центров туризма в Аджарии. Здесь тщательно охраняются историко-архитектурные памятники, и в том числе средневековая башня царицы Тамар, положившая, согласно легенде, начало средневековому Батуми. Башня реставрирована и превращена в Музей архитектуры.

Легенда взята из записей краеведа Константина Мачавариани.

Некогда на юго-востоке Абхазии стояла могучая крепость — обиталище героя Нарчхоу. Никто из врагов не осмеливался посягать на нее. Даже сейчас, спустя много веков, это место неприступно, а тогда, глядя на мощную стену и угрюмые башни, каждый понимал, что это обитель великана. Суров с друзьями и безжалостен к врагам был Нарчхоу. Но с женой он всегда был нежен и ласков. Она жила недалеко, в крепости поселка Гарухы-Акыт.

Нарчхоу часто ходил к ней, она — к нему, и они нежно любили друг друга.

Между крепостями был протянут железный канат, и, когда кто-то из супругов хотел видеть другого, он дергал за канат. Так они сообщали друг другу о предстоящей встрече.

Шло время, и счастливы были Нарчхоу и его жена.

Но однажды жена не отозвалась на сигнал Нарчхоу. Она проголодалась раньше времени, а потом, поев, задремала. Договор супругов был нарушен, и страшно разгневался Нарчхоу. В ярости он взбежал на холм за крепостной стеной, схватил огромный камень и метнул его в крепость, где жила его жена. К счастью, камень пролетел мимо и упал недалеко от крепости Гарухы-Акыт. Он лежит там и сейчас. От падения огромного камня вздрогнула земля. Поняла тогда жена Нарчхоу, что сильно прогневила своего супруга. В отчаянии распустила она свои длинные волосы и, рыдая, босиком бросилась к мужу, чтобы вымолить себе прощение. И ее приближенные тоже плакали и причитали вместе с ней.

Гневен стоял Нарчхоу, отвернувшись от жены. Но наконец сжалился над ней и простил.

Долго они жили в любви и согласии и умерли в один день — суровый Нарчхоу и его жена.

Много веков прошло с тех пор, но у абхазов стало обычаем распускать плакальщицам волосы, и они босиком идут за тем, кого провожают в последний путь.

* * *

Крепость Нарчхоу существует и поныне. Вершина горы Нарчхоу уже издали поражает своими причудливыми очертаниями. Крутой двухсотметровый обрыв под-

черкивает суровое величие горы, на которой в незапамятные времена высилась неприступная крепость.

Развалины, сохранившиеся до наших дней, очень живописны и красноречиво говорят об удивительном мастерстве древних строителей.

Тропа, круто поднимающаяся по известковому склону, приводит к Нарчхоу. Четырехметровые стены угрюмо смотрят на соседние горы своими узкими бойницами. Мощные укрепления, общая протяженность которых достигает 676 м, делали крепость неуязвимой. Даже все-сильное время не смогло разрушить эти каменные гребни.

Изнутри к стене пристроен парапет, по которому некогда ходила стража, зорко следя за всеми окрестными тропами.

В головной части крепости видны остатки воротной башни. К югу от нее располагалось какое-то большое сооружение — возможно, казарма.

На самом краю обрыва стоит тринадцатиметровая башня, а к северу от крепости, справа от тропы, тянувшейся от перевала Ацхыда к перешейку, находятся два древних храма. Они сильно разрушены, но сохранили характерные черты своего времени.

Легенда о крепости Нарчхоу входит в цикл абхазского варианта нартовских сказаний. Опубликовано в книге «Абхазские сказки» (составитель К. С. Шакрыл). Т. 2. Сухуми, 1968 (на абхаз. яз.).

О БЗЫБСКОЙ И КАЛДАХВАРСКОЙ КРЕПОСТЯХ

Сейчас там видны только развалины. Примостились они по обеим сторонам реки Бзыбь. А когда-то были на том и другом берегу неприступные крепости — Бзыбская и Калдахварская, и не мог враг одолеть их. Обитали в этих крепостях сильные и смелые люди. Жили они в мире и согласии, поклявшись не поднимать меча друг на друга. А чтобы прочней был мир, договорились они и трапезы в одно и то же время справлять, и молиться по общему

сигналу, и выходить одновременно в поле или на пастбище. Перекинули они длинные лианы через Бзыбь и подавали сигналы друг другу, дергая за эти лианы условленное число раз. И не было меж ними раздоров: ничто другое не объединяет так людей, как жизнь и работа сообща.

Но в то далекое время добро бродило рука об руку со злом. Услышали враги-завистники, что живут соседи в мире и согласии и тем сильны, и решили посеять раздор между ними. И придумали, как это сделать. Стали враги дергать лианы, что перекинуты через реку, в неурочное время. Теперь уже жители крепостей не могли сообща работать, справляли трапезу, когда придется, и молились вразнобой. И накипело зло у соседа на соседа. Стали они попусту ссориться между собой, а потом дело дошло до открытой вражды. И они пошли воевать друг против друга. Забыли они о поле и о пастбище. Одна мысль занимала их умы — как убить своего соседа.

Некогда могущественные крепости из-за раздоров потеряли всю свою силу. Чужеземец теперь легко мог завоевать и разрушить их. Так оно и случилось. Посмотрите, нет больше Бзыбской крепости — одни развалины остались.

* * *

Бзыбская крепость была построена на узле трех древних дорог, шедших на запад, восток и север к перевалу, из Абхазии на Северный Кавказ. Таким образом, она контролировала дорогу, защищая страну с моря и со стороны гор. Крепость была возведена на возвышенности, на правом берегу реки Бзыбь, по дороге к озеру Рица. В позднесредневековый период она принадлежала князьям Инал-ипа и являлась одним из основных ремесленных центров Абхазии. Вокруг нее располагались хутора потомственных кузнецов из рода Кутарба.

По данным абхазского искусствоведа А. Кацня, изучающего Бзыбский архитектурный комплекс, река в прошлом, видимо, вплотную подходила к пригорку и омывала его, на что указывает крутой склон. Это диктовало неизбежность прохождения древней дороги через пригорок, по естественной ложбине, разрезавшей его поперек. Выбор места, которое доминировало над окрест-

ностью и откуда можно было контролировать пути сообщения и выход из ущелья, придавал крепости важное военно-стратегическое значение.

По данным предварительного исследования, крепостной комплекс на реке Бзыбь сооружался в различное время. Цитадель является наиболее древней. Остальная часть сооружена в IX—X вв., в период расцвета Абхазского царства. В XI—XII вв. на территории крепости был построен крестово-купольный храм, по размеру превосходящий обычные крепостные церкви. Не исключено, что наиболее древние фрагменты крепости относятся к античному периоду, когда она могла служить охранным форпостом Питиуса. Исследования, которые ведутся в настоящее время, позволят уточнить существующую гипотезу.

Калдахварская крепость, находящаяся на противоположном берегу, представляет собой крепостное сооружение совершенно иного типа: массивные стены с далеко выступающими контрфорсами, круглыми в плане. Площадь ее невелика — около 500 кв. м. Судя по керамическому материалу, ее строительство и основное время функционирования относятся к IX—X вв., т. е. совпадают со временем расцвета Бзыбской крепости. Каждая крепость просматривается из другой. Расстояние между ними через реку по прямой линии вряд ли превышает 1 км.

Легенда записана в 1955 г. от жителя села Бзыбь Гагрского района Тшкока Кенджария.

ПАДЕНИЕ АНАКОПИИ

И сейчас неприступной кажется Анакопийская крепость, а когда-то она была во все непобедимой. Только однажды хитрость и вероломство нанесли поражение ее защитникам. Случилось это очень давно, во время царствования Баграта.

В смутное время правил Баграт. Неприятель тревожил его земли. И очень бедно жили люди, и оттого было среди народа большое волнение. А у Баграта был брат Дмитрий, который страшно завидовал своему венценосному родственнику. Зависть и по-

вела его по пути предательства. Через мать свою, вероломную царицу, договорился он с греками³². И однажды пристали греческие корабли к земле Апсны, и под покровом ночи, не встретив сопротивления, вошли в крепость неприятельские воины. Но один лишь день владели они крепостью. Убоялся Дмитрий гнева брата своего, бежал в Константинополь, взяв с собой многие богатства и племянницу, сестру начальника крепости Анакопей-ипха. Минуло пять или десять лет, прошел по земле Апсны слух, что хочет возвратиться на родину Анакопей-ипха и будто везет она дяде своему подарки, ибо вышла замуж за богатого купца и владеет несметными сокровищами. Радостью наполнились сердца жителей Анакопии, когда они увидели десять кораблей, что привезли Анакопей-ипха и подарки. Встретил народ ее с великими почестями. И был большой праздник с пирами и военными играми в тот день.

А под вечер, когда солнце окунулось в море, повелела Анакопей-ипха снять с кораблей подарки и перевезти их в крепость. На каждой арбе было по два громадных сундука. Сундуки эти складывали у высокой башни. Пообещала Анакопей-ипха народу, что на следующий день подарки будут им розданы. И разошелся народ по своим домам.

Наступила ночь, все заснули. Не спят лишь Анакопей-ипха³³ и ее верные слуги: готовятся они завершить коварный план, который внушил им хитрый брат Баграта.

И вот уже пробираются они под покровом ночи к башне, где лежат сундуки с подарками, и вскрывают их. А в каждом сундуке по два вооруженных воина; встают воины, берут в руки мечи и факелы. И вот их уже легион. Огласилась тогда крепость Анакопийская боевыми криками, и началась тут великая резня. Крепость была захвачена всего за один час.

Долгие годы была она под властью византийцев, пока ее не освободили абхазские и грузинские воины, изгнав вероломных чужеземцев и предателей с родной земли.

³² Многие абхазские сказители называют византийцев греками.

³³ Древний абхазский род Накопия сохранился до наших дней, он проживает в нескольких населенных пунктах Абхазии.

Легенда о падении Анакопийской крепости содержит моменты, явно напоминающие широко известное предание о троянском коне. К ней близко примыкает и древнеегипетское сказание о хитроумном полководце Джхути, запись которого содержится в египетском папирусе Гарриса 500, хранящемся в Британском музее в Лондоне. Египетский военачальник фараона Тутмоса III (1525—1473 гг. до н. э.) Джхути, осаждавший крепость Ионна³⁴, решил взять ее хитростью: он принес в дар осажденной крепости и князю Ионны 200 огромных закрытых корзин, в каждой из которых находился воин в полном боевом облачении, снабженный колодками для пленения жителей города.

Когда все корзины были внесены в крепость, воины полководца Джхути вышли из корзин, напав на ее гарнизон и мирных жителей³⁵. Так была взята крепость Ионна, и так было пленено ее население.

В какой-то степени события, происходившие в Анакопии в XI в., отразились в легенде о Дмитрие и Анакопей-ипха, племяннице начальника крепости. Один из вариантов этой легенды записан в 1957 г., во время исследования Анакопийской крепости, со слов ее хранителя В. С. Коруа, одного из старейших сказителей Абхазии. Он относится к более позднему времени и приписывает вероломный захват Анакопии турками.

В легенде говорится, что Накопия-ипха была знатной женщиной, жила в Стамбуле и, путешествуя по Черному морю, побывала в Анакопии. Ей здесь очень понравилось, и она просила абхазского князя — владельца крепости — разрешить ей приехать снова сюда и погостить подольше. Князь с радостью согласился. Через некоторое время Накопия-ипха прибыла на корабле со своими вещами в больших ящиках, которые привезли в Анакопию. Абхазский князь устроил в честь гостыи большой пир. Когда все опьянели, из ящиков вышли воины, перебили абхазов и завладели крепостью, которую позже называли Накопия.

Публикуемый вариант легенды записан в 1958 г. в селе Анухва Гудаутского района от сказителя Кансоуа Таркила.

³⁴ Крепость Ионна — современная Яффа.

³⁵ Фараон Хуфу и чародей. М., 1958, с. 76—80.

С Чхалтинской крепостью, или, как ее еще называют, крепостью Чиркс-Абаа, связана следующая занимательная легенда.

В старину в Дальском ущелье жил отважный охотник. Однажды, преследуя дикого зверя, попал он на Кубань. Здесь первое гостеприимство ему было оказано одним князем, дочь которого славилась своей красотой на всем Северном Кавказе. Молодой пришелец сразу пленил девичье сердце — уж очень увлекательно он умел рассказывать, да и красив был. Молодые люди так пришли друг другу по душе, что через несколько дней поклялись в любви до гроба, решив во что бы то ни стало сочетаться браком. Сватовство охотника было отвергнуто отцом красавицы. Своевольный старик назвал молодого человека гулякой и бездельником...

Получив отказ, молодые влюбленные сговорились бежать в Абхазию. Чтобы отвести всякие подозрения, охотник должен был немедленно оставить дом отца возлюбленной, а через три дня встретить ее на границе Кубанской области, вблизи Дальского ущелья. Сказано — сделано. Наш охотник, собрав лучших наездников, послал их вперед для встречи своей невесты, а сам стал ждать в условленном месте.

В темную ночь невеста выехала из родительского дома на лучшем коне своего отца и, увидев поблизости поджидавших всадников, помчалась к ним. Уже совсем немного оставалось до того места, где смелую беглянку с биением сердца ожидал жених. Но тут случилось нечто ужасное и непредвиденное. Совершенно неожиданно в этих местах оказался брат красавицы — он возвращался домой со своей многочисленной свитой. Завидя мчавшихся всадников во главе со своей сестрой, брат приказал сопровождавшим его людям перерезать дорогу беглецам и силой задержать. Во избежание кровопролития сестра во всем призналась брату и объяснила причину своего бегства из родительского дома.

— Позорить отца я никому не позволю, — заявил брат и приказал сестре вернуться домой.

На сопровождавших ее всадников он набросился с саблей, приказывая своей свите не щадить никого. Началась жестокая резня. С обеих сторон пало много лю-

дей, из свиты красавицы не осталось в живых никого. Сначала девушка словно остоленела от вида кровавой схватки, но потом все же пришла в себя и, послав брату проклятие, поскакала вперед, надеясь встретить жениха. В своих надеждах она не обманулась. Однако брат не отставал от нее. Около реки Чхалты он несколькими меткими выстрелами уложил лошадей возлюбленных.

Может быть, жениху и удалось бы скрыться от преследователей, так как в перестрелке он смертельно ранил брата невесты и убил трех всадников из его свиты, но к месту кровавого побоища подоспел отец беглянки. Не долго думая, жених схватил свою невесту и вместе с нею бросился в реку Чхалту. Будучи отличным пловцом, он с драгоценной ношей сумел перебраться на другой берег. До стен Чхалтинской крепости оставалось всего несколько шагов. С неимоверными усилиями взбирались они на крутую гору, чтобы спастись от выстрелов разгневанного отца.

Наконец достигли они крепостных ворот. Но тут пуля настигла жениха: он был смертельно ранен. Молодая пара укрылась в крепости. Нежно обнимая умирающего возлюбленного, несчастная девушка страстными поцелуями пыталась вернуть его к жизни. Отец же со своими людьми окружил убежище беглецов и настойчиво требовал, чтобы они сдались. Жених утешал бедную девушку, но сам чувствовал, что силы изменяют ему. Тогда на глазах у разъяренного отца они бросились с высоты Чхалтинской крепости в бурные воды Чхалты.

* * *

В 20 км от села Латы, в долине реки Кодор, где в нее впадает Чхалта, издали виден скалистый утес. Его вершина густо заросла лесом. На утесе видны развалины раннесредневековой крепости Чиркс-Абаа. Она располагалась на трех небольших площадках, омываемых водами сливавшихся здесь рек. По углам площадок видны сохранившиеся остатки боевых башен, соединенных крепостной стеной. В центре крепости находятся развалины центральной башни и некоторых строений. Местоположение крепости делало ее почти неприступной.

Текст легенды приводится по записи К. Мачавариани³⁶. Существует и другой вариант ее, записанный в 1966 г. в поселке Коапчара Гульрипшского района от столетнего сказителя Кискинджа Гогуа.

ГАГРСКАЯ КРЕПОСТЬ АБААТА

Когда на Абхазию напали многочисленные заморские орды, собрали со всей садзской земли сокровища из храмов и дворцов и передали в Гагрскую крепость Абаата старцу-ключнику. Племенным старейшинам было поручено хранение драгоценностей и предметов кузнечного ремесла в тайниках крепости. Ключник темной ночью открыл двери в крепостных подземельях, постепенно перетащил все доверенное ему богатство, а вслед за этим замуровал проход. На следующий день превосходящие силы врага взяли крепость и уничтожили всех защитников, за исключением старца-ключника. Долго пытали седобородого старца, требуя, чтобы он указал, где хранятся сокровища. Но ни слова не произнес старец, и тогда палачи вырвали у него язык. Старик умер, так и не выдав врагам сокровища.

* * *

Гагрская крепость Абаата, одно из древнейших оборонительных сооружений Абхазии и всего Черноморского побережья Кавказа, сооружена в IV—V вв. Она представляла собой мощное укрепление. Расположение крепости на узкой полосе морского берега, с одной стороны огражденной гагрским холмом, а с другой — рекой Жоэква и морем, было исключительно удобным.

За долгие века своего существования крепость неоднократно разрушалась, восстанавливалась и частично перестраивалась. В XIV—XV вв. генуэзцы, основавшие в районе современной Гагры факторию Какара, по всей вероятности, размещались в крепости Абаата и вели торговые операции в первую очередь с абхазским пле-

³⁶ К. М а ч а в а р и а н и. Семь дней в горах Абхазии. Батуми, 1906.

менем садзов. Они, видимо, занимали не всю крепость Абаата, а лишь большую береговую башню, которая стала позднее именоваться Генуэзской.

В эпоху позднего средневековья Гагрская крепость стала местом убежища садзов; в ней хранились сокровища племени. О тайниках крепости Абаата упоминается в ряде источников. Так, К. А. Владимиров в книге «Древности Черноморского побережья Кавказа» пишет: «Под древними укреплениями Гагры известно громадное подземелье и целая сеть коридоров и ходов, по рассказам очевидцев запертых с обоих концов дверями. Существует легенда о зарытых там богатствах».

В 1830 г. Гагрскую крепость занял русский гарнизон, коренным образом ее реконструировавший. По углам крепости, за исключением ее восточной части, пристроили бастионы, крепостную стену в западной части сложили почти заново, проделав в ней бойницы.

В 1835 г. в Гагрской крепости стоял 5-й Черноморский батальон, в котором около пяти месяцев служил сосланный на Кавказ Николаем I декабрист Александр Бестужев-Марлинский. В одном из писем он назвал Гагру и крепость «гробом для русского гарнизона». Действительно, солдаты, служившие здесь, долго не выдерживали. Они сотнями гибли от малярии и под пулями горцев. За водой приходилось отправляться к речке Жоэквара, протекавшей у крепостной стены, и каждая такая вылазка была сопряжена с риском для жизни. Крепость была отрезана от внешнего мира, солдаты месяцами не получали писем с родины.

В середине 30-х годов крепость посетил известный русский ученый и деятель просвещения первой половины XIX в. Александр Давыдович Нордман. Он ознакомился с Гагрой и ее окрестностями. Экспедиция Нордмана, сопровождаемая Александром Бестужевым-Марлинским, совершила поездку вдоль побережья Абхазии. В 1836 г. в крепость Абаата приехал академик живописи Н. Г. Чернецов, который сделал ряд рисунков Гагрской крепости. По этим рисункам видно, что значительная часть древней стены была тогда еще в полной сохранности.

В апреле 1854 г., в период Крымской войны, гарнизон оставил крепость, а ее укрепления были взорваны. После окончания войны русские войска вновь заняли крепость и восстановили ее стены. В 1857 г. здесь ос-

новали военный госпиталь, просуществовавший до 1874 г., когда он был переведен в Сухуми.

В русско-турецкую войну (1877—1878) царские войска окончательно покинули крепость. В 1903—1921 гг. в крепости были расположены школа, банк, аптека и меблированная гостиница (ныне пансионат Жозквара). Это здание служило местом отдыха приезжих аристократов. Строительство климатической станции в Гагре весьма отрицательно отразилось на сохранности крепости. Стены ее варварски разрушали, пристраивая к ним всевозможные помещения. Начавшееся строительство черноморской железной дороги грозило ликвидацией крепости, так как по одному из проектов она должна была пройти через внутренний двор.

В настоящее время Гагрская крепость — историческая достопримечательность, часто посещаемая туристами. С крепостью Абаата в Старой Гагре связаны многие абхазские легенды.

Приведенная выше легенда записана в 1958 г. в городе Гагра от М. А. Купалбы.

ШТУРМ КРЕПОСТИ ГУИНТВИНТ

Неприступна была крепость Гуинтвинт. Правитель Западной Абхазии неспроста сделал ее такой: он хранил там сокровища, награбленные у народа.

Нарты решили взять крепость и завладеть казной. Не раз они осаждали и штурмовали ее, но каждый поход кончался поражением.

А племянника Цвица они не брали с собой — слишком тихим он был и скромным. Вот отправились они однажды в поход и снова ничего не сказали ему.

— Куда едут нартые? — спросил Цвиц Сатаней Гуашу, справедливейшую из женщин. — Почему не взяли меня с собой?

— Крепость Гуинтвинт — хранительница сокровищ злого правителя Запада, — ответила Сатаней Гуаша. — Давно хотят овладеть ею мои сыновья, но даже у них, богатырей, ничего не выходит. Чем же поможешь ты, тихий и слабый юноша?

Долго умолял Цвиц Сатаней Гуашу попросить братьев взять его с собой, если и этот поход окажется неудачным. И согласилась мать нартов.

Скоро вернулись братья-воины, и печален был их рассказ: крепость стоит, как скала, враги словно из железа сделаны.

Тут засверкали глаза Цвица надеждой. С ласковой улыбкой посмотрела на него Сатаней Гуаша. А когда отдохнули братья и снова стали собираться в поход, обратилась к ним мать со следующими словами:

— Возьмите на этот раз с собой Цвица, может, он вам пригодится.

Удивились братья.

— Неужели, мать, ты поверила словам мальчишки? Разве сможет он оказать нам помощь? Разве что стремяна у лошади подержит.

Поник головой Цвиц, и, видя это, нахмурила брови Сатаней Гуаша. Видя гнев матери, не посмели слушаться ее братья. Собрались они на военный совет и позвали на него Цвица. И спросили они его:

— Что ты можешь предложить нам и какую помощь собираешься оказать? Может, болтаешь попусту?

И сказал Цвиц такие слова:

— Возьмите пихтовую смолу, растопите и покройте меня ею. А потом перебросьте через стену крепости Гунтвинт и ждите. Как только увидите, что через крепостную стену просачивается кровь, бейте в стену камнями и стволами деревьев. Когда разрушите — устремляйтесь в пролом и крушите врагов.

Внимательно выслушали братья Цвица, недоверчиво покачали головами, но согласились.

И вот уже кони снова вздымают пыль по дороге, ведущей на Запад. Снова идут нарты к крепости, и Цвиц идет с ними.

Не знает он, что в это время в крепости готовят ему встречу. Старая колдунья узнала о его замысле и научила осажденных, как поступить.

— Выройте глубокую яму, — сказала она, — и тот, кого перебросят нарты через стену, попадет в нее. И вы забросаете непрошеного гостя камнями, и найдет он здесь свою смерть.

Не знала колдунья, что гость этот — мудрый и умный Цвиц. Когда упал он в яму, вырытую врагами, то не разбился, так как смола предоохранила его. А камни и брев-

на, которые бросали в него враги, отскакивали от острия его богатырской сабли.

Целый и невредимый выбрался Цвиц из ямы и стал рубить врагов. Рекою полилась кровь и размягчила стену. Легко разрушили ее нарты, ворвались в крепость и зарубили всех, кто не хотел сдаваться в плен. Пришлось расстаться с жизнью и жестокому правителю, а его невольников освободили нарты и раздали им часть сокровищ. Остальную же добычу повезли к себе домой. Радостно встретила их Сатаней Гуаша, а Цвица она крепко обняла и поцеловала, когда братья рассказали матери про его подвиг. Но не загордился Цвиц от похвал и даже отказался от своей части добычи. Счастливый и спокойный, пошел он в свою хижину.

Греясь у очага, услышал он, что братья ссорятся из-за доли старшего — самого храброго. Тогда вышел Цвиц из своей хижины и сказал:

— Если так, я беру свою долю, ведь вы знаете, благодаря кому взята крепость. Тогда моя доля — доля старшего.

И взял он ее и раздал бедным. Стыдно стало братьям. Пришлось и им последовать примеру Цвица — храброго из храбрых и скромного из скромных. Они тоже отдали беднякам свою добычу. А люди сложили песни, в которых славили Цвица-богатыря, благодаря которому была взята крепость Гуинтвинт.

* * *

Легенда о крепости Гуинтвинт, несомненно, имеет реальную основу. Сказители считают, что так называлась тогда Хашупская крепость, расположенная в 8 км к северо-востоку от села Гантиади. Там высится скала в виде башни, а вокруг нее находятся остатки укреплений. Скалистый утес густо порос лесом, внизу протекает река Хашупсе. Время постройки крепости — V—VII вв.

В средние века Хашупская крепость имела важное оборонительное значение. В доступных для нападения местах она была защищена мощной стеной, замыкающейся четырехугольными башнями. Сейчас высота стены — 8 м. Внутри развалины построек и цитадель.

Легенда взята из «Абхазских нартских сказаний».

Когда-то стоял в ущелье монастырь, богаты были его земли, и приносили они его обитателям громадный доход. Но частые набеги разбойников и пришельцев из-за моря опустошили монастырскую казну. И тогда задумали служители монастыря выстроить тайное хранилище для своих богатств. Местом строительства выбрали они неприступную скалу, к которой вела лишь звериная тропа. Полгода носили грубые, неотесанные плиты. Наконец в нише пещеры возвели подобие замка. Теперь уже не страшны были никакие набеги, ибо монахи, заслышав о приближении врага, переносили все золото, серебро и всю утварь в замок. Возвращаясь из замка, они заваливали звериную тропу колючим кустарником, сталкивали с высоты кручи камни. Хранили они столетиями тайну тропы, потому и был пещерный замок неприступен.

* * *

В легенде речь идет о Келасурском пещерном замке, находящемся в начале живописной долины реки Келасури, в 15 км от Сухуми. Замок расположен на небольшой площадке над крутым обрывом, примерно в 50 м над уровнем моря. Высота сохранившейся части стен с оконными проемами достигает до 7 м. Замок был сложен из грубоотесанных известняковых плит. В средневековье от замка вела узкая тропинка к монастырю, обнесенному каменной оградой. Неподалеку от развалин монастыря и замка, на левом берегу Келасури, имеется система келасурских карстовых пещер.

Аналогичные пещерные замки находятся также в скалистых откосах ущелья реки Беслетка за Беслетским мостом, на Кодоре в районе села Наа, в верховьях реки Хипса и у истоков реки Мчишта. Последний замок расположен на отвесной скале вблизи чернореченского форелевого хозяйства. В несколько этажей протянулись естественные пещеры, выходы из которых застроены стенками с окнами и проходами. Проникнуть в верхние этажи замка невозможно без специального снаряжения. Много легенд связано с этими таинственными пещерами. Так, в одной из них рассказывается, что в старину в зам-

ке жили монахи-аскеты, редко общавшиеся даже с соседними жителями. Позже в нем якобы поселились разбойники. Во всяком случае, тайна этих пещерных замков до конца не разгадана.

Легенда записана в 1963 г. от жителя села Багмарани Камучвы Харазия.

ЛЫХНЕНСКИЙ ДВОРЕЦ

1

Владельцем села Лыхны в далекие времена был князь Чачба. Решил он построить дворец невиданных размеров. Уложили фундамент и стали класть стены. Но никак не шла работа: разрушаются стены, словно земля трясется под ними. Позвал князь самых лучших мастеров, повелел им сложить стены вновь и трижды прочнее прежних. День и ночь трудились мастера, но все напрасно: первый же ливень размывал стены и башни.

Совсем опечалился князь. Сгоряча велел казнить мастеров. Созвал на совет старейшин. Поднялся с места древний старик и сказал:

— Ведаю, как построить дворец: нужна жертва великая — человеческая.

Выслушал князь старца и велел отобрать из простого народа самых красивых юношу и девушку.

Дали им еды на неделю. А потом князь приказал замуровать их в дворцовую стену, ибо только так, по словам старца, можно было сделать дворец неприступным. Замуровали обоих и возвели новый дворец. И никто из врагов не мог его взять.

До сих пор стонут стены старинного дворца. Конечно, это сказка, а только есть в ней и правда. Стонут не стены — память наша стонет, когда вспоминаем, как жилось народу в старые времена, при жестоких князьях.

2

Когда строился Лыхневский дворец, дело долго не шло на лад. Начатые кладкой стены каждый день раз-

валивались. Владетельный князь Абхазии обратился за советом к знахарке, и та объявила, что, пока князь не распорядится зарыть в фундамент в качестве жертвы божеству двух живых людей, дворца построить не удастся. Князь выполнил этот совет, и в фундамент здания были замурованы брат и сестра — рабы князя. С ними была замурована огромная корзина с одеждой и провизией на две недели. После этого дворец был построен. Рассказывают, что в течение двух недель из-под земли доносились стоны и вопли зарытых заживо несчастных.

* * *

Княжеский дворец, расположенный в селе Лыхны, на поляне, издревле называемой абхазами Лыхнаштой (лыхненская поляна), был построен в XI в. рядом с замечательным архитектурным памятником X в. — Лыхненским храмом. Дворец был одной из резиденций владетельных князей Чачба (Шервашидзе), которые правили в Абхазии с XIII вплоть до второй половины XIX в.

Здание дворца возводилось в два этажа: первый этаж использовался для хозяйственных нужд, второй — как жилые помещения. Стены сложены из местного камня, скрепленного известковым раствором. Главный вход во дворец расположен в западном фасаде. Почти вплотную к дворцу примыкает сооружение более раннего времени, напоминающее сторожевую башню. Исторических свидетельств, связанных со строительством дворца, не сохранилось.

Первая легенда записана в селе Лыхны в 1959 г. со слов известного сказителя, стодвадцатилетнего Антона Пилиа, бывшего участника этнографического хора долгожителей.

Второй вариант записан профессором Г. Ф. Чурсиным в Бзыбской Абхазии в 1928 г.

Подобного рода предания имеют хождение и у других народов Кавказа. У грузин, например, такое же предание связывается с постройкой Сурамской крепости. Сюжет его лег в основу повести грузинского писателя XIX в. Даниэла Чонкадзе «Сурамская крепость».

В Абхазии, недалеко от знаменитой Багадской скалы, там, где проходит Военно-Сухумская дорога, а горная река Джампал сливается с бурным Кодором, виднеется треугольное отверстие небольшого грота, которому абхазы еще много столетий назад дали поэтическое название «Грот царицы пчел». С этим местом связана любопытная абхазская легенда.

Как-то к одному набожному и благочестивому человеку явился дьявол и сказал:

— Что ты молишься богу, ведь создал-то тебя я?

В подтверждение этих слов он обратил честного человека в хромого нищего, в ногу которого вскоре завелись черви. Набожный человек снял с ноги червя и сказал:

— Пусть этот червь, которого создал бог из моего тела, послужит на пользу людям.

И червь превратился в пчелу. Она взлетела на небо, куда был взят живым и сам честный человек. С тех пор живет он на небе и посылает людям крупинки меда (медвяную росу). А позже бог создал богиню пчел Апану-Гунду.

По народному преданию, Анана-Гунда восседает попеременно то на большой скале Анантваре, в живописном ущелье реки Гумиста, близ Сухуми, то в месте слияния реки Джампал с Кодором.

* * *

Суеверные абхазы долгое время не тревожили Грот царицы пчел, и только перед началом Великой Отечественной войны им заинтересовались ученые и краеведы Абхазии. Видный специалист в области палеолита Кавказа Л. Н. Соловьев, много сделавший для изучения древностей Абхазии и Большого Сочи, установил, что еще восемь тысячелетий назад здесь начали селиться рыболовы, о чем свидетельствовали найденные при раскопках костяные наконечники гарпунов. Ученый установил также, что среди поселенцев были и отважные охотники, ходившие со своим несложным оружием на тура и медведя.

Эта удивительная пещера привлекла наших предков не случайно. Летом, когда горячее южное солнце нагревает камни и в ущелье становится очень жарко, грот сохраняет прохладу. Зимой же поступающая из верхних ходов струя воздуха создает в гроте более высокую температуру. Видимо, именно поэтому много веков назад жители абхазских гор избрали эту удобную пещеру для своей стоянки.

Не одна тысяча лет прошла, прежде чем климат этих мест стал теплее и ледовый панцирь растопило жаркое солнце. Прошел ледниковый период, и условия жизни человека стали легче: горы покрылись густыми лесами, появилась дичь. Однако пристрастие к рыбной ловле не оставляло наших предков. Они задумались над усовершенствованием примитивного гарпуна и стали изготавливать его из кости с легко отделяющимся наконечником. Те напоминали современные китобойные гарпуны и соединялись с деревянным древком крепкой бечевой, сплетенной из жил.

Много предстоит сделать не только ученым, но и музейным работникам, сотрудникам Общества охраны памятников культуры, чтобы Грот царицы пчел, где впервые на Кавказе обнаружена стоянка ископаемого человека, был превращен в объект посещения туристов и любителей памятников старины.

Абхазский отдел Главного управления охраны и использования памятников культуры и природы при Совмине ГрузССР и Абхазский государственный музей предполагают создать в Гроте царицы пчел музей. Там по примеру устройства аналогичной пещеры в западно-германском местечке Неандертале будут воспроизведены в гипсе фигуры обитавших здесь в глубокой древности людей.

Легенду пересказал автору кандидат исторических наук Л. Н. Соловьев.

Трудно себе представить, что когда-то красавицы Рицы не было, а на этом месте находилась глубокая котловина, окруженная высокими горами и девственными лесами. И текли там две бурные речки — Лашипсе и Юпшара, а в лесах обитало много зверей и птиц. Жили на самом дне этой котловины земледельцы и охотники из рода Апшицба, люди мирные и трудолюбивые. И только невзгоды заставили их поселиться вдали от моря, плодородной земли побережья и мира людей. В ту пору жадные да богатые охочи были грабить бедняков. А еще досаждали чужеземцы, которые сеяли смерть и голод на земле Апсны.

Куда деваться людям, трудом своим добывающим хлеб? Вот и выбирали они для житья места довольно неприступные.

Под защитой высоких гор, непроходимых дремучих лесов жил народ общины. Жил так и род Апшицба в поселке Рица, что значит «Их дно». Жизнь их протекала спокойно: охота была удачной, умножались тучные стада, и воды было достаточно в Лашипсе и Юпшаре. Не знали только Апшицба, что течет в Лашипсе священная вода и повелел верховный бог сурово наказать человека, пьющего из реки Лашипсе. А беда их подстерегала и наконец подстерегла. Однажды ночью услышали они страшный грохот. Небо было черным, ни звезд, ни друг друга не видно.

В ужасе пали они на колени и стали молить бога богов пощадить их. Но тот был непреклонен. Бросил он на Рицу водопады, каких никогда не видел и не увидит человек. А всего водопадов было девять. И затопила вода котловину в один миг.

Погибли и люди, и животные, и птицы. А наутро солнце, поднявшись высоко в небо, было несказанно удивлено: на него глядела синь прекрасного озера, обрамленного скалами. И это озеро получило название Рица — в честь поселка, находившегося некогда на дне котловины.

Когда-то на том месте, где ныне находится красавица Рица, была роскошная поляна, благоухающая и летом и зимой. Сейчас вы не увидите ни цветов таких, какие росли на этой поляне, ни птиц, которые некогда летали над этой поляной, ни зверей...

Волшебным, надо думать, считалось то место. Оттого так и необычны были и растения, и звери, и птицы той поляны.

Жил на поляне род Адзынба. Старший Адзынба уже имел и детей, и внуков, и даже правнуков. И жилось всем им беззаботно: и воды, и мяса, и хлеба вволю. Чем не жизнь?! Тем более что работать им приходилось немного: поляна-то была волшебная. Так и жить бы этим людям, но пришла нежданно-негаданно в те места большая беда. Однажды, оставив семейство свое в становище, ушел старший Адзынба в гости в местечко Калдахвары, а когда на третий день вернулся, то не увидел ни поляны, ни становища, ни тучных стад своих, ни детей, ни внуков. Перед ним раскинуло голубую гладь своих вод громадное озеро. День, два, неделю сидел на берегу озера убитый горем Адзынба. Видел он, как на поверхность всплывали то обломки домашних построек, то утварь, то шерсть. На седьмой день поклонился Адзынба месту тому, где нашла гибель его семья, и ушел вниз, поклявшись никогда более не возвращаться к озеру.

Стар был Адзынба, но крепок. Остался он один как перст. А род продолжать было надо. Женился Адзынба на калдахварской девушке и поселился навек в селении Балабурхва. Сейчас нет в живых ни одного представителя этого несчастного рода. Однако у Адзынбы и от второй жены были дети. А у детей — внуки. Но суждено было роду Адзынбов погибнуть, ибо какая-то непонятная сила тянула их к Рице. А пришедши на озеро, они безумели и кидались в воду. Старики говорили, что хотелось каждому из рода Адзынбов повидать на дне озера своих предков.

Так давно это было, что даже тысячелетний самшит, даже бурная Бзыбь не помнят, как появилось озеро Рица. Лишь одному пастуху, который поднялся в горы в

поисках хорошего пастбища для своих овец, рассказал это предание звонкий, говорливый ручей. Пастух пересказал предание своим детям, дети — внукам, те — правнукам, а один из них повторил его мне.

...Когда-то в горах Абхазии, на том месте, где лежит озеро Рица, находилась долина, по которой протекала широкая плавная река. Она несла свои воды к морю и была так спокойна, что даже ребенок мог безбоязненно в ней купаться.

По берегам реки раскинулись сочные пастбища, на которых пасла овец и коз молодая девушка Рица. Пунцовые горные тюльпаны не могли соперничать с цветом ее губ, море не могло затмить голубизну и блеск ее глаз, а снега на вершине гор казались черными по сравнению с белизной ее лица. Ее косы были похожи на длинных извивающихся змей, черных, как агат.

У Рицы было три брата: старший — Агепста, средний — Ацетук и младший — Пшегишха. Братья целыми днями бродили в горах и охотились на быстроногих джейранов. Они возвращались к Рице по вечерам и садились у костра, сеявшего яркие искры в темном ночном небе. Рица жарила мясо, а братья пели песни. Горы слушали эти песни и, засыпая, кутались в густой туман.

Однажды братья простились с сестрой и отправились далеко в горы за добычей. Прошел жаркий день, горы окрасились багрянцем заката, а братья все не возвращались. Долго ждала их Рица, потом собрала своих овец и коз у реки и, не разводя костра, легла на берегу. Она смотрела на первые звезды, зажигающиеся в небе, а звезды смотрели на нее и весело сияли ей своими лучезарными глазами. Радостью наполнилось сердце Рицы. Закрыла она глаза и запела песню. Голос ее лился так плавно и красиво, был исполнен такого обаяния, что ночные птицы перестали перекликаться и ручьи остановили свой бег. Вся природа внимала голосу Рицы.

Услышали эту песню два лесных разбойника — братья Гега и Юпшара. И сказал Гега:

— Брат мой Юпшара, поезжай и узнай, кто поет в долине, у кого такой чарующий голос.

Хлестнул коня Юпшара и помчался, не разбирая дорог, в ту сторону, откуда доносилась песня Рицы. Остановил он коня у обрыва и увидел девушку, лежавшую на берегу реки. Оцепенел Юпшара. Никогда еще не встречал он такой красавицы. Звериная страсть вспых-

пула в его черной душе. Он бросился к Рице и заключил ее в свои объятия. Словно птица забила в его руках и стала звать о помощи. Увидел это горный сокол, расправил крылья, стрелой полетел к братьям, чтобы рассказать о том, что грозит их сестре. Гнев запылал в сердцах братьев. Стремглав помчались они спасать сестру.

Но было уже поздно... Юпшара не выпускал Рицу из своих железных рук. Тогда Пшегишха поднял свой богатырский щит, метнул его в насильника, да промахнулся. Щит упал поперек реки и запрудил течение. Вода хлынула на берег, и огромное озеро появилось в долине.

Рица увидела, что у ее ног разливается огромное озеро. Тоска наполнила ее сердце. Не смогла девушка перенести позора, горестно вскрикнула и бросилась в его воды.

Юпшара почувствовал ледяное прикосновение волн и обратился в бегство. Братья кинулись в погоню за ним. Агепста настиг его, схватил могучей рукой и швырнул в озеро. Но закипела вода, перебросила Юпшару через щит Пшегишхи и стремительно понесла в море.

Тщетно цеплялся Юпшара за склонившиеся у берега кусты, вырывая их с корнями. Не смог спасти его и Гега, бежавший вслед за ним по берегу.

А три брата, охваченные горем, окаменели, превратились в высокие горы. Стоят они и до сих пор над прозрачной водой озера, охраняя вечный покой Рицы.

* * *

Жемчужиной Кавказа называют озеро Рица. Расположенное высоко в горах, окаймленное густыми лесами и живописными скалами, оно является поистине изумительным творением природы. Трудно оторвать взор от зеркальной глади его вод, нельзя наглядеться на сказочную красоту прибрежного ландшафта.

Относительно происхождения озера в абхазских легендах существует несколько версий.

Три варианта приводятся выше. По ним можно заключить, как в древности люди пытались объяснить таинственные для них явления природы.

В настоящее время о возникновении озера Рица существует две точки зрения. Одни полагают, что оно появилось вследствие обвала части горы Пшегишхи, пере-

крывшей течение Лашипсе³⁷. «Известняки, слагающие горы Абхазии,—писал видный советский кавказовед Г. Ф. Чурсин,—подвергаясь размыванию и растворяющему действию воды, образуют многочисленные пещеры с подземными реками и озерами, дают начало провалам и воронкам, которые, наполняясь водой, превращаются в озера. Здесь мы имеем дело с так называемыми карстовыми явлениями»³⁸.

По утверждению других, озеро Рица обязано своим появлением тектоническим процессам — поднятию и опусканию почвы поперек русла реки Лашипсе³⁹.

При обследовании дна озера никаких следов древнего поселения не обнаружено.

Озеро находится на высоте 920 м над уровнем моря. Длина его — 2490 м, ширина — 275—870 м, глубина достигает 120 м. В озеро впадают три горных потока. Отсюда берет начало река Юпшара.

Над озером с севера поднимается гора Ацетук (2539 м), венчающая Агепста-Ацетукский гребень. В восточной части над озером возвышается гора с вершиной Аячхо (2796 м), на западе к озеру обрывается уступ горы Пшегшха (2222 м).

«ДЕВИЧЬИ СЛЕЗЫ»

Заметили вы по дороге на озеро Рица водопад? Он струится уже долгие годы, и тысячу лет еще струиться ему. Водопад этот необычный, и вода там тоже необычная — холодная, чистая, как слеза. И ветер играет слезою, и солнце играет, но не сушит ее. Неиссякаема эта слеза, девичья слеза, горячая. А когда-то, очень давно, не было здесь ни дороги, ни абхазского села Бзыбь, ни водопада. Стоял на этом месте один-единственный дом. И жила в нем семья пастухов. И была у стариков

³⁷ Подробнее об этом см.: Л. Конюшевский. Из наблюдений в карстовой области Сухумского округа.— «Бюллетень Тифлисского общества любителей природы». Т. I. Тифлис, 1913, с. 16.

³⁸ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 235.

³⁹ См.: Н. С. Куфтырва, Ш. В. Лашхия, К. Г. Мгеладзе. Природа Абхазии. Сухуми, 1961, с. 178—180.

дочь — молодая красивая девушка. Имя ее сейчас забылось. Пасла эта девушка коз и часто уходила с ними высоко в горы. Там она и приглянулась горному духу, и они полюбили друг друга. Узнала об этом злая ревнивая волшебница, крикнула так, что ходуном заходили горы, закипели реки и с корнем вырвались многовековые деревья.

— Нельзя допустить, чтобы любила смертная бессмертного духа. Не бывать тому, пока хозяйкой здесь я!

И решила злая волшебница погубить молодую девушку, ибо бессильна была она бороться с горным духом. Стерегла волшебница девушку днём и ночью. И выследила ее однажды, когда пришла девушка со стадом к краю обрыва. Схватила волшебница девушку, подняла высоко ее над горными хребтами:

— Брошу тебя вниз на скалы, будешь ты добычей хищных птиц, если не откажешься от любви своей к горному духу.

Взмолилась девушка и стала звать друга своего, но он был тогда далеко от этих мест — парил высоко над другим отрогом Кавказских гор — и не слышал призывов своей возлюбленной.

Тогда стала просить девушка волшебницу пощадить ее любовь. Но неумолима была волшебница. Она была уже готова бросить девушку на острые скалы, как вдруг брызнули слезы любви из глаз красавицы, и зазвенел ее голос по ущельям и кручам:

— Пусть я умру, но отольются тебе мои слезы. И тысячу лет, и две будут литься они с горного уступа. И не будет тебе покоя вовек — за погубленную любовь человеческую.

С тех пор и льются водопадом девичьи слезы.

* * *

Водопад «Девичьи слезы» находится в начале дороги на озеро Рица, на правом берегу реки Бзыбь. Он образован талыми водами с альпийских лугов, фильтрующимися сквозь толщу известняковых скал. Эти струи образуют рядом с шоссе прозрачную, искрящуюся на солнце водяную решетку.

Легенда записана от Чкоки Канджария в 1955 г. в селении Бзыбь Гагрского района.

В стародавние времена в Южной Абхазии жил один пастух по имени Боши. Все лето пас он отару в горах и хорошо откормил овец. В месяц дождей перегнал Боши стадо в долину, постриг и, так как стояли погожие дни и ничто не предвещало приближения зимы, вернулся назад в горы. Под вечер расположился он со стадом на берегу озера Эрдзегашра. Как стемнело, из вод озера вышел огромный баран и до утра играл с его овцами. Пастух в изумлении глядел на это зрелище.

Баран и на вторую ночь поднялся из вод озера. Еще на полтора месяца задержался Боши в горах.

На второй год, по весне, сказал ему младший брат: — В этом году я пойду с отарой в горы.

Долго не соглашался Боши, уж очень не хотелось ему отпускать брата, но тот все-таки настоял на своем.

Погнал младший брат стадо и вскоре пришел к берегам Эрдзегашра.

Ночью из озера вышел огромный баран и стал покрывать маток. Удивился пастух, не удержался и громко вскрикнул. Шарахнулось в испуге стадо овец. Вздрогнул и чудесный баран, бросился в воды озера, а за ним попрыгало туда и все стадо.

Опечаленный младший брат с пустыми руками возвратился домой и поведал Боши о своих злоключениях.

Огорчился Боши:

— Говорил я тебе: не ходи — ничего не будет от этого хорошего!

Взял тогда Боши различные музыкальные инструменты — *соинари*, *чианури*, *чонгури*, — поднялся к озеру Эрдзегашра, сел у берега, запел, а потом заиграл — сначала на одном, потом на другом и так по очереди на всех инструментах. На звуки музыки из озера вышли овцы.

Удивился младший брат и от радости снова вскрикнул. Тогда стадо бросилось в воду. Горько опечалился Боши. Долго он цел, играл, но стадо больше не возвращалось.

— Без отары не к чему мне жить! — воскликнул в отчаянии Боши и последовал за своим стадом, бросившись в воды Эрдзегашпра.

После этого пастухи много раз слышали крики «Гей! Гей!», доносившиеся из озера. И не раз, перегоняя стада, видели они, как волны прибивали к берегу озера клочья овечьей шерсти.

* * *

Подобные легенды сложены и о других кавказских озерах. Так, аналогичная легенда бытует на Северном Кавказе — в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Согласно поверью, озеро Шатхурей, находящееся вблизи аула Кармово, и речка Екянцок считались заколдованными. Полагали, что здесь нельзя купаться. Тех же, кто осмеливался броситься в воды озера во время жары, будто бы затягивала пучина. И с тех пор, как в озере Шатхурей исчезла отара овец с пастухами, каждый год весной, во время стрижки баранов, поверхность озера покрывается шерстью, а при лунном свете из воды выходят два белых как снег барана, пасутся на берегу, а затем опять погружаются в бездонную пропасть Шатхурей.

В Карачае подобная легенда связана с горным озером Хурлакюль, только с той разницей, что ночную тревогу близ озера вызывает баран с золотыми рогами, излучающий какой-то фосфорический свет, а в озере погибает лишь один хозяин стада по имени Аймуш.

Легенды публикуются по сборнику «О кавказских горцах» (1883, № 3) и статье «Кабардинские предания, сказания и сказки. Записаны по-русски». — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. XII. Тифлис, 1891, с. 49 — 50.

Когда-то там, где теперь в ожерелье из огромных известняковых глыб лежит озеро Аมткел, было глубокое тенистое ущелье. В излучине реки, в средней части ущелья, находилась большая поляна, всегда покрытая свежей, сочной травой. Однажды, спасаясь от заслуженной

кары, бежал по ущелью конокрад. Увидел он поляну, окруженную обрывистыми скалами, и реку, спокойно несущую свои воды. Понравилось ему это место вдали от людей. Вскоре все конокрады Абхазии знали эту поляну и сгоняли сюда свою добычу, а затем переправляли ворованных коней через перевал.

Неподалеку, в Дальском ущелье, жила-была вдова охотника-абхаза с маленьким сыном. Была у вдовы кобыла с жеребенком. Сын вдовы очень привязался к жеребенку. Ходил с жеребенком по лесистым холмам, рвал ему вкусную траву, отгонял назойливых мух. А перед сном обязательно желал жеребенку спокойной ночи.

И вот однажды случилось несчастье. Зловредные конокрады украли лошадь с жеребенком. Затосковал мальчик, ни пить, ни есть не мог, все плакал и просил найти своего друга. Бросилась мать к соседям с просьбой помочь, но и они ничего не смогли сделать: в надежном месте спрятали жеребенка воры!

Прошло немного времени, и совсем плох стал мальчик. Посмотрел его знахарь, покачал головой и сказал: — Не выгнать злого духа, умрет твой сын.

Заломила мать в отчаянии руки, кинулась вон из хаты и стала осыпать страшными проклятиями обидчиков-конокрадов. Требовала она, чтобы горы обрушились на негодяев, погубивших ее сына. И дрогнули горы, и далекий гул прокатился многократным эхом по вершинам.

А конокрады между тем спокойно ждали момента, чтобы перегнать новую добычу за перевал. На сочной траве полянки в тени нависших утесов резвился жеребенок. Но не успели негодяи уйти за перевал. Однажды под вечер услышали воры, как ветер стал странно подвывать, будто оплакивал кого-то, как женщина-плакальщица на похоронах. Ветер крепчал, все грозней ста-

новился его вой, вместо плача гнев звучал в нем, призыв к мести, к расплате за зло. Испугались конокрады, никак не могли понять, что случилось, однако почувствовали, что надвигается какая-то опасность.

Перерос вой ветра в дикий вопль, в проклятие... И вдруг стих. А в наступившую тишину стал вползать сначала тихий шорох, затем легкий треск. Увидели воры, как на них медленно поползла скала, посыпались на свежую траву мелкие камни. Бросились конокрады врассыпную, да поздно. Гора заслонила небо, наклонилась и рухнула в ущелье. Огромные глыбы, перекатываясь друг через друга, заполнили его от края до края, запрудили спокойную реку, вспенили ее, поднялись двухсотметровой плотиной. И стала вода заполнять образовавшееся пространство. Цвет нового озера был грязно-белым от растворившихся в нем крошек известняка. На водной глади плавало несколько обрывков одежды конокрадов. Проклятие несчастной матери свершилось.

* * *

Если ехать по Военно-Сухумской дороге до Цебельды, затем проселочной дорогой подняться вдоль лесистого ущелья, то на высоте 540 м над уровнем моря откроется чудесный вид на озеро Амткел. После Рицы это второе по величине высокогорное озеро Абхазии. Длина его равняется 2,3 км, ширина достигает 450 м, глубина — 122 м.

Пока что Амткел не пользуется такой популярностью, как прославленная Рица, но не будет преувеличением сказать, что по красоте своей оно ничем не уступает признанной «жемчужине Кавказа».

Озеро Амткел находится в 45 км от Сухуми, имеет хорошие климатические показатели. «Родилось» оно сравнительно недавно, на памяти ныне живущих людей.

В 1891 г. горный обвал обрушился в ущелье и перегородил реку Амткел гигантской плотиной, достигавшей почти 2000 м в длину и 200 м в высоту. Как сообщалось в газете «Кавказ» по поводу этого события, «до этого обвала произошло землетрясение не только в Цебельде, но и в Сухуме, а страшный шум обвала разогнал всех

⁴⁰ К. М а ч а в а р и а н и. Цебельдинский обвал.— «Кавказ». Тифлис. 1891, № 273.

цебельдинских кабанов и диких коз, на которых охотились наши сухумские охотники⁴⁰».

Легенда об озере Амткел возникла сравнительно недавно среди жителей Кодорского ущелья. Записана в 1964 г. в селении Мрамба Гульрипшского района от Л. Н. Вороновой.

ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ ГОЛУБОЕ ОЗЕРО

Прекрасная Дзыдзлан — владычица вод. Живет она в богатых чертогах глубоко под водой. Ее красивые золотистые волосы волнами спускаются до пят, причем пятки у нее спереди, а ступни сзади — никто не может повалить ее на спину. Есть у Дзыдзлан волшебное зеркало, в котором отражается все, что происходит на свете, — все видит, обо всем знает красавица! Влюбляется она только в самых красивых мужчин, заманивает их к себе, а затем отпускает с богатыми подарками.

Жил-был на свете один очень ленивый пастух, к тому же очень уродливый. Пас он стадо на склонах горы Мамдзышха. И прослышал лентяй, что где-то в этих местах живет красавица Дзыдзлан. Очень ему захотелось ее увидеть и чтобы она полюбила его. И так как лентяй полагал, что необычайно хорош собой, то часто стал уединяться на одной зеленой лужайке на берегу прозрачного ручейка, вытекавшего из пещеры недалеко от реки Бзыбь. Здесь в тени самшита он засыпал, надеясь, что во сне Дзыдзлан придет к нему скорее.

Красавица действительно узнала, что на поляне бывает какой-то мужчина. Любопытство взяло верх, она решила пойти посмотреть, кто это так добивается ее внимания. Но когда Дзыдзлан подошла к спящему и увидела его уродство, она рассвирепела, схватила сонного лентяя и швырнула на землю.

Удар был настолько сильным, что потолок находившейся под лужайкой пещеры не выдержал и рухнул. И образовалось здесь со временем большое озеро, которое было названо Голубым за его особенный цвет.

Голубое озеро, о котором идет речь в легенде, находится на тринадцатом километре дороги к озеру Рнца, на правом берегу реки Бзыбь. Озеро карстового происхождения, из-под скалы сбоку вырывается шумный поток. Площадь озера — 180 кв. м, глубина достигает до 76 м. Дно озера покрыто отложениями лазурита, а вода абсолютно прозрачная, поэтому цвет озера не меняется, оставаясь голубым даже в самую ненастную погоду.

Вариант легенды записан в 1968 г. в Сухуми от Г. Ч. Ашхаруа.

КАМЕННЫЙ РИФ НАГВ-ИХАХУ

В Гудауте, метрах в пятистах от берега, виднеется в море подводный риф. На северном склоне каменной громады есть большая пещера.

Называют в народе этот риф Нагв-Ихаху. Откуда такое название? Рассказывают старики...

Сейчас этот риф весь зарос водорослями, и заплывают в его пещеру только рыбы. А когда-то, в далекие времена, была здесь замшелая скала, и стояла она на равнине далеко от моря.

В те давно минувшие времена жил в прибрежном ауле пастух по имени Нагв. Каждый день на рассвете пригонял он к морю свое стадо, чтобы овцы и коровы попили солоноватой водицы, а потом уже гнал их на пастбище.

И вот однажды во время водопоя с моря вдруг подул сильный ветер. Волны хлынули на берег одна страшнее другой. Нагв с подпасками стали гнать стадо прочь от берега, но было поздно. Все вокруг затопила вода, стадо погибло. А Нагв с подпасками укрылись на замшелой скале: только она одна еще возвышалась над бушующими волнами.

Спрятались люди в пещере, надеясь переждать жестокую бурю. Но море все бушевало, и казалось, весь берег опускался под страшными ударами тяжелых ва-

лов. И настала ночь, и дрогнула огромная скала и тоже ушла под воду. Хлынули волны в пещеру, где прятались люди, и никто из них не вышел из каменной могилы.

Когда ураган утих, весь берег стал добычей моря. Только над верхушкой скалы еще пенились буруны.

Так погиб пастух Нагв со своими помощниками в ту далекую страшную ночь. Но память о нем сохранил народ. С тех пор и называют этот подводный каменный риф Нагв-Ихаху.

И пещера та сохранилась. Но сегодня заплывают в нее только рыбы.

* * *

В Гудауте, напротив санатория «Строитель», в 500 м от берега, в море действительно виднеется подводный каменный риф, названный в народе Нагв-Ихаху.

Длина его — 30 м, ширина у основания — 20 м, высота — 7,5 м. На северном склоне скалы на глубине 5 м находится пещера со значительных размеров входным проемом. В ней свободно могут поместиться четыре человека. Весь риф покрыт морской травой, в его расщелинах водится много рыбы.

Легенда записана в 1963 г. в селении Лыхны Гудаутского района от сказителя Антона Пилиа.

СМЕРТЬ МИТРИДАТА

...Грозный Митридат в сопровождении большого отряда воинов объезжал многолюдные улицы Диоскурии. Колхи⁴¹, увидев царскую процессию издалека, падали ниц. А процессия двигалась дальше, пока не остановилась перед парком Медеи. Здесь Митридат оставил свою пышную свиту и скрылся в тенистой аллее. Надо было видеть тот парк, чтобы оценить его красоту. Огромные

⁴¹ Согласно античным источникам, колхи — племена, населявшие Колхиду в VI—I вв. до н. э.

кипарисы простирали к небу свои могучие ветви. Тихо колыхались агавы. Высокие пальмы бросали густую тень на дорожку парка. Кругом благоухали цветы. Митридат шел крадучись и наконец достиг прекрасного озера. Он притаился в кустах, наблюдая, как грациозно плавают лебеди. Вдруг птицы забеспокоились: на середину озера выплыл богато украшенный челн. Митридат задрожал от гнева: в челне он увидел молодого прекрасного воина в ярких одеждах и рядом с ним девушку необыкновенной красоты.

Едва сдерживая проклятия, он пробормотал:

— Сын, мой сын! Доносчик оказался прав... Фарнак, мой сын, и дочь проклятого богами Суллы — Галаира — вместе...

Между тем молодые люди продолжали оживленно беседовать, и Митридат, напрягши слух, слышал слова девушки:

— Поклянись Кастором и Полидевком, могучими Диоскурами, сыновьями Зевса, что не обманешь меня и отныне не поднимешь меч на Рим.

— Порука тому — моя любовь к тебе, — тихо отвечал юноша. Митридат увидел, как сын его Фарнак вынул меч, и вновь услышал его голос:

— После смерти моего отца я стану царем Понта, Парфии и Боспора. Обещаю тебе никогда не вести войн на твою родину. Если не исполню обещания, пусть Полидевк поразит меня могучей своей рукой, а Кастор истопчет меня копытами своего коня.

После этих слов Митридат круто повернулся и быстро зашагал по тропинке туда, где ждала его свита...

Два следующих дня Митридат пребывал в глубокой печали. Наконец он повелел призвать к трону сына своего Фарнака.

В тронном зале собрались воины и приближенные царя. И вот вошел Фарнак.

— Я у ног твоих, отец...

Митридат сурово посмотрел на Фарнака и, встав с трона, грозно заговорил:

— Смотрите, люди, смотрите, славные мои воины. Вот сын мой, Фарнак. Он полюбил дочь нашего врага, нашу пленницу — презренную Галаиру. — Митридат перевел дух: — Отвечай, сын, людям.

Но Фарнак не смутился. По-прежнему спокойно было его чело.

— Воины хорошо знают меня, — сказал Фарнак гордо. — Они не поверят клевете. Я пролил с ними вместе слишком много крови. Да, я люблю Галаиру, по что из этого? Разве в твоём государстве, отец, запрещено любить? Ты жив, и ты диктуешь свои законы. Ты умрешь, как каждый из нас, и законы твои станут прахом. А желание твоё поставить мир на колени — чего будет стоить оно?

В зале раздался гул одобрения. Да, воины хорошо знали мужественного Фарнака. И слова правды, брошенные им надменному царю, пришлись по душе каждому, кто находился в том зале.

Фарнак встал с колен.

— Прости, отец, я ухожу. Но я хочу сказать тебе, что буду жить по тем законам, которые подскажет мне моя совесть, моё чувство, — сказал он и покинул дворец.

Прошло два года. Митридат по-прежнему лелеял мечту о завоевании мира. Фарнак любил Галаиру, ничто не могло помешать их любви.

Митридат собрал войско, чтобы совершить опустошительный набег на Рим. Не давало ему покоя честолюбие: он видел прославленных римских полководцев у своих ног.

— Что ты задумал, отец? — спросил Фарнак, когда они медленно объезжали громадное войско сынов Колхиды.

Митридат молчал. Развернул тогда Фарнак своего коня и стрелой помчался в сторону от войска.

— Люди! — кричал сын царя. — Люди, неужели вы не устали воевать? Неужели так сладко опьянение победой? Неужели тысячи трупов могут радовать ваши глаза?

Фарнак мчался на коне, не разбирая дороги. Он не замечал, как за его спиной собирались воины. И когда наконец конь принес его к дому возлюбленной, он увидел за собой легион — это были те, кому война и смерть были ненавистны. Эти люди приветствовали Фарнака, по лицу царского сына бежали слезы радости.

А Митридат, покинутый воинами и царедворцами, печально сидел в одиночестве. Затем он спустился в подземелье дворца. Оттуда потайной ход вел в гробницу, которую уже давно приготовил себе Митридат.

Царь обрушил огромный камень, закрыв им ход в гробницу, снял с себя меч с золотой рукоятью, поставил клинок к сердцу и так кончил свою жизнь. Тело его навсегда осталось замурованным в скале рядом с нынешней Керчью, в те далекие времена называвшейся Пантикапеей, и никогда не было найдено.

* * *

Митридат VI Евпатор (132—63 гг. до н. э.) — понтийский царь, один из основных противников Римского государства в первой половине I в. до н. э. Он был крупным государственным и военным деятелем, покровителем наук и искусств, одновременно человеком, отличавшимся крайней жестокостью и суеверием. Митридат превратил Колхиду в одну из провинций Понтийского царства, поставив во главе ее одного из своих сыновей. В 71 г. до н. э. римский полководец Лициний Лукулл вытеснил Митридата из Малой Азии.

В 66 г. Гней Помпей разбил войска Митридата при Евфрате. Митридат вынужден был провести зиму 66/65 г. до н. э. в Диоскурии, где сосредоточился его основной флот. Находясь в Диоскурии, Митридат составил план дальнейшей борьбы против Помпея. Однако блокада римлянами городов Керченского полуострова и восстание понтийцев под предводительством сына Митридата — Фарнака, недовольных его правлением, сорвали его замыслы. Митридат, оставшись в одиночестве, пытался отравиться, но безуспешно, поскольку много лет подряд принимал различные яды в профилактических целях. Тогда царь приказал своему рабу-кельту убить себя.

Фарнак заявил Помпею о полной капитуляции. Ему были оставлены владения отца, и он был признан другом римского народа. Понтийское царство, ослабленное многочисленными войнами, вскоре, однако, распалось. Цветущие города Колхиды, в том числе и Диоскурия, пришли в запустение, а спустя несколько десятилетий разрушенный древнеабхазскими племенами гениохов город братьев-диоскуров опустился на морское дно. В I в. н. э. на берегу бухты, на дне которой покоится город Диоскурия, римские завоеватели построили крепость Севастополис (современный Сухуми), которая

вскоре стала одним из главных опорных пунктов римлян на побережье Черного моря. Такова историческая основа приведенной выше легенды.

Между прочим, Екатерина II является виновницей того, что древнее название Сухуми — Севастополис — дано было городу, когда-то называвшемуся Херсонес Таврический (в районе современного Севастополя), а Херсоном был назван порт на Днепровском лимане. Эта путаница произошла в 1783 г., когда императрица распорядилась присвоить вновь открытым портам на Черноморском побережье России их античные названия.

Текст легенды приводится по публикации Ф. Д. Картавина «Смерть царя Митридата Евпатора» («Черноморский альманах», 1914).

ТРУСЛИВЫЙ ЦАРЬ

На левом берегу реки Кодор раскинулся некогда большой город с дворцом, где жил владетель этих земель. К нему часто приезжал птицелов из Сатамашо.

Как-то по дороге во дворец на большой поляне птицелов увидел нечто удивительное: на одной стороне поляны сидели волки, а на другой — лисицы. Между ними сначала, казалось, шел спор, затем началась драка: победителями вышли лисицы, оставшиеся в живых волки бежали.

Когда птицелов рассказал владетелю о том, что увидел, тот решил: это знамение. Какой-то маленький народ объявит ему войну и победит его. Пока есть время, лучше бежать отсюда. Как он решил, так и сделал, а царство заняли другие народы.

* * *

До недавнего времени ученые и краеведы полагали, что на месте Адзюбжа, на побережье Кодора, называемом Скурча, находились руины античного города Диоскурия. В устье Кодора вдаются в море мысы Ко-

дор и Искурия. Французский путешественник Фредерик Дюбуа де Монперэ писал: «Само название второго мыса говорит нам о знаменитой местности, и мы не должны быть далеко от территории, которую занимала античная Диоскурия, эта метрополия греческих колоний Абхазии. Действительно, как только наша шхуна обогнула мыс Искурию, перед нами вырисовывается на юго-востоке маленькая бухта, которая дает нам возможность приблизиться к месту, где располагалась древняя Диоскурия; ее руины находятся в устье маленькой реки, называемой Искурия, Цкузамели или Мармар.

Грекам удалось основать много колоний, но история их осталась скрытой во мраке, так как колонии эти были слишком удалены от великих событий Греции, между тем следы их существования и могущества еще не изгладились.

Диоскурия была метрополией своего рода республики, которая распространялась от берегов реки Кодор и далее до берегов реки Ингур...»⁴².

Основоположник абхазской литературы, известный ученый Д. И. Гулиа в своей статье «Сухум не Диоскурия» придерживался аналогичного взгляда. Вопрос о существовании Диоскурии на левом берегу реки Кодор до 1952 г. поддерживали и ряд исследователей и краеведов. Но после проведения планомерных археологических изысканий в различных пунктах Сухуми под руководством известного абхазского ученого-археолога М. М. Трапша вопрос о том, где была расположена Диоскурия, решился в пользу Сухуми.

В легенде «Трусливый царь», вероятно, вспоминается о правлении какого-то реального местного владельца, жившего в районе Адзюбжы, где сохранились до нашего времени развалины дворцов и оборонительных сооружений.

Легенда впервые записана Д. И. Гулиа.

⁴² Ф. Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. Т. I. Сухуми, 1937, с. 145—146.

В стародавние времена жил в славном городе Анапе мудрец. Был он одинок, а потому взял себе на воспитание мальчика-сироту. Очень полюбил он смышленного мальчишку и привязался к нему всей душой. И мальчик платил тем же своему воспитателю-аталыку.

Время шло, мальчик многому научился. За это время он вырос в красивого юношу. А мудрец постарел и ослабел. И пришло ему время умирать. Призвал он к себе юношу и сказал:

— Ничего я не могу оставить тебе в наследство, кроме знаний, которые ты приобрел, да еще вот этого маленького сундучка. Береги его как зеницу ока. Когда-нибудь он тебе очень пригодится.

Сказал так мудрец и умер.

Долго горевал юноша, оплакивая своего аталыка. Но прошло время, и решил он узнать, что же хранится в заветном сундучке. Поднял крышку и удивился: сундучок был пуст! Только в самом углу лежали две черные свечи: одна целая, а другая наполовину обгоревшая.

«Зачем мне эти свечки? — подумал юноша. — Может, в память учителя зажечь?»

Высек он огонь и зажег половину черной свечи. Но едва вспыхнуло красное пламя, потянуло жарким ветром и перед юношей появился черный дух — великан с красными глазами.

— Зачем ты открыл сундук и что тебе нужно? — спросил он юношу.

— Я хотел бы увидеть своего аталыка, чтобы он передал мне всю свою мудрость, — ответил юноша.

— Мертвые пребывают в ином мире, куда мне нет входа, — сказал черный дух. — Но все другие твои желания я буду исполнять всякий раз, когда ты зажжешь свечу. Только помни: эта скоро догорит, да и второй хватит ненадолго. А когда вторая черная свеча догорит, я больше к тебе не явлюсь. Так что выбирай желания осмотрительно.

Но кто может быть осмотрительным, когда кипит молодая кровь? И юноша снова зажег свечу и высказал черному духу свое самое заветное желание:

— Доставь мне сюда к ночи самую красивую девушку Кавказа!

А в то время в Дербенте правил могущественный Аксак Темир. Была у него единственная дочь, и считалась она первой красавицей по обе стороны Кавказского хребта. Ее-то и выбрал дух для своего повелителя. Ночью перенес красавицу в Анапу, и юноша миловался с ней до первых петухов. А на рассвете вызвал черного духа и велел отнести красавицу назад.

Наутро красавице все это показалось девичьим сном. Однако этот же сон повторился и на другую ночь, и на третью... Загрустила красавица, стала задумчива.

Совсем впала в отчаяние красавица и решила обо всем рассказать родителям.

Когда узнал Аксак Темир постыдную тайну своей дочери, гневом вспылал он и поклялся жестоко покарать обольстителя. А пока поставил у комнаты дочери стражу.

Однако ночь красавица снова провела в объятиях юноши в Анапе, и никто ничего не заметил.

Тогда сказал ей Аксак Темир:

— Надень на себя ожерелье матери, намотай на руку мои четки и, когда будешь в том доме, оставь все незаметно в каком-нибудь углу. По этим приметам мы найдем и уличим обидчика.

Но эти уловки ничего не дали: все вещи оставались на ложе красавицы — не брал их черный дух, а сама она каждую ночь исчезала.

В ярость пришел Аксак Темир.

— Да ты хоть узнаешь соблазнителя в лицо? — спросил он дочь.

— О, конечно, узнаю! И еще скажу: дом его у моря, каждую ночь я слышу шум волн.

— Тогда пройду я все побережье Кавказа, а его отыщу! — вскричал отец.

Созвал Аксак Темир всех своих князей и узденей, собрал большое войско, прихватил с собой дочь и отправился искать обольстителя.

Долго шли они и немало племен покорили на своем пути. Но нигде дочь Аксак Темира не видела знакомого лица юноши, которого успела полюбить. Но каждую ночь она проводила с ним, и он нравился ей все больше.

Но вот дошло войско Аксак Темира до Анапы. За-

видев такую грозную силу, все жители города вышли навстречу победителю. Один только юноша остался в своем доме в пустом городе. Потому что знал: вся надежда у него на черного духа.

И вот снова открыл заветный сундучок, и сердце у него упало. Половина первой свечи давно догорела, а от целой второй остался один огарок. Все могущество свечей истратил он на свою любовь!

Но все же зажег он огарок черной свечи, и дух предстал перед ним.

— Наполни мой дом богатствами сверху донизу, — приказал ему юноша. — Поставь за домом скакуна, каких свет не видывал, приготовь одежды самые богатые и подарки для невесты и отца ее самые драгоценные.

— Торопись, свеча догорает, — прервал его черный дух.

— Исполни! — сказал юноша и задул огонек. Видел он, что осталось у него свечи лишь на одно последнее желание.

А тем временем перед дочерью Темира прошли все мужчины Анапы, и не нашла она среди них своего любимого.

Тогда Темир приказал обыскать весь город: не остался ли там кто-нибудь? И в одном из домов его воины нашли юношу: в скромной одежде спокойно сидел он на пороге бедного дома.

Схватили его воины, привели к Темиру.

— Как посмел ты ослушаться, почему не пришел со всеми? — гневно вскричал Аксак Темир. — Казнить его!

Но тут дочь Темира увидела юношу и узнала его. Бросилась она в ноги отцу и сказала:

— Это он, это он, мой возлюбленный. Пощади его! Но ответил Темир:

— Из-за этого простолюдина прошел я огнем и мечом весь Кавказ. Неужели отдам свою дочь ничтожному?

И тогда сказал ему юноша:

— Я не так ничтожен, как ты думаешь, великий Аксак Темир. Воспитал меня мудрый аталык и дал мне многие знания и богатства. Я люблю твою дочь. Дозволь мне явиться перед тобой в моем настоящем обличье и тогда суди обо мне.

Согласился, нахмуясь, Аксак Темир. Отпустил

юношу в город. И через малое время предстал перед ним джигит на таком скакуне, каких свет не видывал, в самых лучших одеждах и с драгоценными подарками для невесты.

— А еще, — сказал он, — есть у меня талисман. Вот в этом сундучке — огарок черной свечи. Зажгу — явится черный дух и исполнит все, что я пожелаю.

Усмехнулся Аксак Темир:

— Если так, пусть выроет твой дух канал отсюда до самого Дербента, чтобы кони мои пили чистую воду до самого конца пути. Тогда отдам за тебя мою дочь.

Раскрыл юноша заветный сундучок, вынул огарок черной свечи и зажег его. И явился черный дух с красными глазами и сказал влюбленному юноше:

— Это твое последнее желание.

Ответил ему юноша:

— Слышал ты повеление Аксак Темира? Исполни его!

И желание его исполнилось.

Пришлось грозному повелителю сдержать свое слово. Состоялась в Анапе свадьба, какой еще не бывало. А потом счастливые молодые отправились вместе с войском Темира в Дербент. И на всем пути кони их пили чистую воду из канала, прорытого черным духом.

Старики рассказывают: до сих пор можно там и тут отыскать следы того самого канала с валом со стороны моря. И называют его в народе Мальхашагос, что значит «Дорога зятя».

А черного духа с той поры никто больше не видел.

* * *

Следы глубокого канала с валом действительно сохранились близ Анапы. Жители называют их *мальхашагос*.

Анапа — одно из древнейших поселений Черноморского побережья Кавказа. В V в. до н. э. на ее территории находился город Синдика. Со временем этот небольшой античный городок вошел в состав Боспорского царства и получил новое имя — Горгиппия, превратившись в оживленный торговый порт.

В средневековый период в Анапе и ее окрестностях проживали причерноморские адыги-натухайцы, которых завоевали турки: вырубили их сады, а селение предали огню. В 1791 г. русские войска под командованием

генерала Гудовича штурмом овладели Анапой и разместили в ней свой гарнизон. Спустя тридцать восемь лет по Адрианопольскому миру эти места окончательно были закреплены за Россией.

Со второй половины XIX в. археологи находили в Анапе материалы, свидетельствующие о древности и величии этого причерноморского города. В гробницах найдено много золотых украшений в виде львиных голов, серьги, а также перстни со вставками из горного хрусталя, золотые бляшки и другие драгоценности, надетые в свое время на покойников или пришитые к их одежде.

В 1882 г. в окрестностях Анапы под двенадцатиметровой насыпью был обнаружен склеп со сводом. Там находился деревянный саркофаг с прахом богатой женщины. Здесь же обнаружено 714 золотых бусин, золотой перстень, золотая монета фракийского царя Лисимаха. Деревянный саркофаг, относящийся к III в. до н. э., украшен позолоченными фигурками *нерейд* — морских нимф, которые, сидя на спинах морских чудовищ, везут Ахилла — героя «Илиады»; изображениями оружия, доспехов и позолоченных фигурок воинов.

В 1975 г. в центре города Анапы при закладке фундамента археологи обнаружили склеп II в. н. э., украшенный фресками, изображающими двенадцать подвигов Геракла.

«Что же касается связи между Анапой и Дербентом, то в средние века она, несомненно, существовала. В этом отношении небезынтересно привести сведения консула в Тифлисе Гамбы, посетившего Анапу в начале 20-х годов XIX в. Он утверждал на основании более ранних источников о существовании караванного пути между прикаспийским Дербентом и причерноморской Анапой»⁴³. Надо полагать, что тесные торговые связи между двумя кавказскими городами и породили у путешественников много легенд.

Легенда впервые была записана в 1864 г. К. Помяловским.

⁴³ Г а м б а. Королевский консул в Тифлисе. Путешествие по Южной России и Закавказской провинции в 1820—1824 гг. Париж, 1826, с. 42 (на франц. яз.).

Жил когда-то в гагрских пещерах горный дух, а с ним три его дочери — Репруа, Аныхамца, Бегерепста — и единственный сын. Сестры-близнецы готовили пищу, ткали материю, изготавливали одежду для брата и воинов, охранявших единственный путь в Абхазию — Гагрский проход. А старый дух под землей ковал железное ору-

жие, закалял его особым способом, делал непобедимым.

Но случилось однажды несчастье: неожиданно скончался старый горный дух. А из далеких стран, как саранча, поползли несметные полчища врагов. В жестоких битвах тупились и ломались мечи, копья и щиты. И некому было обновить оружие. Вскоре сын духа и горстка его соратников пали в неравном бою. Ушли враги дальше на юг, завалив предварительно отверстия трех пещер, через которые сестры-близнецы выходили к своему любимому брату. Увидели сестры: нет выхода на поверхность земли. Тогда они поняли, что брат их убит. И так велико было их горе, что никогда уже не могли они остановиться — все плакали и плакали. От слез их образовались ручьи, которые, пробившись через заваленные входы, превратились в речки Репруа, Аныхамца и Бегерепста.

* * *

Живописен Гагрский хребет, на склонах его произрастают сосны, бук и пальмы, а под тонким слоем почвы таятся мощные толщи известняков. В их глубинах скрыты многочисленные пещеры, огромные подземные дворцы, мрачные, холодные коридоры.

Гагрский проход с незапамятных времен был единственным путем, связывающим Абхазию с Северо-Западным Кавказом. Многократно по этому пути в Абхазию вторгались враги, в частности скифы, готы и аланы. Поэтому охрана перехода имела первостепенное значение.

Три реки, которые в легенде представляются слезами трех сестер-близнецов, действительно существуют. Все они карстового происхождения, истоки их — в пещерах. Первая река — Репруа — находится в 6 км от города Гагра. Она вырывается почти у самого берега

из-под скалы. Вторая — Аныхамца (в переводе с абхазского «Огненный дух»). Аныхамца кристально прозрачна, ее вода приятна на вкус. Третья, самая большая — Бегерепста. Температура воды в реках очень низкая. Все три реки — самые холодные на всем кавказском побережье от Анапы до Батуми.

Легенда записана в 1958 г. в городе Гагра от Ф. Апкваба.

ПШКЯЧ-ИПА МАНЧА И КРАСАВИЦА МАДИНА

Жил в Абхазии прославленный герой Пшкяч-ипа Манча, слава о котором распространилась далеко за ее пределами. Молва о нем дошла до красавицы Мадины, единственной сестры семерых братьев. Много храбрых джигитов сваталось к Мадине, но не так-то легко было покорить сердце красавицы. Еще не было случая, чтобы о подъезжающем к ее дому женихе она говорила:

— Едет кто-то.

Обычно она замечала:

— Едет что-то.

Но вот однажды красавица увидела с балкона, что к дому ее устремился всадник на вороном коне. И впервые Мадина произнесла:

— К нам кто-то едет.

Она велела братьям принять гостя с почестями. Манча и Мадина понравились друг другу. Тонким станом, ладным нарядом, боевыми доспехами, добрым нравом Манча покорила сердце гордой красавицы. Через некоторое время они поженились и устроили пир, который длился трое суток. Съехались гости не только из Абхазии, но и со всего Северного Кавказа.

Утром на четвертые сутки, после того как гости разъехались, в амхару к молодой жене пришел удрученный Манча и сообщил ей, что на Абхазию напали враги и ему предложено возглавить абхазское войско. Но печаль его вызвана не страхом смерти, а лишь боязнью подвести вверенных ему воинов.

Баалоу-пха Мадина, молодая жена храброго Манчи, подбодрила мужа, вселила в него веру в победу. Окрыленный этой верой, поскакал Манча во главе войска навстречу врагу.

В ожесточенном бою у селения Хагуашв⁴⁴ абхазские воины остановили неприятеля. Но Манча был смертельно ранен. Чтобы оба войска отдохнули, бой прервали на три дня.

В эту ночь привиделся Мадине сон. Снилось ей, что лежит она на высоком холме, связанная веревками, а грудь ее клюет черный ворон. И хотя древний обычай запрещает снохе разговаривать со свекровью, Мадина решила рассказать ей свой страшный сон.

— Не печалься,— сказала свекровь.— Это добрый знак: погибнут все враги наши.

И вдруг донеслись звуки сражения, крики, стоны. Свекровь выбежала на балкон.

— С чем вы пришли в жилище наше? — обратилась она к всадникам, остановившимся у ворот.

В ответ друзья Манчи запели песню о смерти героя и с телом его на руках подошли к дверям дома. Но мать Манчи преградила им путь и спросила:

— Какой смертью погиб мой сын? Не скрывайте, если пуля попала ему в спину.

И, лишь убедившись, что сын погиб как подобает мужчине и семь пуль изрешетили ему грудь, она разрешила внести тело в дом и стала оплакивать его...

Когда похоронили Манчу, Мадина надела его платье, взяла его меч и щит, вскочила на вороного коня и помчалась к селению Хагуашв.

А там уже снова кипел бой. Противники выбились из сил. И вдруг увидели абхазы: к ним скачет всадник на вороном коне. Бросился он в бой, нещадно рубя врагов. И вражеское войско, не выдержав, обратилось в бегство...

Абхазские воины двинулись домой. Князь подъехал к ним, желая узнать, кто этот всадник на вороном коне, удивительно похожий на Манчу. Тот птицей слетел с коня и снял свой шлем перед владетельным князем. Косы, извиваясь, как черные змеи, упали на плечи, и среди них засияло красотой лицо Баалоу-пха Мадины — достойной жены своего мужа-героя.

⁴⁴ Хагуашв — «Узкие ворота» (абхаз.).

Как обычно, в народной легенде не говорится ни о времени, ни о конкретной битве, происходившей близ селения Хагуашв, в Гагрском проходе. За многие века абхазской истории этих битв было много. Гагрский проход долгое время соединял Северный Кавказ с Закавказьем, от того, кто владел им, во многом зависела судьба племен, заселявших в древности территорию Северо-Западного Кавказа. Недаром французский путешественник Дюбуа де Монперэ сравнивал Гагрский проход со знаменитым Фермопильским проходом в древней Греции.

Среди абхазов о Гагрском проходе до сих пор бытует много героических песен и сказаний.

Легенда приводится по сводному тексту, составленному из нескольких вариантов и опубликованному в книге Ш. Х. Салакая «Абхазский народный героический эпос». Тб., 1966.

«ГОРНАЯ СТАРУХА»

В верховьях реки Хипста, над селом Дурипш, среди гор, возвышается скала. В народе называют ее «Горной старухой». Уже много веков служит она ориентиром для путников и пастухов. Долгие осенние дожди оплакивают ее горькую долю. Зимой снег бережно окутывает своей пеленой, мох и лишай обнимают холодное подножие, гуляют вокруг ветры, собираются над ней облака, да орлы коротают на скале часы полуденного отдыха.

Говорят, когда-то эта каменная глыба была красивой, стройной женщиной. Жила она с мужем в долине у веселого берега моря в мирном и богатом селе и уже готовилась стать матерью. Но вот спустились с гор враги, словно волки, налетели на мирно спавшие аулы и увели с собой много скота и пленных.

Попала в плен и красавица. Разбойники с трудом оторвали ее от холодеющего тела зарубленного ими любимого мужа.

Опасаясь погони, горцы сразу же отправились назад

самой короткой, но трудной дорогой. Шли всю ночь. Изнемогала пленница: тяжело было ей в ее положении подниматься по крутой, местами почти отвесной тропе, и, когда она почти добралась до вершины, силы оставили ее.

Стало светать. С высоты открылась перед красавицей долина Белой речки. Увидела она и свое село, и тополя на своем дворе, и меж ними голубой дымок от догоравшей сакли. Дым тонкой струйкой поднимался к небу, на котором еще не успели погаснуть звезды.

От смертельной тоски сжалось сердце пленницы. Вскочила она, подняла лицо к небу и взмолилась, чтобы бог избавил и ее, и будущего ребенка от постыдного и тяжкого рабства.

И вот едва блеснуло из-за гор солнце и горцы собрались двинуться дальше, окаменела женщина и осталась навечно стоять на вершине Ачандарской горы, над глубоким ущельем Белой речки.

Со временем размыли дожди ее стройное тело. От снега потрескалась нежная кожа, мох и лишайник изъели стройные ноги, ветры иссушили грудь, и потеряла она человеческий облик. Издалека видна теперь лишь каменная глыба, которую люди называют «Горной старухой».

* * *

Легенда записана со слов Маадана Саканиа.

ЗОЛОТОЕ СЕДЛО В МЧИШТИНСКОМ ТАЙНИКЕ

С незапамятных времен в одной из раселин пещеры, образовавшейся в отвесной скале возле истока реки Мчишта, враги Абрскила спрятали его золотое седло, которое придавало неуязвимость коню-арашу богатыря. Многие мечтали завладеть золотым седлом, но никому этого так и не удалось. Над пещерой возвышался замок, в котором жили монахи-затворники, а позже поселились разбойники. Местные жители стремились разгадать тайну замка, но не решались подняться на скалу.

Действительно, у села Отхара на большой высоте виднеются в скале несколько ярусов, как бы искусственно выдолбленных окон и проходов. Забраться в верхние проходы пещеры без специального верхолазного снаряжения невозможно. Лишь в конце XIX в. любознательный житель села Отхара Маджара Чачба сумел пробраться в нижние помещения пещеры и нашел там серебряные предметы.

В 1958 г. научные работники из Института географии им. Вахушти АН Грузинской ССР с помощью альпинистов проникли в замок, тщательно обследовали все жилые помещения и извлекли ряд предметов бытового назначения.

Легенда была опубликована в журнале «Русский турист» за 1902 г.

ЛЕГЕНДЫ ОБ ОЗЕРЕ ИНКИТ

Вот одна легенда об озере Инкит.

Как-то раз царица Марта с мужем и управляющим проезжали мимо озера Инкит. Неожиданно над ними пролетела стая голубей. Царь вскинул ружье, выстрелил, и подбитая птица упала на середину водной глади. Собака, находившаяся в экипаже, бросилась из рук управляющего за добычей. Она доплыла до подбитого голубя, но на обратном пути силы ее иссякли, и собака стала тонуть. Царица стала укорять супруга, и тот бросился на лошади в воду спасать собаку. Он подхватил ее на руки и повернул коня назад, но до берега не доплыл, навсегда скрывшись в водах озера. Убитая горем царица в память о погибшем муже воздвигла у озера храм.

А вот другая легенда.

Много веков назад вся равнина около города Кутаиси была залита огромным озером, из которого выдавалась пустынным островом гора. Там и был построен замок царицы Тамар.

Однажды царица поехала туда охотиться. У нее был отличный сокол, которого она пустила за голубем. Сокол не достиг добычи. Невзирая на крик царицы, сокол полетел через озеро и опустился на остров. Царица обещала тому, кто возвратит ей сокола, половину своего царства. Молодой храбрый рыцарь верхом на лошади бросился в озеро. Счастливо доплыл он до горы и поймал сокола, но на обратном пути лошадь, всадник и сокол были поглощены волнами. Тогда царица велела отвести воду из озера в реку Риони, а на горе выстроила замок — Тамарысцихе, где в печальном уединении окончила дни свои.

* * *

Упоминая в легенде об озере Инкит двух цариц — Марту и Тamar, абхазские и грузинские сказители, очевидно, имели в виду одно и то же лицо — грузинскую царицу Тamar (1184—1207). Согласно грузинскому народному преданию, царица скончалась возле города Кутаиси, в своем замке Тамарысцихе, а ее останки были погребены в Гелатском монастыре, в боковом приделе собора.

Однако многие монастыри Грузии еще в XIX в. пытались оспаривать это предание и утверждали, что великая царица Тamar была погребена именно в приделе их обители.

Учеными до сих пор не установлено подлинное место ее погребения. Согласно существующей версии, во время монгольского завоевания останки царицы в золотом гробу тайком увезли в Абхазию, где они и были припрятаны в недоступных катакомбах. Поиски могилы царицы Тamar останутся задачей будущих археологических экспедиций.

Первая легенда записана абхазским фольклористом Ш. Салакая со слов жителя села Тхины Очамчирского района Машиша Шамба; вторую записал художник Волковский (она была опубликована в журнале «Нива». 1872, № 26, с. 455).

Недалеко от Батуми, возле села Борчха, стоят бани Отинко.

Говорят, в тех местах построила свой дворец царица Тамар. Во дворце было много голубей. Как-то царица заметила, что один голубь захворал. Велела она отнести его подальше и выпустить на волю, чтобы он не заразил других. Слуги отнесли голубя за ворота и выпустили. Через три дня голубь прилетел назад во дворец совсем здоровым, только весь мокрый. Увидела это царица и сказала:

— Где-то поблизости должен быть целебный источник.

Послала во все стороны слуг. И вправду, нашли место, где снег весь стаял, из скалы ключом била горячая вода.

Доложили царице. Порадовалась она, одарила слуг и повелела построить у источника бани. С тех пор там они и стоят.

* * *

О теплых целебных источниках в окрестностях Батуми, в районе теперешнего Махинджаури, аджарцы знали с незапамятных времен, но исследованы они были лишь в 1912 г., когда и подтвердилась их пригодность для лечения. Тогда же здесь было выстроено здание махинджаурских серных ванн с пятью кабинками, врачебным кабинетом и несколькими комнатами для приезжих. Этим и органичились устроители бальнеолечебницы.

Подлинное освоение курорта началось лишь в советское время. Уже в 1936 г. здесь были построены два дома отдыха и пансионат. Интенсивное курортное строительство развернулось в Махинджаури за последние годы. У самого берега моря, в долине, выстроились санатории, дома отдыха и пансионаты, а на базе теплых серных источников, о которых в народе сложилось много легенд и преданий, стал действовать Махинджаурский санаторий № 1.

Легенда дается по книге «Грузинские народные предания и легенды». М., 1973, с. 227.

ПРЕДАНИЕ ОБ АДЛЕРСКОЙ КРЕПОСТИ

Горцы Северо-Западного Кавказа были недовольны тем, что русское командование на Черноморском побережье Кавказа построило крепость в Адлере и разместило там гарнизон. Они хотели захватить крепость, но сил на это не хватало. Поэтому горцы решили пойти на хитрость. Однажды пришли они в крепость и сказали, что отбили у соседей стадо баранов, которых желали бы продать русским. Но днем пригнать стадо нельзя. Поэтому они просили позволения открыть им ночью главные ворота. Комендант соблазнился предложением — баранина была редкостью для гарнизона. Приняв необходимые предосторожности, он разрешил пропустить ограниченное число чабанов со скотом... Наступила темная ночь, слышалось блеяние баранов, и стадо стали впускать в крепостные ворота. Ничто не предвещало опасности, но лишь бараны вошли, как из середины стада поднялись горцы, пробравшиеся в крепость в бараньих шкурах на четвереньках. Началась резня. Однако крепость уцелела, потеряв, правда, значительную часть гарнизона.

* * *

Адлерская крепость была построена в конце 30-х годов XIX в. на Артларском (ныне Адлерском) мысу. Крепость возвели «из правильных отесанных камней, которые привозили морем из Таганрога и Керчи». Строили ее в исключительно трудных условиях, в болотистой долине. Крепость получила имя «Святого духа», отсюда и вся долина, окружающая ее, была названа Святодуховской.

Первым комендантом Святодуховского укрепления, расположенного на правом берегу реки Мзымта, был назначен С. Т. Званба. За время существования крепости ее гарнизон неоднократно подвергался с моря и особенно с гор нападениям воинственных убыхов и абхазского племени джигетов-садзов. В мирное время вблизи крепости устраивался базар, куда стекались горцы, одетые в национальные костюмы.

Во время Крымской войны, в 1853—1856 гг., крепость в Адлере была блокирована. Русское командова-

ние оказалось вынужденным взорвать стены, а гарнизон эвакуировать на судах в безопасное место. После этого крепость не восстанавливалась. В 70-х годах XIX в. в разрушенной крепости обитали лишь шакалы да дикие кошки. По свидетельству очевидцев, внутри крепости на земле валялось несколько чугунных орудий с отбитыми цапфами, брошенных гарнизоном. Вблизи руин крепости в это время стояло несколько домов на расстоянии 100 м друг от друга. Среди них был дом таможенного чиновника и местного торговца грека Спанаги. В его духан и лавочку частенько заглядывали местные рабочие, которые заготавливали дубовые бревна для бочек.

Впоследствии население Адлера и его окрестностей стало заниматься сельским хозяйством, рыболовством и лесным промыслом. В конце XIX — начале XX в. главной отраслью сельского хозяйства стало табаководство. В окрестностях Адлера с табачных плантаций ежегодно снимали значительное количество листа. После сушки табак через Адлер отправляли за границу.

Несмотря на большое торговое значение, село Адлер в первое десятилетие XX в. оставалось захолустным, болотистым местом. Еще в 1913 г. считали, что здесь нет никаких условий для развития курорта.

Лишь при Советской власти, когда окружавшая Адлер заболоченная долина реки Мзымта была осушена, на плодородной земле поднялись и расцвели сады. Возникла и местная промышленность. В самых живописных местах выросли корпуса санаториев («Известия», «Южное взморье»), домов отдыха («Юг», «Приморье», «Адлер»), пансионатов («Изумруд», «Сигнал», «Знание», «Рыбак», «Заполярье», «Аэрофлот», «Солнечный луч»).

В 1967 г. в Адлере открылся курортный городок, который круглый год принимает тысячи отдыхающих. Город — одна из крупнейших зон отдыха и туризма Краснодарского края.

Легенда записана от Мачкуку Адлейба.

Жил в селе Лыхны молодой крестьянин Урус Лакоба. Назвали его так в честь друга отца, беглого русского солдата, слуги абхазского князя. Этого солдата, всеобщего любимца, лыхненские крестьяне звали Аурус (Русский). Отсюда и имя крестьянина — Урус.

Какой-то русский по имени Иван, живший во дворце князя, обучил Уруса Лакобу, который присматривал за небольшой деревянной гостиницей, русской речи и грамоте. Научившись от него пользоваться *ахсалай*⁴⁵, Урус отправился по наказу совета старейшин верхом в далекий Петербург. Там он убедил сына князя-предателя, выдавшего участников подготовки народного восстания 1821 г., вернуться домой, заявив, что ему якобы ничто не угрожает. Когда же они вернулись в Лыхны, Урус по решению народа в наказание за предательство отца отравил сына предателя *атубаром*⁴⁶. За это власти повесили Уруса на площади Лыхнашта.

* * *

Это предание в известной степени подтверждается историческими фактами. Упоминаемый сын владетельного князя Абхазии, предавшего народ, это Дмитрий Шервашидзе-Чачба. В 1812 г. он был принят в Пажеский корпус в Петербурге. Жил в столице вместе со своей бабушкой — правительницей Мегрелии Н. Г. Дадзани. Г. А. Дзидзария сообщает, что Д. Г. Шервашидзе вернулся на родину в 1821 г. в чине полковника и в качестве нового владетеля Абхазского княжества. Он не знал языка родины, объяснялся с подвластным ему народом через переводчиков и стремился сделать свой двор по пышности равным королевским дворам Европы. Однако вскоре, в 1822 г., Д. Г. Шервашидзе был отравлен в Лыхненском дворце владетельных князей и похоронен в придворной церкви. Герой предания Урус Лакоба также реальное лицо. Он был прадедом выдающегося абхазского революционера и государственного деятеля, уроженца села Лыхны, Нестора Лакобы (1893—1936).

⁴⁵ А х с а л а — «карта» (абхаз.).

⁴⁶ А т у б а р — «шашлык» (абхаз.).

Готовившееся в 1821 г. восстание все же вспыхнуло летом 1824 г., когда доведенные до крайности крестьяне с оружием в руках выступили против своих угнетателей. На знаменитой Лыхнаште (Лыхненская площадь) произошла жестокая схватка между абхазскими крестьянами и царскими войсками, защищавшими дворец владельца Абхазии. Восстание было потоплено в крови. Но спустя сорок два года эти места вновь стали ареной народного восстания. 26 июля 1866 г. вблизи Лыхнашты — там сейчас находится здание Лыхненской средней школы — собралось около семи тысяч крестьян Бзыбской Абхазии. Волнения были вызваны слухами о тяжелых условиях крестьянской реформы. Особенно возмутило крестьян то, что их обязывали выкупать у помещиков те земли, которые они сами же расчистили.

После 1866 г. облик Лыхненской площади несколько изменился: от монументального дворца владетелей, разрушенного царскими войсками во время подавления восстания, остались одни руины. Напротив появилось мрачное серое здание часовни, где были погребены царские офицеры, перебитые повстанцами.

В 1905 г. один из крестьянских домов неподалеку от Лыхнашты стал местом крестьянских сходок. На площади и позднее часто собирались крестьяне, чтобы обсудить, как им избавиться от угнетателей. В частности, в марте 1917 г. в Лыхнашты состоялся сход трудящихся Гудаутского участка. Здесь же в конце 1917 г. организационно оформилась абхазская революционно-крестьянская дружина «Киараз», просуществовавшая до победы Советской власти в Абхазии в 1921 г. Душой и организатором «Киараза» был Нестор Лакоба. Во время формирования «Киараза» на Лыхненской площади ораторы упоминали и легендарного Уруса Лакобу, одного из первых абхазских крестьян, поднявшихся против князей.

Предание записано от Османа Джения.

ИСТОРИЯ ГОРОДОВ И СЕЛ

КАК ВОЗНИКЛО ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ ГАГРА

Апсха⁴⁷ был родом из Акуа. Жил он безбедно, любимый и почитаемый родственниками. Лишь в одном не везло ему пятнадцать лет подряд: как только у него рождался сын, в первую же ночь младенец исчезал из люльки. И никакие мольбы, обращенные к богам, не могли избавить несчастного отца от злого рока. Так потерял Апсха тринадцать сыновей. Тогда обратился он к мудрецам:

— Как мне быть? Что делать?

— Ищи землю обетованную, — ответили мудрецы. — Там родит твоя жена ребенка, останется он при тебе.

Собрался Апсха в дорогу. Нагрузив большую лодку всем необходимым, взял с собой жену и близких родственников. Три дня носило море лодку. На четвертый пристала она к пустынному берегу, окруженному горами. По вкусу пришлась Апсхе и его спутникам эта земля. Много тут было дичи и плодов. Решил Апсха поселиться здесь навсегда.

Прошел год, и жена его в четырнадцатый раз должна была стать матерью. А в это время некто Адгур Ачба из урочища Псху охотился в горах. Увидел он с вершины горы Мамзышха море и спустился к нему. Долго блуждал Ачба по берегу. Вдруг он почувствовал запах дыма и поспешил к тому месту, где построил себе жилье Апсха.

По-царски был принят Ачба в доме Апсхи. Рассказал хозяин гостю о своих злоключениях и поделился радостью: нынче ждал появления наследника. Действи-

⁴⁷ А п с х а — «царь абхазов» (*абхаз.*). Окончание слова-*ха* значит «покровитель, властитель, господин, владыка», основа слова *-нс-* происходит от основы племенного названия абхазов — *апсуа* (Ш. Д. И н а л - и п а. Страницы исторической этнографии абхазов. Материалы и исследования. Сухуми, 1971, с. 213).

тельно, ночью родила жена Апсхи мальчика. Положила его в люльку, а поутру, к ужасу своему, обнаружила, что люлька снова пуста. Долго искал Апсха похитителей, но безуспешно. Потом только выяснилось, что ребенка унес гость.

Адгур Ачба жил с четырьмя братьями. Они-то и воспитали царевича. Когда он стал юношей, спустился Ачба с ним и со своими братьями к морю и сказал Апсхе:

— Этот юноша — твой сын. Когда рассказал ты мне о своем несчастье, решил я помочь тебе уберечь твоего сына, чтобы не украли его, как крали всех твоих сыновей.

Горячо поблагодарил Апсха Ачбу:

— Бери в награду все, что хочешь: коней, плоды, драгоценности.

— Спасибо, хозяин, — отвечал Ачба. — Подарки подарками, только перенесет ли твой сын разлуку с нами? Посели нас на своей земле. Будем жить сообща, богато и весело.

Приздумался Апсха, очень не хотелось ему иметь соседей. А тут и говорит ему сын:

— Если не выполнишь просьбу Ачбы, уйду с ним в горы и не видать тебе меня вовек.

Испугался Апсха и согласился. Раздал он свое царство. Одному из братьев Адгура дал землю в районе теперешнего Сочи, другому — местность Абжуа, третьему — Лыхны и четвертому — Окум. Зажили они богато и счастливо. От них и пошел род абхазов. А Апсха с сыном и женой остались на своей земле и построили здесь крепость Абаата.

* * *

Об истории города Гагра и его названии исторические источники располагают следующими данными.

На территории современной Гагры уже во II в. до н. э. существовала греческая торговая колония Триглиф. Когда в начале нашего летосчисления на Черноморском побережье Кавказа греков сменили римляне, здесь была построена крепость Нитика, которая вскоре была превращена в тюрьму, а поселение стало местом ссылки. На месте последнего затем была сооружена крепость Абаата.

В древнерусских летописях конца X в. содержатся упоминания об установлении торговых связей между

Киевской Русью и Абхазией. Предполагается, что через Гагру проходили пути, связывающие Тмутараканское княжество с Абхазией и Грузией.

В 1308 г. под названием «Какара» поселение впервые встречается на карте, составленной Пьетро Висконти (в настоящее время она хранится в библиотеке св. Марка в Венеции). Позже на итальянских картах Гагра обозначалась как «Хакары», по названию находившейся здесь генуэзской торговой фактории. Турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Гагру в 1641 г., в своем описании называет ее «Какуру», а селение, на месте которого ныне расположена Новая Гагра, — «Хаке» (в более поздних источниках оно именуется «Гагрипш»). По его свидетельству, в Какуру проживали горные чанды — абхазское племя, насчитывавшее вместе с небольшими соседними родственными племенами около 15 тысяч человек.

Встречаются в исторической литературе и другие названия Гагры: «Баладаг» (в переводе с турецкого означает «Высокая гора»), «Дербент» (от персидского «Железные ворота»), венецианское «Контези».

Гагрская крепость (крепость Абаата) была сооружена древнеабхазским племенем абазгов для защиты от иноземных захватчиков. Она представляла собой мощное оборонительное сооружение, рассчитанное на длительную осаду.

В VI в. здесь произошла знаменитая Трахейская битва между абазгами и византийцами. Со временем крепость разрушилась, но ее неоднократно ремонтировали, а несколько раз почти полностью восстанавливали.

В VI—VII вв. внутри крепости Абаата была построена небольшая крепостная церковь типа базилики с двускатной крышей. Она относится к числу древнейших культовых сооружений на территории Абхазии. Церковь чрезвычайно проста по форме, отсутствует даже алтарная абсида. Два боковых портика, построенных одновременно с ней, не симметричны. Церковь, как и вся крепость Абаата, сложена из крупных отесанных блоков неодинаковых размеров. Сейчас в ней находится музей старинного кавказского оружия.

С крепостью Абаата в Старой Гагре связаны многие абхазские легенды, одна из которых записана в 1958 г. в городе Гагра от М. А. Купалбы.

ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ ДРЕВНЕЕ НАЗВАНИЕ ГУДАУТА

Абхазские Ромео и Джульетта

Откуда пошла Гудаута? Откуда это название? Много о том рассказов, много легенд. Вот одна из них.

Когда-то не было города вовсе, а лишь один или два дома стояли. И был у семьи, жившей здесь, сын смелый и прекрасный, звали его Гуда. Когда время пришло, полюбил Гуда прекрасную девушку. Не было ее красивее в округе. И звали красавицу Утой. Быть бы им счастливыми, завести очаг общий, растить детей прекрасных, смелых и сильных, как они сами. Но вот беда — родственники их дальние когда-то крепко повздорили, и закон кровной мести запрещал теперь молодым любить друг друга, быть мужем и женой.

Так в тайне хранили свою любовь Гуда и Ута, и никто не преследовал их. Но когда сказали о любви громко родственникам своим, то было много упреков и увещаний, угроз и мольбы. Но Гуда и Ута решили пойти наперекор воле старших, и тогда ждало их проклятие и изгнание. А что это означало, не знаете, наверное? Это все равно что жить и не жить, ибо люди плюют тебе вслед и весь век от тебя отворачиваются. Любили друг друга Гуда и Ута и были изгоями. Не выдержали они жизни такой. И пошел Гуда на реку и бросился в нее. А вслед за ним и Ута...

И называется с тех пор река Гудой. И город получил название по имени реки.

А вот другая легенда.

Давным-давно в маленькой бедной пацхе (плетенная из лозы летняя хижина) на месте нынешнего города Гудауты жил абхаз по имени Гуда. Это был красивый, ловкий юноша. Он прекрасно управлял лодкой — *ашхой*, случалось сопровождал заморских купцов в далекие страны и даже изучал иностранные языки. Однажды на корабле, возвращаясь к родным берегам, юноша познакомился с дочерью генуэзского купца. Девушку звали Утой. Она ехала к отцу, у которого недалеко от местечка, названного впоследствии Гудаутой, имелась вилла. Молодые люди стали часто встречаться возле устья реки.

Там обычно от непогоды прятал свою лодку Гуда. В хорошую погоду они выходили на лодке в море и долго любовались живописными берегами и покрытыми снегом вершинами Кавказских гор. Гуда и Ута крепко любили друг друга и решили пожениться.

Однако отец девушки, узнав об этом, отослал дочь в Геную и распустил слух, будто она вышла замуж за богатого вельможу. Гуда не мог перенести разлуки и в отчаянии покончил жизнь самоубийством. Прошло несколько лет. Девушка снова приехала к отцу в гости. Ута не забыла любимого и мечтала о новой встрече. Люди рассказали ей, что произошло с Гудой в ее отсутствие. Потрясенная Ута последовала за возлюбленным: она тоже бросилась в стремительные воды реки. Так погибли двое влюбленных. Местные жители их именами называли реку, а потом и город.

Легенда о злом князе Беслане и несчастных влюбленных

Об истории Гудауты слагал народ и другие сказания. Вот одно из них. В далекие времена на месте приморского города Гудаута шумел дремучий лес, такой, что даже охотники не прокладывали здесь тропы; не заглядывали в пустынную бухту и турецкие бригаантины, идущие в Сухуми за красивыми девушками для константинопольских гаремов...

Сотни горцев могли похвастаться силой и храбростью. Но не было равных в удачных набегах бзыбскому князю Беслану. Был храбр и могуществен этот князь, но грозен и вспыльчив. Смертью карал он каждого непокорного. Так случилось и с молодым Хабуком из Бармыша.

Однажды на бармышской дороге увидел Хабук князя Беслана. Не захотел он приветствовать грозного владельца и повернул коня в лес. Заметил это князь, разгневался и велел слугам догнать Хабука. А когда привели его, стал упрекать в непочтении.

Но ответил Хабук гордо:

— Я не раб тебе, я вольный абхаз, могу приветствовать того, кого сам захочу.

Не успел он закончить своей смелой речи, как шашка блеснула в руках князя, и рухнул Хабук на дорогу.

Кто смог бы измерить горе родителей? С пронзительным криком бросилась мать на бездыханное тело своего первенца, зарыдала, забилась. В молчании стоял перед мертвым сыном отец, но затаил на князя лютую злобу.

А Беслан и сам пожалел о своей горячности — ведь напрасно пролитая кровь не приносит ни чести, ни славы, а лишь порождает врагов. И тогда он решил помириться со старым Хабуком. А тут как раз и повод представился.

Умерла у князя жена, подарив ему прелестную дочь. Долго искали слуги кормилицу, но так и не сумели найти. Узнал князь, что у Хабука тоже есть малютка-дочь, и решил отдать новорожденную княжну к нему в дом, желая тем самым смыть с себя кровь его сына. Отправил он к старому горцу целую свиту с богатыми дарами и повелел им просить Хабука забыть прошлое и принять на воспитание княжну.

Выслушал Хабук послов и ответил сурово:

— Не нужны мне ни княжеские подарки, ни княжеская дочь.

Услышав эти слова, князь разгневался, но решил во что бы то ни стало добиться своего. Взял он на руки малютку и отправился сам к старому горцу.

— Вот голова моя, вот шашка, — сказал ему князь, низко поклонившись, — руби голову, но не отвергай дочь.

Угрюмо стоит Хабук и молчит, упирается. И кто знает, может, пришлось бы идти князю ни с чем, да на руках у него заплакал ребенок.

Отзывчиво женское сердце на детский плач. Выбежала из сакли Захайда — жена Хабука, взяла из рук князя малютку и приложила к своей груди. Вот так от прикосновения младенческих уст к груди женщины кончилась вражда.

Шли годы. В любви и довольстве росла маленькая княжна Ута в доме у доброй Захайды вместе с дочкой ее Химсой. А когда исполнилось ей шесть лет, настала пора возвращаться в родительский дом. Жаль было Хабукам расставаться со своей питомицей, да делать нечего. Оседлал Хабук коня, нарядил Уту в шелка и повез в родительский дом — старый замок на Бзыби⁴⁸. И дочку свою Химсу взял с собой.

⁴⁸ Имеется в виду крепость на Бзыби, которая в позднесредневековый период была резиденцией князей Инал-ипа.

Радужно встретил Хабука князь Беслан. Три дня и три ночи не стихал пир в его замке. А когда уехали гости, осталась в княжеском доме и Химса.

Тем временем дети росли. Стройной красавицей стала Ута, и настала пора носить ей чадру. Да разве скроешь красоту покрывалом? Понеслась по свету молва о необыкновенной красоте молодой княжны, и дошла она до самого турецкого султана. Послал он Беслану послов, чтобы объявить ему великую милость: хочет падишах взять в жены абхазскую красавицу Уту.

Велика была честь для князя: сулила выгоду и сильного союзника. Да жаль ему было Уту. Боялся, что завянет она, прекрасный цветок, в душной темнице — гареме. Но и отказать правителю правоверных не решался. И ответил князь послам султана уклончиво: молода, мол, княжна, не достигла еще брачного возраста.

Но не успели уехать султанские послы, как пришла новая весть: едет к княжне свататься славный и могучий князь мингрельский Дадзани. С ним породниться Беслан был рад: мингрельские обычаи ближе к абхазским. Хорошо будет житься Уте в доме мингрельского князя. И решил Беслан выдать дочь за Дадзани.

Так и случилось бы, да, видно, суждена была Уте другая судьба.

Слышит Ута однажды, что кто-то в соседней комнате перебирает струны *чонгури*⁴⁹. Вышла княжна посмотреть и увидела певца Гуду. Запел певец, полилась его песня над Бзыбью:

Не пустые слова повторяет молва,
Что прекрасна Беслапова дочь...

Смутилась княжна. Убежала в свою комнату, всю ночь не могла заснуть.

Не спалось и Химсе. Томили и ее воспоминания о любимом Астамуре. Слышала она вздохи Уты, понимала, что волнует и мучает девушку, и жалела ее. Присела она на тахту к молочной сестре и стала ласково гладить ее по волосам:

— Отчего ты не спишь, милая Ута?

— Ой, Химса, — отвечала ей сестра, — околдовали меня глаза этого шайтана, все мерещатся в темноте. Что делать мне?

⁴⁹ Чонгури — народный музыкальный инструмент грузин и абхазов.

И стала говорить Химса, что от этого колдовства не спасут ни молитвы, ни заклинания. От любви не убежишь, да, видно, не суждено им обоим счастье: ее Астамур в далекой Турции и, бог весть, вернется ли. А Уту выдаст отец замуж за мингрельского князя. И кто знает, будет ли счастлива княжна.

Подошла Химса к окну, чтобы отдернуть занавеску и пустить в комнату свежий ночной воздух. Выглянула она в сад. Ночь была тихая, светлая, лунная... Вдруг Химса заметила, что кто-то зашевелился в тени чинары. Пригляделась она и узнала певца Гуду. Отбежала она от окна и сказала Уте:

— Думаешь, Гуде легче? Он тоже, бедный, томится, не знает покоя. Вот сидит он сейчас печальный внизу под чинарой и смотрит на наше окно.

— Что он делает? Сумасшедший! — в ужасе воскликнула княжна. — Увидит отец, убьет его как собаку. Пойди, Химса, и скажи ему, чтобы он ушел и никогда не смел больше этого делать.

Химса быстро вышла из комнаты. Но только спустилась она с лестницы, как чьи-то сильные руки обхватили ее стан. Рванулась девушка, вырвалась из объятий и только сжала рукоятку кинжала, как услышала голос Астамура. Прильнула девушка к могучей груди любимого и поведала ему печали свои и Уты. И сказал тогда джигит:

— За наше счастье не бойся: если князь Беслан не захочет отдать мне тебя в жены, увезу тебя тайно, укрою в таком месте, что сам султан со своими аскерами не отыщет нас. А если хочет княжна, мы и ее возьмем, спрячем от Дадиани Мингрельского.

Поцеловал Астамур Химсу на прощание и пошел в сад разыскивать Гуду. Познакомились юноши и сразу друг другу понравились. До самого утра бродили они по горам, разговаривая о тех, кто был им всего дороже.

Не спали в ту ночь и девушки. С открытыми глазами лежали они на своих постелях, устремив взгляд в чуть посеребренный лунным светом мрак весенней ночи, думая каждая о своем. Наконец Химса заговорила.

Она стала уговаривать княжну бежать с любимым из родного дома. Долго не отваживалась княжна согласиться на предложение молочной сестры. Но велика была ее любовь, и она решилась.

Первой бежала Химса. Отпросилась она как-то у

Беслана навестить свою мать и уехала из княжеского замка навсегда. А вскоре настал черед и Уты. Отважные Астамур и Гуда, собрав верных товарищей, дали знак княжне, что настала пора действовать. С бьющимся сердцем пошла Ута к отцу попросить разрешения съездить навестить свою кормилицу Захайду.

— Хорошо, — сказал князь, — поезжай. Да привези с собой Захайду, теперь тебе нужны женские заботы: князь Даддани просил твоей руки, и я дал согласие.

Ничего не ответила Ута князю, и лишь в душе еще больше окрепла решимость бежать из родительского дома.

На следующий день в сопровождении слуг уехала Ута из старого замка над Бзыбью. В последний раз взглянула она на древнюю башню, где прожила столько лет, и пустила коня рысью по бармышской дороге. Скоро догнал Уту молодой стремени Кводж. Делая вид, что поправляет упряжку коня, он прошептал ей тихо:

— Не пугайся, княжна. Все готово. Друзья найдут нас по дороге у Блабурхвы.

Не успела кавалькада подъехать к Блабурхве, как раздались выстрелы. Схватил Кводж коня Уты за узду, в бешеной скачке увлекая княжну за собой. Скоро их догнали друзья. Протянули они княжне бурку и башлык. Надела она их, закрыла свое лицо от чужих глаз, и помчались беглецы дальше.

Через час к тому месту, где лежали пять окровавленных княжеских слуг, подъехал абхаз, следовавший в Лыхны. Абхаз заметил, что один из них вроде бы пошевелился. Он подошел к нему, и тот открыл глаза.

— Скорее скачи к князю и скажи, что Астамур и Гуда похитили княжну, — прохрипел раненый и умер.

Вскочил абхаз на коня. Бешеным галопом помчался он к княжескому замку. Не сразу дошли до Беслана слова джигита. А когда понял, послал отряд в погоню. Долго искали беглецов княжеские всадники, все села объехали, дороги обошли, но даже следов похитителей найти не могли. Никто не встречал их, никто не видел, они как в воду канули. И поклялся тогда князь Беслан своим княжеским словом, честью своей разыскать беглецов и отомстить. Но все поиски были безуспешны.

...Шел уже третий год после исчезновения княжны из родительского дома, а никаких вестей о ней так и не было. Между тем Беслан знал, что Астамур и Гуда в

Абхазии: в окрестностях появился отряд абреков. Участились нападения на купцов, проезжающих по сухумской дороге, стали исчезать фелюги, выходившие из сухумского порта в Турцию.

Однажды, когда Беслан, погруженный в свои грустные мысли, отдыхал после обеда, ему доложили, что какой-то абхаз, не назвавший себя, желает его видеть.

— Что тебе надо от меня? — спросил князь, пристально разглядывая пришельца.

— Зовут меня Халыбей, — заявил абхаз. — Я был в отряде Астамура и Гуды. Если ты хочешь, я скажу тебе, где он находится.

И рассказал Халыбей-предатель, что скрываются абреки в густом, почти непроходимом лесу. При Астамуре и Гуде находятся их жены, которые сопровождают героев везде в мужском платье. Ута уже растит двух сыновей, а около месяца назад Гуда увез княжну из лагеря. Видно, приближалось время родить ей третьего ребенка.

Узнал также князь, что день и ночь охраняются подступы к лагерю абреков. Им помогают местные жители, потому что никогда абреки не грабили бедных. Но он, Халыбей, зная все порядки отряда, брался провести княжеских всадников в лагерь и захватить абреков врасплох.

Выслушал Беслан рассказ Халыбея и сказал:

— Посулил я большую награду тому, кто укажет мне убежище беглецов. И если ты исполнишь свое обещание, можешь просить, чего захочешь.

— Месть за деньги не продаю, — угрюмо ответил абхаз, но не сказал, за что мстит абрекам.

Краска заливала его лицо, когда он вспоминал о том позорном наказании, которому подвергли его абреки, и рука судорожно сжимала рукоятку кинжала. Но в одном он даже себе не признавался: справедлив был над ним суд абреков. Нарушил приказ Халыбей. Ранил и ограбил он на дороге встречного абхаза, позарившись на его дорогое оружие.

— Нарушил приказ — убить! — сказал тогда Астамур.

— Халыбей молод, горяч и неопытен, — возразил ему Гуда. — Жадность помутила его разум, не убивать его надо, а строго наказать.

И назначил суд Халыбею наказание: раздели Халы-

бея донага, вымазали кислым молоком и продержали так несколько часов на солнце. А во избежание мести заставили принести клятву верности:

— Пусть я буду поражен моим же оружием, если когда-нибудь изменю!

С дедов-прадедов считалась эта клятва священной, и несчастье неотвратимо постигало человека, который изменял ей. Но забыл заветы отцов Халыбей, нарушил великую клятву.

А тем временем князь Беслан собирал уже отряд, чтобы идти в поход на абреков. На следующий день, чуть стало светать, три княжеские фелюги, ведомые Халыбеем, тихо пристали в маленькой бухте. Едва только днище фелюг коснулось песчаного дна, быстро соскочили джигиты в воду и бесшумно последовали за Халыбеем по еле заметной тропе между колючими кустами.

Не ведали о беде абреки. Спокойным сном спал лагерь. Вдруг слышит Гуда неясный шум. В одно мгновение был он на ногах, схватил оружие и выбежал из сакли. Издал Гуда боевой клич, но мало ответило ему голосов под звон оружия закипавшего боя: многие уже пали, сраженные кинжалами врагов. Ринулся вперед Гуда, но вдруг сзади схватили его чьи-то сильные руки, и торжествующий голос Халыбея произнес:

— Сюда, князь, сюда, Гуда здесь!

Но подоспел Астамур. Выхватил он саблю и зарубил предателя Халыбея. Не успел спастись Гуда: взвилась над ним шашка князя — не стало певца.

...Недолго длился тот бой. Окруженные многочисленными врагами и захваченные врасплох, почти все абреки погибли на поле брани. А потом князь и его отряд сели на коней и медленно двинулись в Лыхны. Между тем красавица Ута, временно находившаяся у своей кормилицы, собралась ехать в лагерь к абрекам; она уже садилась на коня, как вдруг услышала топот. Ута обернулась и увидела двух всадников. Это были Астамур и Химса. Когда увидела она их лица, перепачканные кровью, сердце ее замерло от недоброго предчувствия.

— Ута, спасайся! — закричал Астамур. — Халыбей изменил нам. Беслан перебил весь отряд и убил Гуду.

Вскочила на коня Ута, схватила сына и, прежде чем Астамур опомнился, вихрем помчалась по знакомой дороге к лагерю, туда, где лежало бездыханное тело ее милого Гуды.

Вдруг на повороте увидела она всадников. Впереди ехал ее отец. Не сбавила хода своего коня Ута. Стремительно подлетела она к князю, блеснул в ее руке пистолет, и рухнул Беслан на дорогу.

Растерялись джигиты. Слыханное ли дело: дочь убила отца. А когда опомнились, понеслись в погоню за вихрем мчавшейся княжной. А Ута была уже в лагере абреков. Спешилась она и побежала. Колючки рвали на ней платье, ветви больно хлестали по лицу, но она ничего не замечала, лишь крепко прижимала к груди сына и бежала, бежала... Вот и знакомая сакля. Лежит Гуда на земле, широко раскинув руки. Припала княжна с криком к его бездыханному телу и зарыдала.

Вдруг слышит она топот погони. Это ее ищут. И нет ей ни спасения, ни прощения. Схватила Ута ребенка на руки, взглянула в последний раз на Гуду и кинулась в море с обрыва.

Прошло немало лет. Потускнели в памяти людей эти события. Но ни о чем не забыли Астамур и Химса. Вернулись они на место бывшего лагеря абреков и поселились там. И назвали они это место Гуда-Утой. Потом стали около них селиться и другие люди. Вырубили они лес, выжгли заросли, настроили саклей.

И выросло на берегу Черного моря селение Гудаута.

Когда завывал по ночам разгулявшийся ветер и волны с грозным ревом бились о берег, в шуме этом чудились людские стоны и плач несчастной княжны, погибшей за свое счастье.

* * *

В действительности название «Гудаута» происходит от речки Гудоу, протекающей по территории нынешнего города. Археологические раскопки, проведенные в Гудауте, свидетельствуют о том, что еще задолго до колонизации древними греками абхазского побережья, примерно шесть-семь тысяч лет назад, на месте современного города и его окрестностей находилось обширное поселение эпохи неолита (новокаменного века). Поселение это называют Кистрикским — по имени небольшой реки Кистрик. Оно является одним из наиболее интересных неолитических памятников на территории Абхазии и всего Кавказа.

В начале нашей эры территория современного Гудаутского района была населена древнеабхазским племенем

нем абазгов. В XIII—XIV вв. в районе Гудауты находилась генуэзская торговая фактория «Каво-де-Буксо».

Сведений о более поздней истории Гудауты не имеется. Это подтверждает предположение о том, что население Гудауты, как и других прибрежных пунктов Абхазии, переместилось в предгорье. Гудаута как поселение городского типа возникла в начале второй половины XIX в. По данным 1859 г., в ней была лишь одна улица, застроенная с обеих сторон деревянными лавками и жилыми домами.

Во время первой русской революции трудящиеся Гудауты под руководством С. Орджоникидзе активно участвовали в революционной борьбе.

После установления Советской власти в Абхазии Гудаута начала быстро развиваться, благоустраиваться и превратилась в курорт, а также стала административным центром крупного сельскохозяйственного района.

Первые две легенды записаны в 1955 г. со слов жителя города Гудаута А. Л. Лукина. Текст третьей легенды приводится в обработке Грига («Сухумский вестник», 1915, № 65, 67, 70, 84, 87, 91, 102, 109, 113, 116).

КАК БЫЛО ОСНОВАНО СЕЛЕНИЕ ТКВАРЧЕЛИ

Давным-давно в горах Абхазии жили три прославленных скотовода из рода Аршба, три брата: Кончаура, Чоуар и Погагу, сильные и меткие стрелки. Было у них много овец и коз. Жили братья в верховьях реки Бзыбь, близ горного села Псху. Скотоводам-богатырям завидовали многие, даже сам князь. Собрался князь выдать дочь замуж за одного молодого князя с Северного Кавказа. Зная, что зимой там бывает очень холодно, он решил дать дочери в приданое необыкновенную шубу из шкур недоношенных ягнят. Послал князь к богатырям гонца, потребовал, чтобы у ста овец, которые должны окотиться, вынули из утробы ягнят и шкуры их доставили во дворец. Прискакал гонец к братьям и передал приказ старшему — Кончауре.

— Нет, — ответил тот гонцу. — Если бы князь просил, то я бы еще подумал — выполнить его просьбу или нет. Но если он приказывает, то я отказываюсь.

Гонец вернулся к князю и доложил о дерзком ответе. Снарядил тогда князь двадцать пять вооруженных всадников и во главе дружины направился к непокорным скотоводам. Кончауру обезоружили и привязали к дереву. Всадники отловили сто овец и, вырезав из их утроб ягнят, ускакали. Вскоре с дальнего пастбища возвратились братья. Увидели привязанного к дереву брата и издыхающих овец, освободили Кончауру, сели на коней и втроем помчались вдогонку за княжеской дружиной. Догнав всадников в узком ущелье, братья преградили им путь. Кончаура крикнул князю:

— Выходи на поединок со мной, если ты не трус, и стреляй первым!

Князь пустил стрелу, но промахнулся. Кончаура, в свою очередь, выстрелил. Стрела угодила князю прямо в лоб, тот свалился с коня, а испуганная дружина ускакала. Братья, зная, что родственники князя будут им мстить, оставили дома одних женщин и ушли на поиски пристанища. В низовьях реки Бзыбь они попросили приюта у местного князя. Тот принял их и разрешил поселиться в его крепости, задумав использовать братьев для грабительских походов.

Однажды князь собрал дружину и предложил Аршба идти с ним. Те неохотно согласились. Поход оказался роковым для Кончауры, нашедшего смерть в неравном бою с убыхами. Братья предали его тело земле, а сами оставили княжеский дом и ушли в Южную Абхазию. На границе Мегрелии они остановились у местного дворянина Маршаниа. Спустя некоторое время приехали к нему гости из Джигетии — князя Аретба и Цанба. Братья заметили, что на одном из них надеты доспехи убитого Кончауры, и тут же договорились убить Аретбу, едва тот покинет дом Маршаниа.

Когда князя со свитой выехали со двора, Чоуар крикнул Аретбе:

— Откуда, князь, у тебя такие доспехи?

Тот с насмешкой ответил:

— Я добыл их лишь за одну стрелу.

Чоуар ответил:

— Ну, получи же ее обратно, — и метким выстрелом убил князя наповал.

Дружинники, испугавшись, помчались домой, оставив на месте тело князя. Братья сняли доспехи и направились в Агу-Бедиа.

Местный князь Чачба разрешил им проживать в Аткаваркале⁵⁰ и охранять его пленников.

Братья были вынуждены согласиться, и с тех пор стали жить в Аткаваркале. Пошел от них большой род Аршба, а название места между теснинами гор, где обычно держали невольников, — Ткварчели — перешло на село, а затем и на город.

* * *

История Ткварчели уходит в глубь столетий. О нем говорят археологические памятники, начиная с бронзовой эпохи, что указывает на заселение этих мест еще в глубокой древности. А средневековые архитектурные памятники, сохранившиеся в районе Ткварчели, в том числе остатки боевых башен Великой Абхазской стены, Лашкендарский храм и другие, свидетельствуют о постоянном обитании здесь людей. В Ткварчели с незапамятных времен проживали абхазские крестьяне из родов Аршба, Аргун, Бгажба, Шакая и других, занимавшиеся скотоводством, земледелием, ремеслом и охотой. Большие лесные массивы позволили развить здесь в начале XIX в. лесной промысел. До 1864 г. весь Ткварчельский район, площадь которого составляла 180 кв. км, считался родовой собственностью владетельных князей Абхазии.

Во второй половине XIX в. от местных охотников из фамилии Аршба впервые стало известно о наличии каменного угля в районе Ткварчели. С 1881 г. в верховьях реки Алдзга с помощью местных крестьян проводились разведывательные работы. Но настоящее исследование этого района началось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1928 г. ткварчельская геологоразведочная партия Геологического комитета ВСНХ СССР во главе с крупным советским геологом профессором В. В. Мокринским при активном содействии правительства Абхазии начала разведку бассейна реки Алдзга. Проводниками геологической партии были большие знатоки здешних гор и местного фольклора Зааоа и Едрис Аршба. В 1935 г. в Ткварчели вступила в строй первая каменноугольная шахта.

⁵⁰ Аткаваркале — «Невольничий балаган» (абхаз.).

Сейчас Ткварчели не только крупный промышленный центр Абхазии. В районе горняцкого поселка Акармара, где находятся бальнеологические источники, которыми местные жители пользовались издревле, создан курорт.

Легенда о происхождении рода Аршба публикуется по очерку Д. Жукова «Радость жизни» («Шулейман Аршба»). — «Земледельцы». М., 1975, с. 207—271. Записана она со слов известного абхазского охотника Нури Бадановича Аршба.

КАК БЫЛИ СПАСЕНЫ ЖИТЕЛИ ПИЦУНДЫ

Однажды, когда враги осадили Пицунду, все мужчины-воины погибли в неравном бою. Женщины, дети и старики укрылись в башне⁵¹, стоявшей в центре селения. Враги сожгли все дома и предложили им сдаться. Но мужественные люди отказались.

У осажденных кончились припасы, а водопровод, подававший воду из Бзыби, был перекрыт. Тогда собрались на совет старейшины и решили предпочесть смерть рабству. Матери вместе с детьми стали бросаться на копья врагов, обступивших башню. Но вдруг стая огромных горных орлов (*ашэорденов*) спустилась из-под облаков. Птицы подхватывали детей, женщин и стариков и уносили их высоко в горы, в безопасное место. Потом спасенные орлами жители вернулись в Пицунду, где на старом пепелище снова возродилась жизнь.

* * *

Много бурных веков пронеслось над древней Пицундой. Не раз лишь пепел да развалины оставляли завоеватели от этого древнеабхазского поселения. Но проходили годы, и снова на руинах возрождалась жизнь.

Согласно историческим источникам, первое поселение на Пицундском мысе относится к последним столе-

⁵¹ На месте остатков упоминаемой здесь башни в 1963 г. были проведены археологические исследования сотрудниками Пицундского музея-выставки Г. К. Шамбой и Н. Д. Гочуа.

тиям до нашей эры, когда выходцами из малоазиатского города Милета здесь была основана колония. Уже в конце II в. до н. э. о ней знали древние греки, называя «Великим Питиусом». Спустя столетие на пицундскую землю пришли римские завоеватели, а в III в. н. э. их сменили северопричерноморские племена готов и аланов. Через десять столетий, в XIII в., здесь стали хозяйничать генуэзцы, основав крупную торговую факторию под названием «Санта София». С XVI до начала XIX в. Пицунда, как и все Северо-Восточное Причерноморье, была добычей султанской Турции. Только в 1830 г. по просьбе абхазов Пицунду заняли русские войска, освободив этот богатый край от турецкого ига. О времени турецких завоеваний, о мужестве абхазского народа и его бессмертии и говорится в приведенной выше легенде.

Легенда записана от краеведа Н. Д. Гочуа.

КАК ПСХУВЦЫ ОБРЕЛИ СВОБОДУ

Давно это было, тогда, когда урочище Псху еще жило полнокровной жизнью. Вблизи Псху-ашта находился дворец князя — верховного вождя псхувцев. Он был жесток и несправедлив, часто совершал набеги и на низинных жителей Абхазии, и на горцев Западного Кавказа. Однажды его дружина разорила целое село, уничтожила всех его жителей, и лишь одного маленького мальчика Марутхву князь оставил в живых и забрал к себе. Прошло время, мальчик вырос, стал красивым и отважным юношей. Княжеская дочь полюбила его, и он платил ей тем же чувством. Однажды княжеская челядь донесла старому князю, что его дочь тайно встречается с Марутхвой. Разгневанный князь решил казнить юношу. Но по законам псхувцев человека можно было предать смерти только за измену. Князь пошел на хитрость. Он сказал, что выдаст свою любимую дочь за Марутхву, если тот совершит героический поступок, достойный уважения всего псхувского народа.

В присутствии старейшин села он позвал к себе юношу и сказал:

— Я знаю, ты любишь мою дочь, и я отдам тебе ее, если ты вернешь принадлежащие псхувской общине сокровища, спрятанные в гроте на самой вершине отвесной скалы, возвышающейся над Псху-ашта, вблизи горного потока.

Юноша ответил, что готов на все.

На следующий день с восходом солнца Марутхва, забивая колышки и цепляясь за камни, стал карабкаться на скалу. Когда солнце зашло за горизонт, он уже приблизился к заветной цели, но едва протянул руку к гроту, как оттуда вылетел рой ос. Они накинулись на юношу и стали жалить его. Потеряв сознание, он сорвался со скалы и упал в горный поток. Стоявшая внизу княжна, увидев это, бросилась с обрыва вслед за Марутхвой. Другу Марутхвы удалось спасти девушку, но юноша погиб, увлеченный водами бурной реки.

Разгневанная толпа бросилась на князя и убила его. Псхувцы поклялись, что не допустят более княжеской власти и впредь станут свободной общиной, управляемой лишь старейшинами. А княжна вышла замуж за своего спасителя — сына простого крестьянина.

* * *

В этой легенде, очевидно, отразились отголоски каких-то реальных исторических событий, непосредственно связанных с высокогорным селом Псху. Еще в позднее средневековье псхувцы жили своеобразной военно-демократической общиной. Население Псху составляло всего около трех с половиной тысяч человек, но их не легко было покорить. К псхувцам присоединились крестьяне с равнинных мест Абхазии, бежавшие от власти феодалов. В XIX в. сюда попадают и беглые русские солдаты с береговых укреплений. В 1864 г. царские регулярные войска вынудили маленькое воинственное абхазское племя псхувцев прекратить сопротивление. Позднее псхувцы переселились в Турцию.

После ухода абхазов из Псху царская администрация организовала там новое поселение. Отрезанные от внешнего мира (сообщение с равниной было возможно только летом), крестьяне влачили жалкое существование. Во время первой мировой войны в Псху проникла секта «имяславцев». Сектанты создавали всевозмож-

ные легенды, в которых утверждалось, что Псху — святое место.

После установления Советской власти в Абхазии «имяславцы» и их приспешники были выбиты из горных гнезд. Но вскоре в Псху устремились монахи закрытых в то время на Кавказе монастырей. Высокогорное село стало центром монашеского подполья; контрреволюционеры в черных рясах вели антисоветскую агитацию, распространяя всевозможные небылицы и легенды антисоветского толка. Лишь в 1930 г. монашеский сброд в Псху был полностью ликвидирован, и народ зажил спокойной жизнью. В селе был организован колхоз, построены школа, клуб.

В годы Великой Отечественной войны в районе села Псху происходили ожесточенные бои между частями гитлеровских войск из дивизии «Эдельвейс» и героическими воинами Красной Армии. После упорных боев 28 августа 1942 г. гитлеровцам удалось преодолеть перевал Санчара и временно захватить Псху. Немецкие егеря двинулись на Сухуми, но были отброшены. Фашисты превратили Псху в главную базу снабжения своих войск, наступавших на Черноморское побережье Кавказа. Но им не удалось осуществить свои коварные планы. В результате активного наступления частей Красной Армии, действовавшей во взаимодействии с Сухумским истребительным батальоном, после ожесточенных боев 8 сентября 1942 г. село Псху было освобождено. В боях за освобождение района Псху исключительное мужество и легендарную отвагу проявил первый летчик Абхазии Виктор Аргун, который, рискуя жизнью, приземлился около сбитого советского истребителя, находившегося на территории врага, вытащил раненого летчика, перенес его в свой самолет, поднялся в воздух и, несмотря на ранение, благополучно достиг своего аэродрома.

После изгнания фашистов с Кавказских гор село начало залечивать раны, нанесенные войной. Хозяйство колхоза было восстановлено. Псху часто посещают многочисленные туристские группы. Здесь они знакомятся с местными достопримечательностями, в том числе со скалой «Марутхва».

Легенда записана от Тараса Ачбы.

КАК В СУХУМИ ПОЯВИЛСЯ «СИНОП»

Перед русско-турецкой войной 1877—1878 гг. старший брат знаменитого художника Ивана Айвазовского — епископ Гавриил Айвазовский часто бывал в городе Сухуме. В один из своих приездов он подарил картину брата «Синопский бой» начальнику Сухумского военного отдела полковнику А. Н. Введенскому. У А. Н. Введенского на восточной окраине города была дача с парком, который он разбил в 1872 г. и назвал «Флора». Полковник повесил картину на даче и с гордостью показывал ее своим гостям.

Во время русско-турецкой войны Сухум был оставлен русскими войсками, и город заняли турки. Штаб турецкого командования разместился на даче А. Н. Введенского. Однажды паша — командующий турецкой армией — обратил внимание на висевшую в зале картину И. Айвазовского⁵². Паша вызвал старого садовника, единственного из прислуги не успевшего уехать, и спросил:

— Не знаешь ли, что изображено на этой картине, нарисованной гяуром?

Садовник, усмехнувшись, ответил:

— Знаю, господин. Это Синопский бой, во время которого русские моряки-молодцы разбили ваш флот у Синопского мыса.

Паша, придя в ярость, приказал своей челяди повесить картину на дереве в саду и, выстрелив в нее, воскликнул:

— Вот вам, русские, Синоп!

За ним стали стрелять офицеры. Изрешеченная турецкими пулями картина была подобрана старым садовником, когда турки бежали восвояси.

Впоследствии об этом акте турецкого варварства садовник рассказал ставшему в 1888 году новым хозяином «Флоры» великому князю, который в память о погибшей картине назвал парк «Синопом».

⁵² Очевидно, это была копия, так как подлинник находится в Военно-морском музее в Ленинграде.

Синоп — красивейший уголок Сухуми, расположенный на его восточной окраине. Еще при А. Н. Введенском в Синопском парке была проведена значительная работа по культивированию многих растений. При великом князе этот экзотический уголок Сухуми становится крупным коммерческим садовым заведением с большим питомником декоративных растений.

Впоследствии весь район города, примыкающий к парку, стали называть Синопом.

После установления Советской власти парк «Синоп» перешел в распоряжение города и стал одним из лучших парков на Черноморском побережье Кавказа. Он разбит в английском стиле. Здесь выросли могучие кедры, платаны, кипарисы, сосны, ели и лиственные кустарники, пальмы, бамбук. В парке в начале 30-х годов было уже несколько сотен сортов растений, привезенных из различных стран земного шара: Северной и Южной Америки, Японии, Китая, с Канарских островов, Гималаев, Средиземноморья, Кавказа. Здесь еще в 1887 г. были высажены крупные экземпляры пробкового дуба.

В 1935 г. на территории парка был построен из розового армянского туфа дом отдыха ЦИК СССР «Синоп». Во флигеле этого дома, сохранившегося до настоящего времени, отдыхал и работал над романом «Последний из Удэге» выдающийся советский писатель Александр Фадеев.

Парк «Синоп» — одна из природных достопримечательностей Сухуми. Его часто посещают туристы и отдыхающие.

Предание записано от К. Мачавариани.

ОТКУДА ПРОИЗОШЛО НАЗВАНИЕ БАБЫШ-ИКВАРА

Много веков назад в селе Река было совсем мало жителей. Пустовали плодородные земли. Вокруг раскинулись леса, текли речушки и били родники, но никто не пользовался этой благодатью.

Как-то раз три брата, путешествовавшие по Южной Абхазии в поисках новой земли, забрели в Реку. Место это им понравилось, и решили они обосноваться здесь на постоянное жительство.

Старшего брата, пастуха, владельца скота, звали Бабыш. Свое стадо он держал на краю села, где поставил *аабтра*⁵³ в нескольких километрах от своего дома, на берегу тогда еще безымянной речушки, бравшей свое начало у села Ткварчели и впадавшей в реку Охурей.

Летним жарким днем, когда шла первая прополка кукурузы, братья Бабыша устроили *кяраз*⁵⁴ по прополке кукурузы, а Бабышу поручили приготовить обед для кяразовцев: принести вареной козлятины, сыра, бурдюк с мацони.

Пришло время обеда, собрались кяразовцы на поляне под тенистым грабом. Ко всеобщему удивлению, Бабыш не явился. Один из братьев отправился к аабтра, но там не оказалось ни Бабыша, ни его стада. Только собаки бегали около стоявшего на берегу реки дерева анча. Взглянув на дерево, брат увидел Бабыша, привязанного к дереву, с разбитой в кровь головой. Брат отвязал Бабыша, дал ему напиться, и постепенно тот стал приходить в себя.

Ждал-ждал третий брат и сам отправился к аабтра. Вдвоем они отнесли Бабыша домой. Дома Бабыш рассказал о случившемся. Оказывается, утром, едва он подоил коз, на него набросились разбойники, связали руки и ноги, бросили на землю и стали выгонять скот со двора. Бабыш начал кричать на грабителей. Тогда главарь бандитов, князь Заурхан, восседавший на белом коне, приказал сопровождавшим его лицам привязать Ба-

⁵³ А а б т р а — «балаган» (абхаз.).

⁵⁴ К я р а з — день взаимной помощи; к я р а з о в ц ы — приглашенные в помощь работники (абхаз.).

быша к дереву и избить. Скот грабители угнали и переправили через реку Охурей.

Братья решили отомстить Заурхану, а тот и не подозревал, что у него появились враги. Он думал, что Бабыша уже нет в живых. Поэтому, ничего не опасаясь, он продолжал совершать свои разбойничьи набеги на мирные селения.

Когда князю исполнилось шестьдесят лет, он захотел отпраздновать юбилей не дома, а в селе Река, где совершал свои злодеяния и издевался над крестьянами. На празднике он решил устроить скачки, а местом их избрал междуречье Охурей и Безымянной. На скачки князь-разбойник пригласил множество дворян со всей Абхазии.

В свою очередь, Бабыш и его братья готовились по-своему чествовать юбиляра. Они привели в порядок самодельные ружья-*апилта* и насыпали в стволы побольше пороха. Братья решили, что они попросят покровительства у наиболее могущественных самурзаканских князей, став их гостями. По тогдашним обычаям абхазов, если убийца станет гостем какого-либо сильного князя или дворянина, тот должен увезти и защитить его. Чтобы «пригоститься», преступник должен был прыгнуть на княжеского коня, за спину князя. Братья заранее наметили «своих» князей.

В разгар состязаний, когда Заурхан вместе с друзьями гарцевал в середине круга, Бабыш выстрелил в него, и тот свалился с лошади. Воспользовавшись переполохом, Бабыш прыгнул за спину князя Чхотуа из села Саберию, а другие братья «пригостились» к князьям Чачба и Эмухвари. Все трое князей с сопровождающими их лицами рысью поскакали домой, везя с собой Бабыша и его братьев. Бабыш остался в селе Саберию под покровительством Чхотуа, средний брат — в селе Набакиа под покровительством Чачба, а младший — в селе Окуми у Эмухвари. Князья-покровители «пригостившихся» братьев не превратили в рабов, а оставили их свободными крестьянами, наделили землей. Вскоре они построили себе дома и стали заниматься сельским хозяйством.

Прошло много лет. Все братья женились, у них появились дети. Но дети почему-то стали умирать. Обратились к местной знахарке. И она посоветовала братьям вернуться в свое село — Реку. Те так и сделали.

Осели они на берегу безымянной речушки, которую местные охотники называли потом Бабыш-Иквара.

С тех пор эта речушка и носит название Бабыш-Иквара — в память о смелости и находчивости простого пастуха.

* * *

Предание основано на реальных событиях, случившихся в селе Река нынешнего Очамчирского района. По словам местного жителя Варлаама Кубрава, они имели прямое отношение к его предкам. Внуки Бабыша, Тукуа и Хута, переселились в село Река, на то место, где Бабыш был ограблен и избит. Впоследствии потомки Тукуа и Хуты, отделяясь от родителей, далеко не уходили, а строили свои дома рядом, образовав целый поселок кубравовцев. Разумеется, по соседству с ними с незапамятных времен жили и другие абхазские крестьянские роды — Иванба, Лабахуа, Кишмария, Бжания. К 1930 г. потомство Кубрава состояло уже из 16 семейств. Затем большая часть кубравовцев переехала в города Очамчира и Сухуми. Из их среды вышли учителя, агрономы, инженеры, ученые.

А. Э. Кубрава стал доктором исторических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Абхазской АССР. Он автор многих монографий по истории и культуре Абхазии.

КАК АРГОНАВТЫ ОСНОВАЛИ ДИОСКУРИЮ

Одна из наиболее ярких героических легенд древней Греции — миф об аргонавтах — связана с Колхидой, куда уже в середине II тысячелетия до нашей эры приплывали на своих кораблях первые древнегреческие купцы. Вот рассказ Аполлония Родосского, записавшего этот миф.

У сына бога ветров Эола, царя Афоманта, было двое детей — Фрикс и Гелла. Оставив первую жену, богиню Нефелу, Афомант женился на Ино. Мачеха невзлюбила детей мужа и решила их погубить. Она велела засеять поля сухими семенами, а когда они не взошли и голодающие послали послов к оракулу, она

подкупила их, чтобы те вернулись с ложным ответом. Оракул якобы сказал, что нужно принести в жертву богам Фрикса. Все уже было готово для жертвоприношения, но мать Фрикса, богиня Нефела, послала сыну златорупного барана Овна, на котором Фрикс со своей сестрой Геллой полетел в далекую Колхиду.

Пролетая над нынешним проливом Дарданеллы, Гелла испугалась, разжала руки и упала в воду (отсюда — древнегреческое название пролива Геллеспонт — «море Геллы»).

Фрикса, прилетевшего в Колхиду, колхидский царь Эит принял с почестями, а когда Фрикс вырос, женил его на своей дочери. Овна принесли в жертву Зевсу, сняли с него золотое руно, и Эит повесил его в священной роще, а сторожить его стал огнедышащий дракон.

Между тем молва о золотом руне разнеслась по всему свету. Когда молодой Ясон потребовал у обидчика отца, чтобы тот вернул захваченный трон, Пелий, сославшись на веление богов, заявил, что сделает это лишь в том случае, если золотое руно будет возвращено из Колхиды в Элладу.

Стал Ясон собираться в далекий и опасный путь за руном. Объехал он Элладу, собрал всех самых известных героев: Геракла, Тезея, сыновей Леды и Зевса — диоскуров (близнецов) Полидевка и Кастора, Линкея и Телано и многих других. Сама богиня Афина помогала им строить корабль «Арго».

Попутный ветер понес аргонавтов к далекой Колхиде. Много испытаний выпало на их долю. На острове Лемнос женщины, убившие своих мужей за измену, пытались оставить героев у себя. Кровавый бой с шестирукими великанами выдержали герои на полуострове Кизик. С помощью Афины успешно миновали они страшные Симплегадские скалы, где птицы с острова Аретиада при приближении мореплавателей сыпали на них ядовитые стрелы-перья из своих крыльев. И вот наконец аргонавты подплыли к устью Фазиса (современная Риони).

А в это время на Олимпе боги совещались, как помочь Ясону добыть золотое руно. И поручили они богине любви Афродите влюбить в Ясона младшую дочь Эита — Медею.

Утром пошли Ясон и друзья его ко дворцу Эита. В ту минуту, когда он приветствовал царя, сын богини

любви, шаловливый Эрот, спрятавшись за колонной, пустил свою золотую стрелу в сердце стоявшей рядом Медеи.

Рассказал Ясон Эиту, зачем он приплыл в Колхиду. Разгневался Эит: уж не задумали ли аргонавты отобрать у него все царство? Успокоил Ясон Эита и предложил исполнить любое его поручение, заплатив таким образом за руно. Приказал Эит Ясону запрячь огнедышащих быков в плуг, засеять поле зубами дракона, чтобы из них тотчас же выросли воины, которых Ясон должен победить.

Ясон согласился. Друзья посоветовали ему обратиться за помощью к Медее. Встретившись с Ясоном, она дала ему мазь, приготовленную из крови Прометея. Достаточно было смазать ею тело, щит и меч, как герой становился непобедимым.

Утром Ясон намазал тело, меч и щит волшебной мазью и сошел с корабля на поле. Здесь он нашел железный плуг и медное ярмо. С ревом выскочили из пещеры огнедышащие быки. Прикрылся Ясон щитом, схватил быков за рога, подтащил к плугу и с помощью братьев-диоскуров надел на них ярмо. И вот поле уже засеяно. Одно за другим из земли стали появляться острия копий, а вскоре все поле покрылось несметной ратью воинов в блестящих доспехах. Как орел на зайцев, налетел Ясон на воинов и перебил всех.

В страшном гневе смотрел на все это Эит. Глубокой ночью собрал он совет самых мудрых колхов, чтобы придумать, как уничтожить Ясона. Медея поспешила к Ясону и стала уговаривать его скорее похитить руно и бежать из Колхиды.

Непроглядная тьма окутывала священный лес, лишь ярко сверкало висевшее на дереве руно. Медея прочла заклинания, полила на дракона, охранявшего руно, волшебное зелье и усыпила стража. Снял Ясон руно с дерева и бросился вместе с Медеей бежать на корабль. Обрубил Ясон канаты, налегли герои на весла, и стал уходить все дальше берег Колхиды...

На обратном пути из Фазиса диоскуры Кастор и Полидевк по воле богов свернули в сторону и с попутным ветром поплыли на север Колхиды. Там взор братьев пленила тихая бухта, где гостеприимные местные жители приветливо их приняли. Недолго прожили здесь диоскуры, но успели построить город, в который все

больше сходилось народа для торговли. И молва разнесла по всему свету славу о Диоскурии — городе близнецов-диоскуров (современный Сухуми)...

* * *

Легенда воскрешает в какой-то мере историю города Поти, некогда называвшегося Фазисом. Тогда Фазис был престольным городом колхидского царя Аэта, у которого был роскошный дворец. Легенда относится к XII в. до н. э. Но и в дальнейшем знакомство греков с колхидским побережьем не прекращалось, но долгое время оно носило все же эпизодический характер.

Пришельцев манило золото в колхидских реках, залежи меди и железа в горах. Это послужило причиной основания здесь греческой колонии, в которой жили и аборигены, колонисты застали в этих местах уже развитую культуру древнегрузинских и древнеабхазских племен.

Легенда о плавании аргонавтов за золотым руном вдохновляла многих ваятелей и живописцев, начиная с раннеантичного периода и вплоть до наших дней, волновала воображение поэтов и драматургов еще со времен Еврипида. В Западной Европе в новое время печатались литературные журналы под названием «Арго». В Кутаиси в конце XIX в. выходил журнал под таким названием. В начале XX в. в Москве издавался сборник литературного объединения «Аргонавты», которым руководил поэт Андрей Белый.

В наше время миф об аргонавтах дополняется новыми, теперь уже реальными чертами. Греческие археологи на острове Эолт обнаружили остатки дворца полумифического Ясона. Грузинские и абхазские исследователи на территории исторической Колхиды находят много интересных памятников материальной культуры, относящихся как к предполагаемому времени плавания аргонавтов, так и к более поздним историческим периодам.

В 1962—1963 гг. под руководством автора этих строк работала гидроархеологическая экспедиция в разных местах Черноморского побережья Кавказа. Результаты этих исследований широко освещались отечественной и зарубежной печатью.

В конце июля 1984 г. к берегам Колхиды пристал известный шотландский путешественник Тим Северин,

повторивший на своем «„Арго”-1984» маршрут легендарных аргонавтов. Одновременно с ним сюда прибыли на яхте «Аврора» болгарский мореход Теодор Троев и известный ученый-археолог Михаил Лазаров. Путешественников встретили грузинские ученые и общественность Западной Грузии, а также представители «Клуба аргонавтов», созданного в начале 1984 г. в Сухуми.

Члены «Клуба аргонавтов» провели большую работу по выявлению материалов по аргонавтике в различных советских и зарубежных музеях и книгохранилищах. Фотографии и фотокопии древних фресок, скульптур, монет и других предметов, связанных с аргонавтикой, демонстрируются на выставках, устраиваемых «Клубом аргонавтов» в Сухуми и на международном курорте Пицунда.

На заседаниях «Клуба аргонавтов» часто выступают ученые, писатели и поэты. Основан музей «Клуба аргонавтов», для которого уже изготовлена модель «Арго», написаны картины, собраны интересные материалы. Готовится материал для ежегодного альманаха клуба, а также фестиваль под названием «Аргонавты сходят на берег», в котором примут участие творческие коллективы Сухуми, Гагры, Сочи, Батуми, Тбилиси, Еревана, Баку, Москвы, Ленинграда и других городов страны и туристские организации.

В основу фестиваля будет положена интерпретация мифа об аргонавтах, которые приплывут к берегам Колхиды на судне, декорированном под древнегреческий корабль. Этот феерический праздник предполагается сделать традицией и проводить каждый год.

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ПОТИ

Широко раскинулось озеро Палеостоми. За день его едва ли кругом обойдешь. Самое большое озеро в Грузии. А говорят, раньше на этом месте был город, и назывался он тоже Палеостоми.

Славился этот город богатством. Но еще больше славилась церковь Палеостоми, где хранилась чудотворная икона божьей матери. Так рассказывают старики.

Но не чтили жители города своего храма. Такая спесь и гордыня обуяла их, что начали они заезжать в церковь прямо на конях!

Не потерпел бог такого кощунства и однажды ночью опустил вход в церковь так, чтобы никто не мог заехать в нее верхом. Было это чудо предупреждением, но гордецы не унялись. Теперь стали они слезать с коней перед входом, но заводили их в церковь за собой в поводу.

На другую ночь снова понизилась притолока двери в божий храм. Теперь уже лошадь не могла в нее пройти. Но спесивые жители Палеостоми только смеялись. Заходили в церковь с гордо поднятой головой и даже не кланялись.

Был среди них один человек по имени Кико. Только он хранил благочестие и склонялся перед чудотворной иконой.

— Покоритесь! — говорил Кико гордецам. — Покоритесь, иначе небо покарает вас.

Но никто его не слушал, и все смеялись над его благочестием.

Тогда свершилось еще одно чудо: вход в церковь за почь стал таким низким, что в него нельзя было пройти, не нагнувшись. Поневоле гордые жители Палеостоми должны были склонять головы при входе в святой храм.

Но силен был в них бес неукротимой гордыни. И решили спесивые палеостомцы:

— На конях нам в церковь теперь не въехать! Лошадь за собой не ввести. И самим во весь рост не войти. Ладно же! Все равно никто не заставит нас склонять голову, хотя и перед иконой божьей матери.

И начали они пролезать в низкую дверь ногами вперед — лишь бы только не кланяться!

Увидел бог, что ему не справиться с этими гордецами, и решил уничтожить их всех до единого. Кроме благочестивого Кико.

Ночью во сне явилось Кико видение. Предстал перед ним разгневанный ангел и молвил:

— Переполнилась чаша терпения господа, и город твой осужден на гибель. Однако тебя одного пощадит, если встанешь немедленно и увезешь святую икону божьей матери отсюда в Шемокмеди.

Проснулся Кико, немедленно вывел мула, взял в церкви икону божьей матери, поставил ее перед собой и поехал. Но на дороге увидел соседку и пожалел ее. Посадил

женщину на мула сзади, и так выехали они из еще спящего города.

А когда миновали городские ворота, хлынул ливень. Разверзлась земля и поглотила город непокорных гордецов. Оглянулся Кико, и страх сковал его: на месте города бушевали волны и катились за ним следом, словно гнались. Из всех сил погнался Кико на мула. А дождь хлестал все сильнее, а волны все приближались. Вот уже начали они захлестывать задние ноги мула. Вот уже сбивают его с тропы.

И тогда грянул гром, и услышал Кико грозный голос:

— Брось женщину! Тебе одному суждено спасение. Не бросишь — погибнешь.

И Кико сбросил женщину с мула. Разом прекратился ливень и отступили волны.

Приехал Кико в Шемокмеди, прожил там три месяца, а потом было ему во сне видение. Повелел ему господь перенести икону в Бахви. И это повеление исполнил Кико.

Но не о Кико наш рассказ, а об озере Палеостоми. Говорят, некогда стоял на этом месте богатый город, где жили гордые люди, так ни перед кем и не склонившие головы.

Давно, правда, это было...

* *

Озеро Палеостоми находится в окрестностях города Поти. В него впадают три небольшие речки — Печора, Хорина и Черная. Площадь этого самого большого внутреннего водоема Грузии равняется 18,2 кв. км, максимальная глубина — 4 м. Озеро связано с Черным морем естественным каналом, образовавшимся в 1933 г. в результате прорыва перемычки, отделявшей озеро от реки Капарчина.

С озером Палеостоми связано немало поэтических легенд и преданий, передаваемых из поколения в поколение. В некоторых из них упоминается город Палеостоми с его дворцами и храмами, большой площадью, на которой были установлены скульптурные изображения богов и богинь.

В этих легендах, очевидно, получил отражение факт существования некогда большого колхского города. Известно, что на месте современного Поти в античные вре-

мена располагался город Фазис, являвшийся одновременно и морским укреплением, и важнейшим экономическим и политическим центром Колхиды. В городе были здания из мрамора. Уже тогда здесь функционировал водопровод. На одной из площадей стояла статуя богини Фасианы, о чем имеются упоминания в путевых записях римского военачальника Ф. Арриана (II в. до н. э.).

К сожалению, мало что сохранилось от этого античного города. Ученые полагают, что причиной тому — частые наводнения, вызванные изменчивостью русла реки Фазис (современная Риони). Поэтому археологи, много лет ведущие раскопки в районе Поти под руководством профессора Т. Микеладзе, пока не находят сколько-нибудь значительных следов гражданских и оборонительных сооружений.

Река на значительном протяжении была судоходной. По словам древнегреческого географа Страбона, через нее выше города было переброшено 120 мостов.

В 256—260 гг. город Фазис был захвачен и опустошен готами, но впоследствии восстановил свое бывшее величие. Античные авторы сообщают, что здесь жили люди шестидесяти племен. На торговых площадях встречались купцы из далекой Индии и Бактрии.

В V—VI вв. город входил в состав Лазского царства. В VI в. в Фазисе обосновались византийцы, которые воевали в то время с персами. В 554 г. последние вплотную подступили к крепостным стенам, но были отброшены.

С начала VI в. Фазис становится резиденцией епископа, в 558 г. епископ из Фазиса в числе четырех представителей высшего греческого духовенства участвовал в IV Вселенском соборе в Константинополе.

В VII в. Фазис упоминается уже как Поти. В эпоху объединенного Грузинского государства (X—XIII вв.) Поти был одним из важнейших портов Грузии. В 1578 г. его захватили турки, и он пришел в упадок. Отсюда увозили в Османскую империю невольников.

В конце XVIII в. началась с помощью русского оружия борьба за освобождение Поти от турецкого ига. 15 августа 1809 г. войска генерала Орбелиани, поддерживаемые грузинскими и абхазскими отрядами, заняли Поти. Но лишь спустя 20 лет крепость Фаш была взята войсками генерала Гесса и по Адрианопольскому мирному договору закреплена за Россией. В честь этого со-

бытия на крепостной стене установлена мемориальная доска с надписью: «15 июля 1828 года после шестидневной канонады турецкая крепость Поти сдалась русским войскам. Достались в руки победителей 44 орудия, 18 знамен, 2 погреба, наполненных порохом и снарядами, и весь гарнизон».

Во время Крымской войны Поти был сожжен, но затем отстроился вновь. В 1871 г. Поти был соединен железнодорожной линией с Тифлисом. С того времени порт особенно оживился, так как через него стала вывозиться из Чиатуры марганцевая руда.

Хотя после присоединения к России Батума торговое значение Поти несколько упало, тем не менее в 1886 г. через порт за границу было вывезено более семи миллионов пудов кукурузы и пшеницы.

Много сделал для развития экономики и культуры города известный грузинский общественный деятель, друг Н. Г. Чернышевского, Нико Николадзе.

Во время первой русской революции 1905 г. потийский пролетариат активно участвовал в борьбе с царским самодержавием. В годы борьбы за Советскую власть в Грузии он вновь боролся с врагами революции.

После установления Советской власти Поти и прилегающие к нему районы быстро благоустраиваются.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, закрыта последняя страница книги абхазского историка, этнографа и фольклориста В. П. Пачулиа.

Книга эта — итог многолетней работы автора по пропаганде сведений о природных богатствах и исторических традициях Абхазии. В ней собраны легенды и предания Кавказского Причерноморья. Источники их различны: это и переиздание опубликованных ранее текстов и легенды, вновь записанные автором у различных информаторов. То, что каждая из них снабжена указанием на источник — несомненно указывает на научную ценность книги.

Легенды, собранные под общим названием «Падение Анакопии», отражают происхождение народов Черноморского побережья, их нравы и обычаи, связи с различными историческими и природными памятниками.

Автор поставил своей целью ознакомить широкие круги советских читателей с прошлым Абхазии, со своеобразными чертами мышления грузинского, абхазского, адыгского и других кавказских народов. Стремясь возможно шире охватить абхазское народное творчество, В. П. Пачулиа включил в сборник мифы и предания, героические сказания о партах, о прикованном к скале герое — богоборце Абрскиле, абхазском Прометее; легенды о ацанах, об абхазских неграх и т. д.

Оригинальны легенды, рассказывающие о величественных явлениях природы («Откуда взялось Голубое озеро», «Легенды об озере Инкит» и др.), о строительстве исторических памятников Абхазии, сохранившихся и до нашего времени («Пицундский храм», «Храм священного быка», «Легенда о великой Абхазской стене» и т. д.). В бытовых легендах («Любовь и дружба», «О князе Омаре», «Сильнее смерти» и др.) прославляются лучшие качества народа — благородство, героизм, доброта, преданность. В этих легендах можно увидеть немало специфических черт абхазов. Характерен, например, показ различного рода состязаний, скачек, джигитовки.

Героический эпос абхазов, включенный в книгу («Абрскил —

Прометей Абсны», «Атвонук и Канбулат», «Сказание о возвращении огня» и т. д.), выражает народную мечту о лучшей доле, о свободной жизни. В нем рассматриваются темы воинской доблести, терпения в страданиях, храбрости, выдержки, взаимного уважения и дружбы.

В целом можно сказать, что герои абхазских легенд — это борцы за справедливость, люди мудрые и в то же время наделенные юмором, едким сарказмом, бичующие угнетателей.

Многочисленные образы героев абхазского эпоса, земледельцев, пастухов и ремесленников, абхазских богов и сказочных великанов, обожествленных и одухотворенных явлений природы проходят перед читателями книги В. П. Пачулиа, раскрывая яркую картину древней абхазской земли и ее народа, обладающего своеобразным национальным характером.

В книге собраны легенды, наиболее популярные в народе, представляющие их лучшие образцы. Она несомненно вызовет большой интерес у читателя.

Ю. В. Бромлей

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.—Л. 1949 (гл. «Поездка в Абхазию»).
- Абхазские народные сказки. Сост. и автор примечаний К. С. Шакрыл. М., 1975.
- Абхазские сказания. Сухуми, 1961.
- Абхазские сказки. Сухуми, 1939.
- Абхазские сказки, записанные Д. Гулиа.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 10. Отд. 2. Тифлис, 1909.
- Абхазские сказки. Сухуми, 1976.
- Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969.
- Адзинба И. Э. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958.
- Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии.— «Живая старина». СПб., 1893, № 3.
- Акаба Л. Х. Из мифологии абхазов. Сухуми, 1976.
- Акаба Л. Х. У истоков религии абхазов. Сухуми, 1979.
- Андреев Н. Путеводитель по Кавказу. М., 1912.
- Андреев Н. П. Вступительная статья.— Абхазские сказки. Т. I, 1940.
- Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VII—XVII вв.). Сухуми, 1959.
- Баранов Е. Легенды Кавказа. М., 1913.
- Бгажба Х. С. Об абхазском героическом эпосе.— «Вопросы изучения эпоса народов СССР». М., 1958.
- Батчаев М., Стефанеева Е. Горы и нарты. Кавказские легенды. Ставрополь, 1969.
- Булангина Е. Сказки, песни и легенды Кавказа. М., 1912.
- Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
- Гадагатль А. Н. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар, 1957.
- Гарцкия В. Из абхазских народных преданий и поверий.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 13, 1892.
- Гатцук В. Абрскил (абхазское предание).— «Юная Россия». 1907, № 2.
- Гатцук В. Набег (абхазское предание).— «Юная Россия». 1907, № 3.

- Гулиа И. Абхазские сказки. Тифлис, 1909 (на абхаз. и русск. яз.).
- Гулиа Д. И. История Абхазии. Т. I. Тифлис, 1925.
- Гулиа Д. И. Сухум не Диоскурия.— «Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Сухуми», 1934.
- Грузинские народные предания и легенды. Сост., пер. и предисл. Е. Б. Вирсаладзе. М., 1973.
- Далгат У. Б. Фольклор и литература народов Дагестана. М., 1962.
- Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927.
- Державин Н. Абхазия в этнографическом отношении.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 38. Тифлис, 1907.
- Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960.
- Ефремов Ю. К. Тропами горного Черноморья. М., 1963.
- Зайцев И., Максимов И. Легенды и были Черноморья. Краснодар, 1975.
- Зухба С. Л. Абхазская народная сказка. Тб., 1970.
- Зухба С. Л. О некоторых элементах первобытного фольклора в абхазской волшебной сказке.— «Труды Сухумского государственного педагогического института им. А. М. Горького». Т. XVIII—XIX. Сухуми, 1966.
- Инал-ипа Ш. Д. Об абхазских нартских сказаниях.— «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН ГССР». Вып. XXIII. Сухуми, 1949.
- Инал-ипа Ш. Д. Героический эпос абхазского народа.— «Литературная Абхазия». 1958, № 3 [8].
- Инал-ипа Ш. Д. Нартский эпос абхазцев. «Нартский эпос». Орджоникидзе, 1965.
- Инал-ипа Ш. Д. О содержании термина «апсха».— «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН ГССР». Вып. XXXIII—XXXIV. Тб., 1963.
- Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965.
- Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. Сухуми, 1977.
- Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухуми, 1922.
- Картвин Ф. Д. Смерть царя Митридата Евпатора.— «Черноморский альманах». Тб., 1914, № 1.
- Картвин Ф. Д. Гнев Диоскуров.— «Черноморский альманах». 1914, № 2.
- Ковач К. В. А. М. Горький об абхазском народном творчестве.— «Литературная Абхазия». Тб., 1957, № 2.
- Ковач К. В. Два Маджа. Абхазские легенды и рассказы. Сухуми, 1935.
- Косвен М. О. Амазонки. История легенды.— «Советская этнография». 1947, № 2, 3.
- Кун Н. А. Легенды и мифы древней Греции. М., 1954.
- Лазаров М. Потерянная флотилия. Л., 1978.
- Лихачев И. Чигуровская пещера и легенда об Абрскиле-Прометее.— «Труды V археологического съезда в Тифлисе [1881]». М., 1887.
- Лопатинский Л. Г. Красавица Елена и богатырь-женщи-

- на.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 12, 1891.
- М а ч а в а р и а н и К. Д. Очерки и рассказы. Батуми, 1909.
- М е г р е л и д з е И. В. Руставели и фольклор. Тб., 1960.
- М е л е т и н с к и й Е. М. Происхождение героического эпоса. М., 1963.
- М е л е т и н с к и й Е. М. Предки Прометея (культурный герой в мифе и эпосе).— «Вестник истории мировой культуры». 1958, № 3.
- М е р е т у к о в К. Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп, 1981.
- М и к а в а Н. Сказки и легенды гор. М., 1960.
- Миф о Прометее. М., 1967.
- М р о в е л и Л е о н т и. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. М., 1979.
- Народы Кавказа. М., 1960.
- Н о г м о в Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958.
- П а т е й п а Ф. Лазаревское взморье. Краснодар, 1979.
- П а ч у л и а В. П. В краю золотого руна. М., 1968.
- П а ч у л и а В. П. По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми, 1969.
- П а ч у л и а В. П. Легенды лазурного берега. М., 1973.
- П а ч у л и а В. П. Абхазия. Историко-культурный очерк. Сухуми, 1976.
- П а ч у л и а В. П. Гагра. Очерки истории города и курорта. Сухуми, 1979.
- П а ч у л и а В. П. Русские писатели в Абхазии. Сухуми, 1980.
- П а ч у л и а В. П. Черноморское побережье Кавказа. Путеводитель для туристов. М., 1980.
- П о т т о В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах, биографиях. Т. I. СПб., 1885.
- С а л а к а я Ш. Х. Абхазский народный героический эпос. Тб., 1966.
- С а л а к а я Ш. Х. Вопросы собирания и исследования абхазского фольклора за годы Советской власти.— «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН ГрузССР». Вып. XXXII, 1961, с. 105—114.
- С а л а к а я Ш. Х. О некоторых общих фольклорных истоках литератур абхазо-адыгейского народа.— «Ученые Записки Адыгейского НИИ языка, литературы и истории». Т. III. Майкоп, 1964, с. 173—184.
- С а л а к а я Ш. Х. О некоторых абхазских исторических преданиях. «Мацне».— «Вестник Отделения общественных наук АН ГрузССР». № 4, 1965, с. 152—519.
- Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.
- Сказки адыгейских народов. М., 1978.
- Сын оленя. Абхазские сказки и легенды. М., 1959.
- Ч у р с и н Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.
- Ч и к о в а н и М. Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М., 1966.

Легенды и предания Черноморского побережья Кавказа 5
 ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАРОДОВ
 ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА,
 ИХ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Абрскил — Прометей Апсны	20
Золотое седло Абрскила	28
Откуда пошел народ Апсны	29
Откуда пошли Киуты	32
Как исчезли ацаны	34
Томиранда	35
Легенды о колхидских неграх	56
Нарты у чернолицых людей	56
Сказание о лесных людях очокочи	58
Атвонук и Канбулат	64
Славный джигит Ширар	69
Как Амаршан расправился с малярней	76
Сказание о возвращении огня	78

НРАВЫ И ОБЫЧАИ

Любовь и дружба	82
О князе Омаре	91
Беслетский мост	96
Скала стариков	98
Сильнее смерти	101
Слезы Лауры	106
Как абхазы узнали смерть	108
Киселева скала	109
Почему абхазы оставляли пучок волос на голове	112
Как уничтожили ореховую рощу Бабыша	113
Как один молодой человек, понадеявшись на абжаквовцев, сбрил усы	115
Об апостоле Симоне Каноните и Андрее Первозванном	116
Как убыхи стали садоводами	118
Змея-благодетельница	119

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Пицундский храм	122
О Пицундской стене	124
Храм судьбы	126
О великом зодчем	129
Храм священного быка	133
Как появился в Абхазии город Команы	139
Лашкендар — Собачий храм	141
Легенды о Великой Абхазской стене	142
Батумская башня Тамар	145
Крепость Нарчхоу	148
О Бзыбской и Калдахварской крепостях	149
Падение Анакопии	151
Крепость Чиркс-Абаа	154
Гагрская крепость Абаата	156
Штурм крепости Гуинтвинт	158

Тайна пещерного замка	161
Лыхненский дворец	162
Грот царицы пчел	164
Сказания о Рице	166
«Девичьи слезы»	170
Эрдзегашра — заколдованное озеро	172
О возникновении озера Амткел	174
Откуда взялось Голубое озеро	176
Каменный риф Нагв-Ихаху	177
Смерть Митридата	178
Трусливый царь	182
Черные свечи	184
Дочери горного духа	189
Пшкяч-ипа Манча и красавица Мадина	190
«Горная старуха»	192
Золотое седло в Мчиштинском тайнике	193
Легенды об озере Инкит	194
Бани Отинко	196
Предание об Адлерской крепости	197
Историческая площадь — Лыхнашта	199

ИСТОРИЯ ГОРОДОВ И СЕЛ

Как возникло древнее поселение Гагра	202
Откуда взялось древнее название Гудаута	205
Абхазские Ромео и Джульетта	205
Легенда о злом князе Беслане и несчастных влюблен- ных	206
Как было основано селение Ткварчели	214
Как были спасены жители Пицунды	217
Как псхувцы обрели свободу	218
Как в Сухуми появился «Синон»	221
Откуда произошло название Бабыш-Иквара	223
Как аргонавты основали Диоскурию	225
Легенды и были Поти	229
Ю. В. Бромлей. Послесловие	234
Литература	236

Вяноор Панджиевич Пачулиа

ПАДЕНИЕ АНАКОПИИ

Легенды Кавказского Причерноморья

Редактор Э. О. Секар. Младший редактор Г. А. Аристова. Художник Н. А. Абакумов. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор Л. Е. Синенко. Корректор И. И. Чернышева

ИБ № 15280

Сдано в набор 18.06.85. Подписано к печати 13.12.85. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Вкл. отпечатана на офсетной бум. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 12,6+0,42 вкл. Усл. кр.-отт. 15,54. Уч.-изд. л. 13,16. Тираж 75 000 экз. Изд. № 4880. Зак. № 816. Цена 95 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва И-473, Краснопролетарская, 16

95 к.

PLANTAGENET

Barbara